

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Данил Колок

Палачи

«Автор»

2026

Колок Д.

Палачи / Д. Колок — «Автор», 2026

Представь себе тёмный мир, полный магии, чудовищ, страданий и боли. Мир, где человеческая жизнь не стоит ничего, где каждый день это борьба за существование без награды. В мире много веков существует клан Палачей - орден убийц, что не признаёт ни богов, ни королей, ни законов. Они забирают к себе тех, кто никому не нужен. Детей из разорённых деревень, сирот из городских трущоб. И из них растят идеальных убийц. Им открывают тайну магии тела - силы, что вплавляется в плоть, делая кости крепче стали, мышцы упругими, как тетива, а удар смертельным для любого, кто осмелится встать на пути. Они проходят через ад тренировок, через пытки, через кровь, свою и чужую. И те, кто выживает, становятся Палачами. Пятеро таких прошли этот путь до конца. Их забрали сюда детьми - ненужных, брошенных, забытых. А выпускают убийцами, равных которым нет. И когда клан отдаст им первый настоящий приказ, они выйдут из тени, чтобы напомнить миру: есть вещи страшнее чудовищ.

© Колок Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Тень среди деревьев.	6
Яростный зверь.	8
Потрошитель.	11
Безликий.	14
Рождённый в логове.	16
Имена.	19
Первый день.	22
Пот и сталь.	29
Мир за пределами Логова.	32
Преступление и наказание.	39
Десять лет спустя.	65
Посвящение.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Палачи

Пролог.

Мир этот был проклят задолго до того, как первый человек произнёс первое слово.

Магия здесь — не дар. Не благословение. Не искра божественного пламени, что озаряет путь избранным. Она — бремя. Тяжёлое, как камень на шее утопленника. Она проникает в кости, меняет плоть и способна разрушать тела и умы.

Одни приходят в этот мир с искрой внутри — способной разжечь пожар, остановить сердце одним прикосновением, обратить кровь в лёд или камень в пыль. Другие живут и умирают, так и не почувствовав в себе ничего, кроме страха перед теми, у кого эта искра есть. И те, и другие всего лишь жертвы, ещё не осознавшие своего положения.

Справедливости здесь нет и никогда не было. Она не просто отсутствует — она невысказанна. Сама идея равенства, милосердия или воздаяния кажется здесь чужеродной, как свет в глазах мертвеца. Сила решает всё. Кто сильнее — тот живёт. Кто слабее — становится пеплом, гниющим мясом, тенью под ногами. Их имена стираются, лица забываются, кости разлагаются в земле, и никто уже не вспомнит, кем они были.

Здесь не верят в спасение. Слово "надежда" звучит как жестокая шутка — или как приговор. Она не просто исчезла когда-то давно, сожжённая войнами, предательствами и кровью. Она здесь никогда и не появлялась. Её не было в колыбелях, куда матери клали младенцев, зная, что половина из них не доживёт до первого слова. Её не было в молитвах жрецов, что возносили хвалу Создателю, пока их паства гнила заживо от чумы. Её не было в глазах детей, что рождались в трущобах и умирали там же, даже не узнав, что где-то существует другая жизнь.

Здесь верят в холод стали. В силу воли, что позволяет подняться после удара. В магию, что дарует либо спасение, либо погибель — и никогда не угадаешь, что именно, пока не станет поздно. В то, что завтрашний день нужно вырвать зубами у сегодняшнего. В то, что пощада — это слабость, а слабость — это смерть.

Это мир где любовь — роскошь, которую не могут себе позволить даже короли. Где дружба — это просто отсрочка предательства. Где каждый восход солнца — не обещание нового дня, а лишь напоминание о том, что ты всё ещё жив, и значит, твои страдания ещё не кончены.

Здесь нет героев. Нет злодеев. Есть только выжившие и мёртвые. И граница между ними тоньше лезвия.

Тень среди деревьев.

Лес молчал. Он молчал так, будто сам боялся того, что видел. Ни птичьего крика, ни звериного шороха. Лишь запах — сладковатый, гнилостный, сочащийся из-под прелых листьев, — да ветер, что пробегал сквозь кроны, как чей-то торопливый, испуганный шёпот.

Мальчик сидел на корточках у поваленного ствола. Его пальцы, тонкие и уже огрубевшие, размеренно копались в сырой земле, выуживая спрятавшиеся орехи. Движения были точными, без суеты.

Позади него, прижавшись друг к другу под навесом из веток, сидели трое младших. Двое дрожали от холода — их губы посинели, а кожа покрылась мурашками. Третий тихо всхлипывал, уткнувшись лицом в плечо соседа, и звук этот был почти не слышен — лишь судорожное, сдавленное дыхание. Мальчик не оборачивался. Он просто искал еду, ведь кто-то должен был это делать.

Ему было девять. Он знал это только потому, что мать когда-то отмечала зарубки на стене их дома — восемь чёрточек, девятая начата, но не закончена.

Мальчик был высок для своего возраста — долговязый, жилистый, с тёмными, спутанными волосами, падавшими на глаза. Его лицо рано утратило детскую округлость, заострилось, и в его чертах уже угадывалось что-то взрослое — не по годам суровое, замкнутое.

Их деревня была истреблена в ту ночь. И та ночь врезалась в память осколками. Они пришли без предупреждения. Просто вошли в деревню — и начали убивать. Никто не успел закричать. Никто не успел убежать. Они выглядели как люди, но людьми не были. Слишком быстрые. Слишком сильные. Хватали мужчин и женщин, рвали зубами глотки, отшвыривали тела в стороны, как сломанные куклы. Ни оружия. Ни угроз. Только молчаливая, звериная жестокость.

Мальчик тогда не закричал. Он видел, как упала мать. Видел, как соседа подняли в воздух одной рукой и швырнули в стену с такой силой, что доски разлетелись щепками. И молчал. А потом схватил троих младших — тех, кто оказался ближе, — и увёл в лес. С тех пор — только лес. Он прятал их, кормил, поил дождевой водой. Каждую ночь слушал. И не спал.

Сегодня он снова услышал. Шаги. Тихие, но уверенные. Не зверь. Люди. Трое. Может, больше. Мальчик замер. Сердце ударило в рёбра. Мысль вспыхнула мгновенно: "Они вернулись". Те, кто вырезал деревню, могли идти по следу. Могли найти их. Могли...

Он подал знак младшим — резкий, выверенный жест. Те исчезли в подлеске, бесшумно, как он их учил. Сам остался. Сжал заточенную ветку — жалкое оружие против тех, кто рвёт людей голыми руками. И замер, вглядываясь в темноту между стволов.

Из теней выступили фигуры. Трое. В чёрных одеждах. Один из них — старший, с узким лицом и холодными, внимательными глазами. Второй — высокий, молчаливый, с повязкой на лице и длинным мечом на боку. Третий — низкий, в капюшоне, с ножом в руках. Они двигались спокойно, но не так, как те, что напали на деревню. У разорителей, лица казались пустыми, кукольными. У этих же наоборот — живые, цепкие. Они не походили на убийц из его деревни. Но кто знает? Может, те просто притворялись.

Мальчик не вышел. Он ждал.

Старший остановился. Его взгляд скользнул по дереву, по следу на земле, по сломанной ветке. И остановился прямо на том месте, где в тени застыл мальчик. Он его заметил.

— Ты из сожжённой деревни? — спросил он.

Голос был ровный, без угрозы. Но и без тепла.

Мальчик помедлил. Затем вышел из тени сам. Встал перед тремя незнакомцами, сжимая свою ветку.

— Да, — ответил он.

Старший смотрел на него. Не свысока — прямо. Оценивающе.

— Ты один или есть ещё?

Мальчик колебался лишь мгновение. Если бы они хотели убить — уже убили бы.

Он кивнул.

Старший бросил короткий взгляд в сторону подлеска, где прятались младшие. Ничего не сказал. Затем снова посмотрел на мальчика.

— А из взрослых кто-нибудь выжил?

— Нет, — голос мальчика прозвучал тихо, но ровно. — Когда они напали, я с ещё несколькими ребятами убежал в лес. Больше никого.

Старший чуть прищурился.

— Ты сказал "они". Кто напал?

Мальчик сглотнул. Перед глазами на мгновение вспыхнула картина: соседка, которую он знал с рождения, лежит на земле с разорванным горлом. Кровь на траве. И те, кто это сделал, стоят над ней с пустыми лицами.

— Они выглядели как люди, — произнёс он. — Но не были ими. Очень сильные. Очень быстрые. Кусали и рвали людей. Голыми руками.

Старший переглянулся с молчаливым воином. Тот едва заметно кивнул.

— Вампиры, — тихо произнёс старший. Это был не вопрос. Констатация.

Он снова повернулся к мальчику.

— Как тебя зовут?

Мальчик открыл рот, чтобы ответить. Но старший вдруг поднял руку, останавливая его.

— Хотя неважно, — сказал он. — Туда, куда мы идём, тебе всё равно дадут новое имя.

Мальчик нахмурился. Новое имя? Куда они идут? И кто они вообще такие? Он смотрел на чужака и не понимал. Эти люди не были похожи на вампиров. Но они не были похожи и на обычных людей.

— Кто вы? — спросил он прямо.

Старший чуть склонил голову. В его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Мальчик не боялся задавать вопросы. Это было хорошо.

— Мы — люди, которые научат тебя сражаться с теми тварями, что напали на твою деревню, — ответил он. — И не только с ними.

Мальчик замолчал. Его взгляд скользнул по чёрным одеждам незнакомцев, по оружию, по их спокойным, уверенным лицам. Он подумал о младших. О том, что еды с каждым днём всё меньше. О том, что возвращаться некуда — деревни больше нет. О том, что сидеть в лесу и ждать непонятно чего больше нельзя. Рано или поздно зима. Рано или поздно голод, болезни, дикие звери.

Научиться сражаться было не самой худшей идеей. Хуже, чем сейчас, точно не будет.

Он принял решение.

— Я пойду, — сказал он.

Старший кивнул. Без улыбки. Без похвалы. Просто кивнул — как человек, который получил ожидаемый ответ. Затем повернулся к своим людям и отдал короткий приказ.

— Забираем всех.

Молчаливый воин шагнул вперёд. Человек в капюшоне убрал нож. Мальчик повернулся к подлеску и подал знак — уже не прятаться, а выходить. Из кустов, дрожа и озираясь, выбрались трое младших. Они жались к мальчику, смотрели на чужаков огромными испуганными глазами. Старший окинул их взглядом.

— Уходим, — бросил он.

Мальчик шагал в колонне, чувствуя, как младшие жмутся к нему с обеих сторон. Он не знал, куда их ведут. Не знал, что будет дальше. Но впервые за долгое время он не чувствовал себя загнанной дичью. Впервые рядом были те, кто не боялся. Кто знал, что делать.

Яростный зверь.

Дорога была грязной. Не от дождя — его не было уже несколько дней. Грязь была чёрной от золы, смешанной с кровью. Кровь ещё не высохла. Она поблёскивала в колеях, впитывалась в придорожную пыль, и запах стоял такой, что вороны не решались спускаться. Даже падальщики брезговали.

Мальчик с рыжими волосами шёл по этой дороге босиком. Он не чувствовал холода. Не чувствовал, как острые камни впиваются в ступни. Он волочил за собой топор. Тот был слишком большим — настоящий колун, которым отец расщеплял дубовые чурбаки. Лезвие царапало землю, подскакивало на ухабах, высекало искры. Рукоять, грубо отёсанная, вся в зазубринах, была перехвачена побелевшими пальцами. Мальчик не отпускал. Плечи дрожали от усталости. Лицо — вымазанное в пепле и чём-то чужом, чего он не хотел разглядывать, — оставалось каменным.

Ему было восемь. Или семь. Он не знал. Никто больше не скажет.

Дом сгорел на рассвете. Мать повалили у порога — он слышал, как она вскрикнула и замолчала. Отец выскочил во двор, и ему отрубили голову одним ударом. Мальчик видел это из дровника — сидел, обхватив колун обеими руками, и смотрел. Просто смотрел. А когда всё стихло, когда разбойники убрались прочь, хохоча и волоча награбленное, он вышел. Взял топор и пошёл.

Шёл несколько часов. Куда — не знал. Знал только — за ними. Он помнил их лица. Помнил гнилозубого, что смеялся громче всех. Помнил толстого. Помнил третьего, с серьгой в ухе. Он хотел, чтобы они кричали так же, как мать. Чтобы захлёбывались кровью. Чтобы...

Солнце клонилось к закату. Мальчик шатался, но не останавливался. Дорога ушла в овраг, и тут он услышал смех.

Замер. Сжал топор. Смех был мужской, низкий, но не тот. Не пьяный гогот разбойников. Этот был спокойнее. Так смеются не над умирающими — над удачной шуткой. Мальчик напрягся, но не спрятался. Он больше не прятался.

Из-за поворота, из тени деревьев, вышли трое.

Один — огромный. Настоящая гора мяса, с ручищами, что свисали почти до колен. Лицо широкое, с грубыми чертами, но не злое. Второй — в длинной чёрной одежде, капюшон надвинут глубоко, лица не видно. Третий — высокий, молчаливый, с повязкой на лице и длинным мечом на боку.

Огромный первым заметил мальчика. Остановился. Прищурился. И вдруг его лицо расплылось в широченной ухмылке.

— Ха! Зырьте! — он ткнул пальцем в сторону мальчика. — Эй, пацан, не великоват ли тебе этот топор? Не маши им слишком сильно, а то отрубишь себе чего лишнего! А-ха-ха-ха!

Двое других поддержали его смехом. Тот, что в капюшоне, хмыкнул. Молчаливый даже не улыбнулся, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

Огромный, всё ещё посмеиваясь, подошёл ближе. Мальчик не двинулся с места. Стоял как вкопанный, вцепившись в топор обеими руками. Взгляд исподлобья — злой, голодный, волчий.

Великан остановился в двух шагах. Окинул его взглядом — с головы до босых ног. Остановился на топоре.

— Топор-то отцовский, да? — спросил он уже тише, но с прежней усмешкой. — А где сам папка?

Мальчик вскинул голову. Его глаза сверкнули.

— Не твоё дело, толстяк.

Повисла пауза. Великан моргнул. А потом расхохотался — ещё громче прежнего, запрокинув голову.

— А характер у тебя есть! — пробасил он одобрительно. — Это хорошо. Характер — это половина дела.

Он вытер усмешку с лица, но в глазах остался блеск — теперь уже не насмешливый, а изучающий.

— Так куда ты идёшь, герой?

Мальчик помедлил.

— Ищу уродов, что убили моих родителей.

— А кто убил их?

— Разбойники.

Великан склонил голову набок. Его губы изогнулись в язвительной усмешке, но теперь в ней было что-то ещё — не издёвка, а проверка.

— А что ж ты их сразу не зарубил на месте?

Мальчик замер. Внутри что-то сжалось. Он открыл рот, но слова не шли. Что он мог сказать? Что сидел в дровнике и смотрел? Что пальцы онемели, а ноги приросли к земле? Что он просто струсил?

Он молчал. Желваки заходили на скулах. Топор дрогнул в руках.

Великан смотрел на него. И вдруг его усмешка стала мягче.

— А, струсил, да? — произнёс он без злобы. — Ха. Ну, не переживай. В этом нет ничего плохого.

Мальчик вскинул на него глаза. В них пылал гнев — дикий, беспомощный. Слова мужика были правдой. Самой поганой правдой, которую он не хотел признавать даже себе. Он струсил. И теперь родители мертвы.

Великан заметил этот гнев. И продолжил — спокойно, рассудительно, словно не замечая, как мальчишка сжимает топор.

— Значит, ты ищешь разбойников. А знаешь, сколько таких по округе бродит? Десятки. Может, сотни. Ты что, каждого встречного разбойника будешь рубить этим топором?

— Я узнаю их, когда увижу, — процедил мальчик.

— Возможно, — кивнул великан. — А когда встретишь — сможешь ли зарубить? Ты же не умеешь сражаться.

Мальчик замер. Снова правда. Откуда этот толстяк знает? Он смотрел в землю. Пальцы, сжимавшие топор, побелели ещё сильнее.

— Я справлюсь, — сказал он упрямо.

— Да ну? — великан хмыкнул. — Топор тяжелее тебя, бьёшь ты наверняка по ногам, потому что выше не дотянешься. Этого хватит в лучшем случае на одного. А с остальными что делать? А если они с мечами? Что тогда?

Мальчик молчал.

Великан сделал ещё полшага вперёд. Теперь он стоял совсем близко — огромный, как башня, заслоняющий небо. Но голос его звучал уже не насмешливо. Почти по-доброму.

— Ты можешь пойти с нами, — сказал он. — Мы научим тебя сражаться. Ты станешь сильным. Ты станешь смелым. Все разбойники в округе будут разбегаться при одном виде тебя. В страхе.

Слова ложились на душу, как масло на раскалённый металл. Стать сильным. Смелым. Таким, чтобы никто больше не посмел поднять руку.

Но мальчик колебался. Эти люди... кто они? Откуда взялись? Почему предлагают помощь просто так, на дороге? Взрослые не делают ничего просто так.

Он поднял глаза.

— А кто вы такие?

Великан усмехнулся. Переглянулся со своими. Сделал ещё один шаг — теперь он стоял почти вплотную. Наклонился ниже и заговорил тихо, почти шёпотом, так, чтобы слышал только мальчик.

— Не бойся. Мы не разбойники. Мы из одного тайного клана. Клана, в котором из таких салаг, вроде тебя, делают сильных воинов.

Тайный клан. Сильные воины. Мальчик переваривал эти слова. Где-то в груди, под слоем пепла и боли, шевельнулось что-то. Не надежда. Интерес. Перспектива стать тем, кто карает, а не тем, кого карают, была заманчива. Слишком заманчива, чтобы просто отмахнуться.

И ещё он понимал, что разбойников ему уже не догнать. Слишком много времени прошло. А если и догонит... что тогда? Великан прав. Он не умеет сражаться. Одна злоба ничего не изменит. Нужно научиться сражаться.

Великан выпрямился. Он видел, как в глазах мальчика что-то изменилось — решение созрело.

— Ну так что? — спросил он. — Ты с нами?..

Он задумался на мгновение, разглядывая мальчика. Рыжие патлы. Грязное лицо. Горящие, злые глаза. Слишком большие для такого мелкого пацана. И топор — такой же большой.

— Зверь, — произнёс он вдруг и хмыкнул. — Ха. Точно. Маленький, а злой как зверь.

Мальчик поднял голову. Зверь. Это звучало... правильно. Не как имя. Как прозвище. Как то, чем он хочет стать.

— Да, — сказал он. — Я с вами.

Великан кивнул. Без лишних слов. Без поздравлений. Просто развернулся к своим и махнул рукой.

— У нас пополнение парни.

Мальчик закинул топор на плечо и пошёл за ними. Топор всё ещё был слишком тяжёлым. Плечи всё ещё дрожали. Но теперь в груди горело что-то новое. Не пепел. Не боль. Огонь.

Они шли в закат. Трое мужчин в чёрном и один рыжий мальчишка с топором на плече.

Дорога, начавшаяся с кровавого пепла, уводила его туда, где из ярости куется сталь. Туда, где он больше никогда не будет сидеть в дровнике и смотреть. Туда, где он станет тем, воином без страха и сомнения. И горе тому, кто встанет у него на пути.

Потрошитель.

Город спал. Не в уютной дремоте, нет. Он дышал тухлым перегаром переулков, мёртвым запахом сточных канав, гнилым хлебом у лавок, где давно никто не торговал. Это был город нищих, забытых, списанных. Здесь уже не жили — здесь выживали. Пыль покрывала выбитые витрины, окна были заколочены досками, крыши зияли дырами. Никто не плакал. Даже умирающие молчали. Потому что страх тут стал тише, чем ветер.

В одном из переулков, где стена покрыта чёрной плесенью, а крысы дерутся за тухлую кожу, сидел мальчик. Тёмная кожа, босые ноги, грязная рубаха — таких, как он, в этом районе были десятки. Но этот отличался.

Он держал в руках ржавый нож. Перед ним на земле лежала крыса. Вернее, то, что от неё осталось. Внутренности — ещё парящие, влажные — были аккуратно разложены рядом: кишечник отдельно, печень отдельно, сердце — крошечное, тёмно-красное — он держал в пальцах и разглядывал, как драгоценность. Его движения были спокойными, точными. Никакой брезгливости. Никакой спешки. Только сосредоточенный, почти ласковый интерес.

— Смотри, как всё просто... — шептал он сам себе. — Если вскрыть правильно, всё открывается. Мягко.

Он провёл пальцем по лезвию. Не порезался. Уже научился.

В конце переулка послышались шаги. Быстрые. Тяжёлые. Двое. Мальчик услышал их, но не обернулся. Он продолжал работать — нож входил в остывающую плоть, отделяя мышцы от костей.

Две тёмные фигуры влетели в переулок. Чёрные одежды. Оружие на поясах. Лица скрыты — у одного маска, у второго капюшон. Они двигались быстро, как люди, привыкшие к погоням. Разведчики. Они искали беглого информатора, заплатившего слишком малую цену за слишком длинный язык. Тот, что в маске, сразу метнулся к дальней стене, проверяя закоулок. Пусто. Он выругался сквозь зубы.

— Ну что? — бросил он напарнику.

Второй, в капюшоне, осматривал противоположную сторону. Его взгляд скользнул по грудам мусора, по бочке с гнилой водой, по...

Он замер. В углу переулка сидел мальчик. Маленький, тёмнокожий, с ножом в руке. Перед ним на земле лежало что-то, чего разведчик сначала не разобрал. А когда разобрал — его брови поползли вверх. Крыса. Вернее, то, что мальчик с ней сделал. Внутренности были разложены с такой аккуратностью, с какой мясник разделяет тушу. И лицо мальчика... Он не боялся. Не прятался. Он смотрел на разведчика спокойно и даже с каким-то скучающим любопытством — словно ждал, когда ему дадут закончить работу.

— Чего ты встал? — бросил первый разведчик, не оборачиваясь. — Нам нужно прочесать ещё квартал.

Второй не отвечал. Он смотрел на мальчика. Потом тихо, почти шёпотом, произнёс.

— Помнишь, что Совет Мастеров сказал? Брать всех детей без присмотра. Клану нужно пополнение.

Первый наконец обернулся. Проследил за взглядом напарника. Увидел мальчика. Увидел крысу. Хмыкнул.

— Ладно, — сказал он без особого интереса. — Сам с ним возись, а я пошёл допроверю оставшийся квартал.

Он развернулся и исчез в темноте так же быстро, как появился. Шаги стихли. В переулке остались двое — высокий человек в капюшоне и маленький мальчик с ржавым ножом.

Разведчик подошёл медленно. Не как к дикому зверю — скорее как к чему-то, что требует осторожного изучения. Мальчик наконец поднял голову. Его глаза — тёмные, почти чёрные — встретились с глазами незнакомца. Он не улыбнулся. Но и не испугался.

— Эй, — произнёс разведчик. Голос его был низким, но не грубым. — Ты что тут делаешь?

Мальчик моргнул.

— Играю.

— Играешь? — разведчик перевёл взгляд на растерзанную тушку. — И тебе нравятся такие игры?

Мальчик кивнул. Без колебаний. Без стеснения.

— Да. Это очень интересно. Особенно когда они ещё живы и дёргаются от боли.

Разведчик помолчал. Не отшатнулся. Не поморщился. Он видел много странных детей за свою службу. Но этот... этот говорил о боли с таким же спокойствием, с каким другие дети говорят о сладостях. Это было не наигранно. Это было естественно.

— Ты ешь их? — спросил он, кивая на крысу.

— Иногда, — ответил мальчик. — Но только после игры.

— А где твои родители?

Мальчик пожал плечами.

— Не знаю.

Разведчик присел на корточки, чтобы оказаться с мальчиком на одном уровне. Капюшон слегка сдвинулся, открывая нижнюю часть лица — шрам через подбородок, жёсткая линия рта. Мальчик смотрел на него с интересом.

— Слушай, — заговорил разведчик. — Если тебе нравится разделывать и потрошить тушки животных, может, ты хочешь научиться разделывать не только их? Но и, например... людей.

Мальчик замер. Людей. Он никогда не разделывал людей. Эта мысль раньше не приходила ему в голову — просто потому, что люди были большими, сильными, опасными. Но сейчас, когда этот незнакомец в капюшоне произнёс это слово, что-то внутри мальчика вспыхнуло. Не страх. Предвкушение. Любопытство, которое он испытывал к крысам и кошкам, только умноженное во сто крат. Что у человека внутри? Как он кричит? Как дёргается? Как долго может корчиться, прежде чем сломаться?

Он посмотрел на разведчика. На его тёмную одежду. На суровое, мрачное лицо со шрамом. На оружие на поясе. Этот человек выглядел так, словно знал ответы на все его вопросы. Это был не нищий. Не бродяга. Это был кто-то... необычный.

— И ты сможешь меня научить разделывать людей? — спросил мальчик, и его голос впервые за весь разговор дрогнул — не от страха, а от возбуждения.

Разведчик чуть усмехнулся. Усмешка была тонкой, едва заметной.

— В том месте, куда мы с тобой пойдём, тебя научат не только тому, что внутри человека. Но и тому, как его правильно и быстро убить.

Мальчик нахмурился.

— Я не хочу быстро, — сказал он. — Мне нравится наблюдать, как мои игрушки мучаются и извиваются перед тем, как сломаться.

Разведчик не удивился. Он просто кивнул — как кивают мастеру, который уточняет детали заказа.

— Не вопрос. У нас тебя научат также искусству пыток и технике быстрых допросов. Если ты знаешь, что это.

Мальчик не знал этих слов. "Искусство пыток". "Техника допросов". Они звучали чуждо, непонятно. Но сам тон, которым они были сказаны — спокойный, деловой, — завораживал.

Этот человек говорил о боли так же, как сам мальчик думал о ней: не как о чём-то плохом, а как о чём-то, что можно изучать. Контролировать. Использовать.

Разведчик увидел, что мальчик колеблется. И добавил последний аргумент — простой, понятный, приземлённый.

— А ещё там тебя будут кормить нормальной едой. Это намного вкуснее, чем сырые кишки мёртвой крысы.

Мальчик опустил взгляд на свои руки. На ржавый нож. На останки крысы, разложенные перед ним. Он вдруг осознал, что голоден. Не тем голодом, который он испытывал к боли и внутренностям, а обычным, физическим. Он не помнил, когда ел в последний раз что-то горячее.

Этого аргумента хватило.

Он встал. Нож остался в его руке. Он подошёл к незнакомцу — маленький, босой, в грязной рубаше, но с прямой спиной и горящими глазами.

— Хочу научиться разделывать людей, — сказал он.

Помолчал. Посмотрел на свой ржавый нож — жалкое орудие, которое он подобрал на помойке. Сжал его крепче. И добавил.

— И ещё хочу стать сильнее.

Разведчик посмотрел на него сверху вниз. Затем медленно кивнул.

— Обязательно станешь.

Он протянул руку. Мальчик спрятал нож за пояс и вложил свою ладонь — перепачканную кровью, липкую — в его. Разведчик не поморщился.

— Пойдём со мной, юный потрошитель.

И они ушли. Вдвоём. В темноту.

В тот день пропажу этого паренька никто не заметил. Он растворился во тьме, будто никогда и не существовал. Лишь растерзанные тушки животных на земле давали понять: здесь кто-то был.

Безликий.

Империя, южная окраина. Здесь ветра были сухими, словно выдохи умирающего зверя, а пыль взлетала над тропами, не зная, куда ей лечь — к горам или обратно в землю. Солнце висело низко.

Пятеро шли цепью. Плащи скрывали лица, сапоги утопали в рыжей пыли. Один из них — слепой монах с тканью, плотно повязанной на глазах, — шёл первым. Он не спотыкался. Не замедлял шага. Его голова была слегка повёрнута в сторону, будто он слушал что-то, чего не слышали остальные. Поток энергии, еле уловимый для обычных глаз, дрожал в воздухе, как призрачный пар. Они ощущали его кожей: где-то рядом мир трещит, искажённая ткань реальности пытается затянуть что-то — или кого-то.

В одном из ущелий они нашли пещеру. Узкий проход, заваленный осыпью, словно скрытый от глаз самой природой. Камень у входа был обожжён изнутри — гладкий, чернеющий, будто дышал жаром преисподней. Воздух здесь был тяжелее, чем снаружи. Он давил на грудь, заставляя сердце биться медленнее.

Слепой монах остановился. Его рука поднялась, указывая на тёмный провал.

— Это здесь. Я чувствую.

Они вошли. Пещера была неглубокой, но просторной. Свет факелов выхватил из темноты стены, покрытые письменами — демоническими, вырезанными прямо в камне. Они пульсировали багровым, и свет этот был живым: он то затухал, то разгорался, словно дыхание. Символы не двигались, но взгляд скользил по ним, цеплялся, и требовалось усилие, чтобы отвести глаза.

В центре пещеры, в круге вытравленных на полу знаков, стоял мальчик. Ему было около семи. Он был одет в богатую рубашку. Испачканные сапоги. Он стоял ровно, опустив руки, глядя прямо на письмена. На вошедших он не обернулся. От особняка, что стоял в километре отсюда, к нему никто не спешил. Семья думала, что он играет где-то в саду. Или — не думала вовсе.

Он не кричал. Он не плакал. Он не искал выхода.

Пещера хранила молчание, как усыпальница. Демонические письмена, вытравленные на стенах, поблёскивали багровым светом. Они не шевелились, но взгляд скользил по ним, словно по живому. Воздух был тяжелее, чем должен был быть. Он смотрел на эти знаки, пока не перестал быть собой.

Черты его лица стерлись. Не буквально — плоть осталась, но образ исчез.

— Только не смотрите на эти письмена долго, — произнёс слепой монах. Голос его был тих, но твёрд. — Потеряете рассудок.

Палачи переглянулись. Двое опустили глаза. Третий, тот что был ближе к мальчику, сделал шаг вперёд и замер. Он смотрел на ребёнка, пытаясь разглядеть его лицо, и не мог.

— Что с его лицом? — спросил он.

Второй палач подошёл ближе. Тоже вгляделся. И отступил на шаг.

— Оно словно постоянно искажается.

Мальчик вдруг повернулся на звук голосов. Его губы растянулись в улыбке — странной, неровной, словно он забыл, как это делается, и теперь пробовал заново.

— Голоса! — произнёс он громко, почти радостно. — Я вас слышу. Где вы?

Монах склонил голову. Его повязка смотрела прямо на мальчика.

— Похоже, мальчик потерял не только лицо, но и рассудок.

Один из палачей, осматривавший стены, провёл пальцем по багровой борозде и отдёргнул руку — камень был горячим.

— Интересно, откуда взялись эти письмена? — пробормотал он.

Старший палач — тот, что стоял у входа, скрестив руки на груди, — резко оборвал его.

— Неважно. Собирайте скорее данные об этом месте и уходим отсюда, пока и с нами что-нибудь не случилось.

Палачи зашевелились. Один достал свиток и начал быстро зарисовывать письмена, стараясь не задерживать взгляд на них. Другой принялся измерять шагами пещеру. Третий всё ещё стоял возле мальчика, который теперь крутил головой, прислушиваясь к звукам.

— А с парнем что делать? — спросил он.

Старший задумался. Он смотрел на мальчика — на его плывущее лицо, на блуждающую улыбку, на пальцы, что бесцельно теребили край рубашки. Затем перевёл взгляд на слепого монаха.

— Насколько он тронулся умом? Будет ли от него хоть какой-нибудь прок?

Монах помолчал. Его губы беззвучно зашевелились — он словно пробовал ответ на вкус, прежде чем произнести вслух.

— Ну, с благоразумием, я думаю, он навсегда распрощался. Письмена забрали его вместе с лицом. — Он сделал паузу. — Но, может, этот акт единения с бездной усилил его магическую чувствительность? Думаю, стоит взять его в логово, а там уже посмотреть, на что он сгодится.

Старший снова посмотрел на мальчика. Тот теперь напевал что-то себе под нос — бес-связную мелодию без начала и конца. Потом перевёл взгляд на письмена, всё ещё пульсирующие на стенах. Если будет полезен — хорошо. А нет — избавиться от него всегда успеем.

— Ладно, — произнёс он. — Забираем его с собой.

Палач, стоявший рядом с мальчиком, протянул руку.

— Пошли, парень.

Мальчик повернулся на голос. Его лицо перетекло — черты сместились, и на мгновение показалось, что он улыбается шире.

— Куда? — спросил он.

— Туда, где нет этих символов. И где тебя накормят.

Мальчик взял его за руку. Без колебаний. Без страха. И они вышли из пещеры — пятеро Палачей и ребёнок с лицом, которое никто не мог запомнить.

Рождённый в логове.

В Логове - так именовали цитадель Палачей - пахло железом. То был не чистый, гордый дух доспехов или клинков, а тяжелый смрад, который намертво въедается в камень после вековых терзаний плоти. Сладковатый, тяжёлый запах, который не выветривается никогда. Он пропитал стены, полы, потолки. Он стал частью воздуха, как дыхание.

Это был не замок в привычном смысле — не крепость с башнями и знамёнами. Это был монастырь без богов. Здесь не молились. Здесь не просили прощения. Здесь учили убивать.

В одной из подземных комнат, где всегда было холодно, родился младенец.

Мать умерла при родах — одна из служанок, чьё имя никто не потрудился запомнить. Отца не знали. Ребёнок лежал в деревянном ящике, обитом тряпьем, и дышал — тихо, ровно, словно не хотел никому мешать.

Рабочие — те, кто шил одежду, чистил залы, таскал припасы, — собрались вокруг колыбели. Их лица были хмурыми. Никто не хотел брать на себя эту обузу.

— И что с ним делать? — спросил один, рослый мужчина с засученными рукавами. — Мать померла. Отца нет. Кто с ним возиться будет?

— Убить, да и всё, — буркнул второй. — Чего мучить? Всё равно не жилец.

— Или в деревню отдать, — предложил третий. — В ближайшую. Крестьяне подберут. Им рабочие руки нужны.

— Куда угодно, лишь бы не с нами, — подвёл итог первый. — У нас своей работы хватает.

Они уже готовы были решить его судьбу — бросить в мешок, отнести за ворота, забыть. Но о младенце узнали Палачи.

Дверь отворилась, и в комнату вошли двое. Чёрные плащи, оружие на поясах, холодные глаза. Рабочие расступились. Один из Палачей подошёл к ящику, заглянул внутрь. Младенец не заплакал — просто смотрел в ответ тёмными, спокойными глазами.

— Клану нужна свежая кровь, — произнёс Палач. — Мы заберём его себе.

Кто-то из рабочих нерешительно кашлянул.

— Он же ещё маленький.

Палач даже не обернулся.

— Тем лучше. Он не знает ничего, кроме этого места. А значит, и не будет тосковать по тому, чего не видел.

Рабочие переглянулись. Спорить с Палачами никто не решился. Младенца оставили.

Ему дали угол в дальней комнате. Старая женщина в сером — уборщица, что мыла полы и отводила взгляд при виде крови, — взялась за ним присматривать. Она была просто той, кого назначили присматривать за младенцем. Она меняла тряпки, приносила еду, следила, чтобы мальчик не умер. И мальчик выжил.

Он рос среди бойцов, но не был одним из них. Слишком мал, чтобы тренироваться. Слишком тих, чтобы мешать. Он сидел в углу тренировочного зала и смотрел, как старшие ребята отрабатывают удары. Его глаза следили за каждым движением — как меч идёт по дуге, как ноги переступают по каменному полу, как тело разворачивается после выпада. Ему было интересно. Безумно интересно. Он хотел быть там, с ними. Но его не пускали.

— Рано ещё, — говорили ему. — Подрасти.

И он ждал. Вместо тренировок он слушал. Прятался за колоннами, за приоткрытыми дверями, в тёмных углах — и слушал лекции, которые читали старшим ученикам. Наставники рассказывали про ремесло убийц: теорию о том, чем и как убивать. Как понять, чем убили человека, по косвенным признакам — по глубине раны, по форме кровоподтёка, по тому, как лежит тело. Как определить время смерти. Как читать следы на земле и на коже. Тактики боя —

одинокое, групповое, в замкнутом пространстве и на открытой местности. Мальчик впитывал каждое слово. Ему это всё было интересно.

Его игрушками были деревянные тренировочные мечи — слишком большие для его рук, — и тренировочные манекены, на которых он пытался отрабатывать увиденное. У него не было сверстников. Не было друзей. Но у него была цель — стать одним из тех, кто носит чёрный плащ.

Однажды, когда он в очередной раз сидел под дверью лекционного зала, его заметили.

Дверь открылась. На пороге стоял старик — сухой, жилистый, с лицом, изрезанным шрамами, как старая карта. Он был одним из старших наставников, и его уроки боя были обязательными для всех учеников. Он прищурился, глядя на мальчика сверху вниз.

— Ты чего тут делаешь?

Мальчик не испугался. Он поднял голову и ответил ровно.

— Слушаю, чему учит наставник.

Старик склонил голову набок. Его глаза изучали мальчика — не как нарушителя, а как нечто любопытное.

— А почему ты не внутри, как остальные, а тут?

— Говорят, слишком мал ещё.

Старик прищурился сильнее. Он сделал шаг вперёд, вглядываясь в лицо мальчика — в его спокойные, внимательные глаза, в его слишком взрослое выражение лица.

— погоди, — произнёс он. — Ты же тот ребёнок, которого не привозили. Ты тут родился.

— Ну да, — ответил мальчик. — Мне говорили, что я родился тут. Это разве плохо?

Старик помолчал. Затем медленно покачал головой.

— Да нет. Почему же. Многие сами приходят в это место добровольно. Никто не выбирает, где и когда ему родиться. — Он сделал паузу, словно размышляя над чем-то. — И только время может показать, что в нашей жизни пошло на пользу, а что — нет.

Мальчик внимательно слушал. Он не всё понимал из того, что говорил старик, но чувствовал: эти слова важные. Он запомнит их. Он всё запоминал.

Старик задумался о чём-то, глядя на мальчика, а потом спросил.

— Слушай, а тебе имя-то уже дали?

— Ну... наставница, что научила меня говорить, называет меня Торном.

Старик нахмурился.

— Наставница? Женщина?

Он помолчал, переваривая услышанное, а потом его лицо прояснилось.

— Ты имеешь в виду женщину, которая следит за тобой, пока ты не станешь достаточно большим для тренировок?

— Ну да, — ответил мальчик.

Он не знал правды. Старая женщина в сером была простой уборщицей. Она не состояла в клане. Она не была наставницей. Но мальчик не знал этого. Он видел, как она отдаёт приказы — "ешь", "спи", "не ходи туда", — и считал её частью этой огромной, непонятной машины, в которой рождаются Палачи. Для него она была наставницей. Такой же, как те, кто учил старших ребят бою и теории.

Старик не стал его разубеждать. Только усмехнулся — коротко, сухо, одними уголками губ.

— Мне сказали, что уже в следующем году я начну учиться ремеслу Палачей, — продолжил мальчик. Его голос звучал ровно, но в нём слышалось с трудом сдерживаемое нетерпение. — Вместе с остальными ребятами. И у других наставников.

Старик посмотрел на него. На мальчика, который родился здесь. Который не знал ничего, кроме стен. Который ждал своего шанса годами и не потратил это время впустую — слушал, запоминал, впитывал.

— Ну что ж, Торн, — произнёс он наконец. — Тогда жду тебя на своих занятиях в следующем году.

Он развернулся и пошёл по коридору — прямой, сухой, как его собственный клинок. Шаги гулко отдавались в каменной тишине.

А мальчик остался. Прижался спиной к холодной стене, прикрыл глаза и стал слушать дальше. Из-за двери доносился голос наставника — он рассказывал о том, как определить, жив ли ещё противник, или уже мёртв. Мальчик слушал и запоминал. Как он делал всегда.

Он не был взят из внешнего мира. Не был спасён из горящей деревни. Не был найден в пещере или в трущобах. Он родился здесь. В Логове. В самом сердце клана Палачей.

И он знал: его время придёт. Нужно только подождать. Ещё немного.

Имена.

Логово снова открыло ворота. Огромный стальной механизм дрогнул, заскрежетал, застонал — так стонет старый зверь, которого заставляют подняться с лёжки. Шестерни, каждая размером с человеческий рост, пришли в движение, цепи натянулись, и тяжёлые створки поползли в стороны, открывая чёрный провал внутреннего двора.

Две повозки въехали внутрь. Колёса проскрежетали по каменным плитам. Лошади всхрапывали, мотали головами — им не нравился запах. Пахло железом, потом и кровью.

Детей согнали вниз. Они спрыгивали с повозок, спотыкались, падали. Мальчики и девочки разного возраста — от шести до двенадцати. Кто-то был босой, и его ступни оставляли на холодном камне влажные следы. У кого-то рука была перевязана грязной тряпкой, и кровь проступала сквозь ткань. Кто-то шёл, глядя прямо перед собой пустыми, остекленевшими глазами — будто всё уже закончилось для него, будто он умер там, откуда его привезли, а сюда приехало только тело.

Их выстроили в неровную шеренгу посреди главного двора. Стены Логова вздымались вокруг, чёрные, мрачные, без единого окна. Только факелы светили в железных кольцах, и их свет выхватывал из темноты лица новопривывших — испуганные, хмурые, затравленные.

Наверху, на балконе внутреннего зала, сидел Торн.

Он видел эту церемонию уже трижды — три раза ворота Логова открывались, чтобы принять новых. Он родился здесь. Он знал этот процесс до мелочей. Знал, что крики и слёзы ни на что не влияют. Знал, что наставники не тратят слов впустую. Знал, что из этой толпы к концу первого года останется едва ли половина. Остальные исчезнут — растворятся в камне, как те, чьи имена новички будут носить на своей одежде.

Он смотрел на них сверху, и в его взгляде не было ни жалости, ни интереса. Только холодное, спокойное наблюдение. Так смотрят на инструменты, которые ещё не проверили в деле.

Наставник шагнул вперёд.

Он был высок, его лицо — вернее, то, что от него осталось, — пересекал шрам. Он шёл от левого виска через переносицу до правой скулы, и глаз на его пути выжил чудом. Наставник носил этот шрам не пряча, как носят орден. За ним выстроились несколько старших — в чёрной форме, с оружием на поясах, с такими же холодными, ничего не выражающими лицами.

— Вы прибыли в Логово, — произнёс наставник. Его голос был сух, как шелест пергамента, но каждый слог падал в тишину, как камень в воду. — Забудьте, кем вы были. Забудьте свои имена, если они у вас были. Здесь у вас будет только то, что мы вам дадим.

Он замолчал, обводя взглядом строй детей. Некоторые дрожали. Некоторые смотрели в землю. Некоторые — таких было мало — смотрели прямо на него.

— Одежду, — бросил наставник через плечо.

Один из старших шагнул вперёд и бросил на каменные плиты мешок. Тот упал с глухим стуком, и из него потекла груда чёрной ткани. Рубашки, куртки, жилеты. Все — ношенные. Все — с чужого плеча. На каждой — вышивка. Имя. Не настоящее — наследие от предыдущего носителя. Того, кто носил эту одежду до них. Того, кто вырос... или сдох.

— Надевайте, что подойдёт по размеру, — продолжил наставник. — Теперь вы — это имя на груди. Наставники будут обращаться к вам по этому имени на вашей одежде.

Толпа дёрнулась к мешку. Это не было организовано. Это был взрыв. Дети рвались, толкались, выхватывали одежду друг у друга из рук. Крики, ссоры, драки. Одна девочка вцепилась в рубашку, которую уже держал мальчик вдвое крупнее неё — он ударил её локтем в лицо, и она отлетела, прижимая ладони к разбитому носу. Двое мальчишек сцепились из-за куртки и катались по каменным плитам, пока один из старших не разнял их ударом сапога.

Некоторые получали пощёчины от наставников — за медлительность. Или за излишнюю инициативу. Никто не объяснял разницу.

Торн смотрел на это с привычным равнодушием. Ему было всё равно, как зовут кого-либо из этих детей. Большинство из них он больше никогда не увидит. Но даже в этой мешанине были лица, которые приковывали взгляд.

Вот высокий, темноволосый мальчик — он не толкался. Он дождался, пока волна схлынет, спокойно наклонился и подобрал тёмную рубашку, которую никто не взял. На ней было вышито: "Каэль". Он надел её без суеты, одёрнул ворот, поправил рукава. Его движения были точными, экономными. Взгляд — прямой, хмурый. Он казался старше, чем был на самом деле. Не из-за роста — из-за того, как он держался. Как человек, который уже привык рассчитывать только на себя.

Рядом суетился другой, пониже ростом, с рыжими спутанными волосами, торчавшими во все стороны, как языки пламени. Он выдернул жилет прямо из рук соседа — мелкого, щуплого паренька, что не успел даже пискнуть. Зарычал — низко, по-звериному, — и, не дожидаясь команды, натянул жилет на себя. Надпись под яркой тканью гласила: "Дрейвен". Ему было всё равно, откуда она. Он оскалился, и соседи поспешно отодвинулись.

Мальчик с тёмной кожей стоял чуть в стороне. Он не бросался в толпу. Он ходил вокруг кучи одежды, как ходят вокруг костра, — медленно, заворожённо. Его глаза бегали, перескакивали с одного предмета на другой, и губы беззвучно шевелились — он шептал что-то себе под нос. В конце концов он наклонился и подобрал рубашку, до которой никто не дотронулся. "Сарет". Он надел её и даже не взглянул на швы. Его пальцы подрагивали. В глазах — расширенных, почти чёрных — горел маниакальный огонь. Дети вокруг него инстинктивно расступались, хотя он был не крупнее их. Что-то в его взгляде заставляло отводить глаза.

Чуть поодаль, молча, стоял тот, чьё лицо было... странным.

Торн прищурился. Он пытался разглядеть его с балкона, но чем дольше смотрел, тем меньше понимал. Глаза у мальчика были. Рот был. Но стоило моргнуть или отвести взгляд в сторону, как черты словно менялись. Будто лицо рисовали по памяти, а память каждый раз подводила. Мальчик не толкался. Он вообще не двигался, пока толпа ревела вокруг. Когда всё стихло, он нагнулся, подобрал с земли куртку — последнюю, что осталась, — и надел её. На ней было вышито: "Рейн".

Сразу после того, как каждому досталась форма, детей погнали вниз.

Лестница уходила в темноту — крутые, стёртые тысячами ног ступени. Стены сочились влагой. Факелы горели тускло, и их свет лишь подчёркивал мрак, а не разгонял его. С каждым пролётом воздух становился тяжелее. Запах железа сгущался, смешиваясь с чем-то горьким — будто жжёная трава, будто старая кровь.

Их привели в общие помещения — длинные залы с низкими сводчатыми потолками. Узкие нары тянулись вдоль стен в три яруса. Ни матрасов. Ни подушек. Только холодный настил и грубое тряпье. Ни окон. Ни уединения. Только детские лица — испуганные, настороженные, затравленные — выглядывали из полумрака.

Седовласый наставник со шрамом обошёл помещение по периметру, как волк обходит новое стадо. Его шаги гулко отдавались в каменной тишине. Дети замерли.

— Спите, если можете, — бросил седовласый наставник, и его шрам, пересёкший лицо, дёрнулся в свете факелов. — Завтра начнётся ваш первый день обучения.

Он развернулся и вышел. Тяжёлая дверь закрылась с глухим стуком, эхо прокатилось по каменным сводам и затихло. Дети остались одни.

На мгновение повисла тишина. А потом началось.

Мальчишки сорвались с мест первыми. Они бежали, толкаясь, перепрыгивая через чужие ноги, карабкаясь по ярусам нар, чтобы занять места повыше — те, что у самых стен, те, откуда

видно всю комнату. Кто-то пихнул соседа локтем, кто-то получил тычок в спину и ответил тем же. Треск ругани, топот босых ног по камню, хриплое дыхание.

Девочки не бежали. Они шли быстро, но молча, занимая те нары, что ещё оставались свободными. Никто не спорил с ними — пока. Они кучковались по двое, по трое, бросая быстрые, настороженные взгляды на мальчишек, что продолжали галдеть.

Каэль не стал участвовать в этой грызне. Он подошёл к нарам у дальней стены и забрался на верхний ярус — самый высокий. Отсюда открывался обзор на всё помещение. Он устроился спиной к стене. Его тёмные глаза медленно обводили комнату, запоминая лица.

Дрейвен, напротив, влетел в гущу свалки. Он растолкал двоих, что уже вцепились в один и тот же ярус, и занял место рывком — быстро, зло, с рычанием. Нары были жёсткими, и холодили даже через одежду, но ему было плевать. Главное — он выбрал сам. Никто не указывал ему, куда лечь.

В углу, на нижних нарах, сидел Сарет. Он не бежал. Не толкался. Он сидел, подобрав под себя ноги, и смотрел. Его тёмные глаза медленно скользили по комнате — от одного ребёнка к другому. Он разглядывал их не как соседей по казарме. Не как товарищей по несчастью. А как хищник разглядывает стадо — оценивая, выбирая, прикидывая. Его взгляд задерживался на каждом чуть дольше, чем нужно. На тонкой шее девочки, что устраивалась на нарах напротив. На жилистых руках мальчишки, что лез на верхний ярус. На босых ступнях, на незащищённых запястьях, на испуганных глазах.

Его пальцы, лежавшие на коленях, едва заметно подрагивали. Губы растянулись в тонкую, почти неуловимую улыбку — не добрую, не злую, а какую-то... предвкушающую.

В другом углу, где тень была гуще всего, сидел мальчик со странным лицом. Рейн. Он уже надел свою куртку, но сейчас, в полумраке, казалось, что его лицо живёт отдельно от него. Черты перетекали, менялись, ускользали — тени играли с ними, а может, и не только тени. Он сидел, скрестив ноги, и вертел в пальцах край куртки, разглядывая вышивку на груди.

— Рейн, — прочитал он вслух, и его голос прозвучал негромко, но отчётливо в притихшей комнате. — Это что, имя? Моё или кого-то другого? Того, кто носил её до меня?

Он замолчал, наматывая нитку на палец. Его лицо на мгновение застыло, а потом по нему пробежала рябь — то ли усмешка, то ли просто игра света.

— Интересно, что стало с прежним Рейном?

Никто не ответил. Да он и не ждал ответа. Он просто сидел в своём углу и улыбался своим мыслям.

Торн стоял у стены, скрестив руки на груди. Он не был новичком — ему не нужно было бороться за нары. Он просто пришёл посмотреть. Он смотрел на эту пёструю толпу, и что-то в ней цепляло его внимание больше обычного.

Так начиналась их первая ночь в Логове.

Имена были чужими, тела — ещё слабыми, нары — холодными. Но стены уже знали: кто-то из них выживет. Остальные просто сольются с небытием. Как те, чьи имена новички носили на своей форме.

Первый день.

Солнце в этих горах почти не видно. Даже если оно и поднимается над скалами, его лучи с трудом пробиваются сквозь туман и копоть, что вечно висят над Логовом, как саван. Здесь жили не по свету — по часам. По гонгу. По крику надзирателя. По ритму, который не сбивался никогда.

И когда прозвенел первый утренний гонг — низкий, протяжный, прокатившийся эхом по каменным сводам, заставив стены дрожать, а детей подскочить на жёстких нарах, — новая партия поняла: вчера они прибыли. Сегодня — начинают становиться Палачами.

Их выгнали во двор.

Двор Логова был выдолблен прямо в скале — огромная чаша, окружённая массивными стенами с бойницами. В них гулял ветер, и он приносил с собой запах гари, стали и пота.

В центре двора был круг. Выложенный тёмным, почти чёрным камнем, он выделялся на фоне серых плит. Его края были стёрты — не временем, а тысячами ног, что топтали его в учебных боях. Позже новички узнают, что здесь дерутся. Но пока — они просто стояли в рядах и смотрели перед собой.

Детей выстроили в неровные шеренги. Новички, только вчера получившие чужие имена. Пятёрка — Каэль, Дрейвен, Сарет, Рейн и Торн — оказалась среди десятков таких же. Но даже в этой массе они бросались в глаза. Слишком разные. Слишком... заметные.

Перед ними стоял тот самый седовласый наставник со шрамом через всё лицо. При свете дня он выглядел ещё старше — морщины, как трещины в камне, и глаза, что, казалось, видели всё и давно перестали чему-либо удивляться. Позади него — несколько других наставников. У каждого своя манера держаться. Один мрачный, как грозовая туча. Другой — выверено спокойный, с руками, сложенными за спиной. Третий явно был рад покричать — он уже скалился, глядя на строй.

Седовласый заговорил. Его голос был сух, как шелест пергамента, но каждое слово падало в тишину весомо.

— Преветствую вас в Логове, отроде. Меня зовут Гримм. Я старший наставник по вашей подготовке. Эти несколько лет, пока не закончится ваше обучение или пока вы не сдохните, я буду вам ближе тех шлюх-матерей, что породили вас на этот проклятый свет.

Он прошёл вдоль первого ряда. Его сапоги гулко стучали по каменным плитам. Дети старались не дышать.

— С этого дня вы — не дети. Вы — оружие, которое будут затачивать под нужную задачу.

Он остановился. Развернулся. Его взгляд прошёлся по лицам новоприбывших — суровый, оценивающий.

— Скажу честно: многие из вас погибнут, так и не окончив обучение. Но те, кто выживут, возможно, станут Палачами. Такова жизнь.

Он дал паузу. Ветер прошелестел по двору, бросив горсть пыли в лицо крайним в строю. Никто не шелохнулся.

— В Логове действуют простые правила, и вам нужно запомнить их. — Он сделал шаг назад. — Или вам вобьют их в голову надзиратели.

Он указал на двух человек, стоявших поодаль. Один — высокий, жилистый, с единственным глазом, что буравил строй, как остриё кинжала. Второй — пониже, упитанный, с руками, сплошь забитыми татуировками. Оба смотрели на детей с тем же выражением, с каким мясник смотрит на немытую тушу.

— Правила простые, — продолжил Гримм. — Первое: слушать, что говорят наставники и надзиратели, и выполнять их приказы. Второе: не калечить и не убивать никого без разрешения надзирателя или наставника. Третье: выходить за пределы Логова без разрешения запрещено.

Он обвёл строй взглядом. Те, кто стояли в первых рядах, уже не дышали. Некоторые дрожали — мелко, но заметно.

— У вас будут практические и теоретические занятия. Вас будут бить. И вас заставят бить других. Вас будут учить убивать. Сперва головой. Затем руками.

Он повернулся и прошёл вдоль строя в обратную сторону.

— У девочек и мальчиков будут разные занятия с определёнными уклонами. — Он сделал паузу. — Но сперва ваше стадо баранов отсортируют на полезных и менее полезных.

Он развернулся к надзирателям и кивнул.

— На сортировку их.

Одноглазый надзиратель шагнул вперёд, набрал в грудь воздуха и заорал так, что у детей сердце в пятки ушло.

— ВСТАТЬ В КОЛОННУ ПО ДВА!

Строй дрогнул. Некоторые дети не понимали, что такое "колонна" и как в неё вставать. Они топтались на месте, озирались, натыкались друг на друга. Тогда надзиратели подходили — быстро, без лишних слов — и лупили их. Не жестоко, но чувствительно. Рукой по затылку, пинком под колено, рывком за плечо. Ставили как надо. Молча. Дети вскрикивали, но быстро умолкали.

Наконец колонна построилась. Ряды были кривыми, плечи дрожали, но строй держался. Дети пошли за наставниками, растерянно озираясь, не понимая, куда их ведут.

Торн шёл позади всех. Ему не нужно было проходить сортировку — он её уже прошёл, когда был младше. Но он был закреплён за этой группой новоприбывших. Будет учиться вместе с ними. Таков был порядок. Он смотрел на спины впереди идущих и молчал.

Их завели в огромное подземное помещение.

Потолок здесь был сводчатым, теряющимся в темноте. Со стен торчали странные конструкции — металлические штыри, изогнутые дугой, оплавленные по краям. Они явно использовались для магических ритуалов, и воздух здесь был другим — более густым, словно насыщенным чем-то невидимым. Посреди зала стояли каменные постаменты, на каждом из которых покоился зелёный кристалл.

Детей выстроили полукругом. Наставники встали напротив. Один из них — жилистый, с гладко выбритой головой и в чёрном балахоне — шагнул вперёд.

— Магия течёт далеко не в каждом, — произнёс он. Его голос был тих, но акустика зала разносила каждое слово. — И проявляется по-разному. Кто-то может её чувствовать, но не контролировать. Кто-то — разжечь из неё костёр. А кто-то — стать её сосудом. Мы выясним, есть ли у вас способности к магии и какова их сила.

Он махнул рукой. Надзиратели начали по очереди вытаскивать детей из строя и подводить к постаментам.

— Положи руку, — коротко приказали первому мальчику.

Тот, дрожа, коснулся кристалла. Камень не загорелся, оставаясь тёмным и безжизненным.

— Нет. Следующий.

Дети шли один за другим. У некоторых кристаллы оставались тёмными, мёртвыми. У других — чуть тлели, как угли под слоем пепла. Несколько вспыхнули ярко — их сразу отводили в сторону, отделяя от общей массы.

Каэль шагнул к постаменту молча. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах читалась сосредоточенность. Он не боялся. Он хотел знать. Когда его пальцы коснулись кристалла, тот вспыхнул ярко — ровным, чистым пламенем. Свет залил его лицо, отразился в тёмных глазах. Кристалл не гас, пока наставник не отдернул его руку.

— Глубокая связь, — буркнул один из наставников, делая пометку в свитке. — Уводите. Каэля отвели к тем, кто стоял по левую руку от постаментов, — к "полезным".

Дрейвен шагнул следующим. Он положил руку резко, словно бил. Кристалл дёрнулся, как от удара, вспыхнул — но неровно, рывками. Пламя металось, трепетало, словно на ветру.

— Хороший импульс, — произнёс лысый наставник, склонив голову. — Но нужно учиться контролировать.

Дрейвен фыркнул, но его уже отводили в сторону "полезных".

Сарет подошёл к постаменту медленно, почти крадучись. Его пальцы, тонкие и цепкие, легли на кристалл — и камень загорелся. Ярко. Потом погас. Снова загорелся. Снова погас. Так несколько раз. Пульсирующий, неровный свет бросал тени на его лицо, и в этих тенях его улыбка казалась особенно жуткой.

— Магия есть, но нестабильная, — констатировал наставник. — Хороший потенциал. Возможен рост.

Сарета отвели в ту же сторону.

Рейн подошёл как ни в чём не бывало. Его изуродованное лицо, вечно меняющееся, сейчас расплылось в ухмылке — то ли глупой, то ли безумной, то ли и той и другой сразу. Он не спеша протянул руку и коснулся кристалла.

Тот вспыхнул. Сильнее всех. Свет ударил в своды, заставив наставников прищуриться. Зелёное пламя взметнулось выше головы мальчика, заревело — а потом потухло. Резко. Как будто испугалось.

В зале повисла тишина. Лысый наставник медленно выдохнул.

— Сильное взаимодействие, — произнёс он, и в его голосе прозвучала нота, которой не было раньше, — осторожность. — Забирайте в группу магов. Но под наблюдение.

Рейна отвели туда же, где уже стояли Каэль, Дрейвен и Сарет. Он прошёл мимо них, ухмыляясь всё той же странной ухмылкой, и встал в строй.

К кристаллу подошла девочка.

Она выделялась сразу — не внешностью, а тем, как держалась. Тёмная коса была переброшена набок, перехвачена грубой серой лентой. Плечи расправлены. Подбородок поднят. Она не дрожала, не озиралась по сторонам, как другие девочки до неё. В её походке не было ни страха, ни подобострастия. Только спокойная, расчётливая уверенность.

На её одежде было вышито имя: "Элис".

Она остановилась у постамента. Её взгляд скользнул по зелёному свечению кристалла — оценивающе, без тени сомнения. Затем она положила руку на камень. Движение было точным, без колебаний.

Кристалл вспыхнул. Ярко. Ровно. Зелёное пламя отразилось в её глазах, но она даже не прищурилась. Просто смотрела на свет, словно именно этого и ожидала.

— Магия есть, — произнёс лысый наставник, делая пометку. — Стабильная. Уводите.

Элис убрала руку. Кристалл погас. Она развернулась и пошла туда, где уже стояли другие магически одарённые. Проходя мимо, она мельком взглянула на Каэля и Торна.

Торн с Каэлем проводили её глазами.

Они сразу поняли, что Элис не просто прошла отбор. Она уже сейчас вела себя как лидер — и девочки, что жались друг к другу в стороне от парней, инстинктивно смотрели на неё, как на старшую.

Торн не подходил к кристаллу. Он стоял поодаль, скрестив руки, и просто смотрел. Его уже проверили — давно, когда он был младше. И знали: да, магия в нём есть. Ему не нужно было доказывать это снова.

Когда отбор был завершён, магически восприимчивых детей — не больше трети от общего числа — отделили от остальных. Их построили в отдельную колонну и повели вглубь Логова. Тех, кто не прошёл испытание, отправили в другие залы, где из них будут делать: стражников, разведчиков, будущих шпионов. У них будет свой путь, не связанный с магией.

Коридоры сужались. Воздух становился плотным и тяжёлым, словно насыщенным пеплом. Свет исходил от старых масляных ламп, мерцающих, будто сердцебиение — неровное, с перебоями. Стены здесь были другими: не грубый камень казарм, а гладкие, оплавленные поверхности, словно по ним когда-то текли реки огня.

Зал, куда их привели, был пустым. Лишь в центре стояла каменная плита, наполовину вросшая в пол. У дальней стены — пьедестал, грубый, обугленный, будто переживший пожар. И тишина. Такая глубокая, что собственное дыхание казалось грохотом.

Лысый наставник в чёрной мантии шагнул вперёд. Он заговорил спокойно, без надрыва, но голос его был подобен камню, катящемуся с вершины, — тяжёлый, неумолимый.

— Обычные маги, — начал он, глядя поверх голов, — выпускают магическую силу наружу. Они разрывают ткань мира, вызывают пламя, молнии, потоки энергии, свет, иллюзии, зону холода, и так далее...

Он подошёл к каменной плите. Положил на неё руку.

— Вы научитесь другому.

Наставник шагнул назад. Глубоко вдохнул. Внутри него будто что-то завибрировало — невидимое, но осязаемое. Воздух вокруг него задрожал, как над раскалёнными камнями. И в следующую секунду он ударил по камню всей массой тела — кулаком, без размаха, без магических жестов.

Гулкий хруст прошёл по залу. Каменная плита раскололась пополам. Один край соскользнул на пол, подняв облако пыли. Вторая половина осталась стоять, покрытая густой сетью трещин.

Дети замерли. Кто-то ахнул. Кто-то отшатнулся.

Наставник выпрямился. На его костяшках не было ни царапины.

— Магия внутри. Не снаружи. Не яркая. Не красивая. Она не для зрелища. — Он посмотрел на ближайших мальчишек, и те съёжились под его взглядом. — Мы не выплёскиваем силу. Мы ею становимся. Она проникает в кости, в сухожилия, в кровь. Мы учим тело удерживать её. Не позволять ей разорвать вас изнутри.

Он указал на разметку на полу — круги для медитации, вырезанные в камне.

— Сядьте. Прямо. Закройте глаза. Почувствуйте жар под грудью, но не дайте ему разгореться слишком сильно.

Он сам опустился на пол, скрестил ноги и замер. В воздухе повисло напряжение, будто даже пыль не решалась шевельнуться. Дети, переглядываясь, начали рассаживаться по кругам.

Тишина в зале казалась тяжелее каменных стен. Дети сидели на полу, едва дыша, будто сама поза требовала подчинения. Наставник долго молчал, словно прислушиваясь к чему-то, доступному лишь ему.

— Теперь слушайте, — произнёс он, не открывая глаз. — Первое, что вы должны понять: магия тела — это не пламя и не свет, что создают другие заклинатели. Она — плоть. Она — кость. И если вы не подчините её, она сломает вас.

Он поднял руку, не открывая глаз. Его пальцы слегка дрогнули — и в воздухе вокруг них заплескала едва заметная рябь.

— Тянуть силу внутрь — значит заставить её течь по сосудам, обволакивать мышцы, впитываться в кости. Медленно. Осторожно. Вы должны чувствовать, как она наливается в вас — как вода в сосуд.

Он открыл глаза и посмотрел на сидящих перед ним детей. Взгляд его был твёрд, как сталь, которой здесь учили убивать.

— Но знайте: слишком мало — и вы сломаете себе руку, когда попытаетесь ударить. Ваше тело будет недостаточно крепким, как старая древесина. А слишком много — и она распрёт вас изнутри. Кожа лопнет. Сухожилия взорвутся. Магия разорвёт вас, как переполненный бурдюк.

Он поднялся, подошёл к одному из учеников — мелкому мальчишке, что дрожал, зажмурившись, — и положил руку тому на грудь. Мальчишка вздрогнул.

— Баланс. Всё держится на нём. Ни страха. Ни жадности. Вы не боги. И вы не щепки. Вы сосуды. Заполните себя — но не переливайтесь.

Он вернулся на прежнее место и снова сел, выпрямив спину.

— Сделайте вдох. Почувствуйте тяжесть под рёбрами — будто капля раскалённого свинца. Это она. Не гоните её. Не отпускайте. Держите. Заставьте её быть вашей.

Дети пытались. У одних тряслись руки, у других — дрожали губы. Кто-то едва чувствовал что-то внутри, кроме холода. Кто-то, наоборот, начал задыхаться от жара, словно проглотил уголёк. Мальчик, которому наставник положил руку на грудь, вдруг всхлипнул — и тут же замолк, испугавшись собственного звука.

Торн сидел в своём круге, скрестив ноги, и спокойно втягивал магию внутрь тела. Он уже практиковал это самостоятельно, ещё до прибытия новой партии детей в Логово. Для него это был привычный процесс — такой же, как дыхание. Магия текла по сосудам ровно, без рывков, впитывалась в кости и мышцы, и он контролировал каждую её каплю. Ничего лишнего. Ничего опасного. Только точный, выверенный баланс.

Каэль попробовал втягивать магию внутрь тела, стараясь удержать её там. Первая попытка — жар под рёбрами вспыхнул и начал расползаться. Он замедлился, сосредоточился, мысленно направил поток внутрь — и у него стало получаться. Довольно легко. Он быстро понял, как это делается: не бороться с силой, а вести её. Как воду по руслу. Как клинок по намеченной линии. Его лицо оставалось спокойным, но внутри он чувствовал: магия слушается. Это было... приятно.

Сарет также попытался накопить магическую энергию внутри своего тела. Поначалу у него получалось — сила послушно текла внутрь, наполняла мышцы, разливалась теплом. Но потом он почувствовал, как она постепенно уходит. Утекает, словно вода сквозь пальцы. Он сжимал зубы, пытался удержать её, но тело отторгло магию, не давая закрепиться надолго. Его пальцы дрогнули, на лбу выступил пот. Раз за разом — вспышка, а потом пустота. Он открыл глаза и посмотрел на свои руки с глухим, злым разочарованием.

Дрейвен же не стал ждать. Он попытался сразу поглотить как можно больше магической энергии — много, жадно, одним рывком. Внутри вспыхнуло жжение, а затем — боль. Острая, разрывающая, словно вены наполнились кипятком. Он распахнул глаза, зарычал сквозь зубы и резко выпустил всю энергию из себя — выдохнул, вытолкнул, отшвырнул, пока она не разорвала его тело изнутри. Грудь вздымалась. По вискам тёк пот.

Наставник сразу же заметил это.

— Я же говорил, — произнёс он, и его голос был сух, но в нём слышалось скорее наставление, чем упрёк. — Не пытайтесь вобрать слишком много энергии сразу. Ваше тело не выдержит.

Дрейвен был зол, но ничего не ответил.

Рейн же не обращал внимания ни на кого. Он сидел в своём кругу, полуприкрыв глаза, и вбирал в себя магическую энергию. Он чувствовал её руками и ногами, своими жилами и венами — как она вливается, заполняет, наливает тело силой. Ему казалось: можно же и больше. Никакого дискомфорта. Никакой боли. Он вобрал ещё — и почувствовал, как всё тело налилось мощью, загудело, запружинило. Нужно было испытать её. Срочно. Работает ли его магия вообще?

Он встал. Никто не остановил его — наставник наблюдал, прищурившись. Рейн подошёл к разломанной плите, которую наставник расколол во время демонстрации, наклонился и подобрал небольшой осколок. Взял его в ладонь. Сжал со всей силы.

Камень треснул.

Крошки посыпались на пол. Рейн разжал пальцы — на ладони осталась каменная пыль и мелкие осколки. Он посмотрел на них, и его лицо растянулось в ухмылке — то ли довольной, то ли удивлённой.

Наставник сделал шаг вперёд. Его брови приподнялись.

— Впервые я вижу, чтобы ученик так быстро смог понять принцип магии тела и суметь воспользоваться ею на первом же занятии, — произнёс он. — Молодец.

Он присмотрелся к надписи на одежде.

— Рейн. Я запомню.

Рейн кивнул — всё с той же странной ухмылкой — и вернулся на своё место.

Так прошёл их первый урок магии в Логове. Трудный. Выматывающий. Оставляющий после себя дрожь в мышцах и странное, непривычное тепло где-то глубоко внутри. Тепло, которое у одних разгоралось ровно, у других — угасало, у третьих — грозило вырваться наружу и уничтожить всё на своём пути.

После ознакомительного дня и первых занятий их вновь загнали в общую казарму. Дети расползлись по нарам, но никто не спал — все были слишком взбудоражены. Воздух гудел от тихих разговоров, шёпота, редких нервных смешков.

Рейн заговорил первым. Он сидел на своей наре, свесив ноги, и его лицо — как всегда, неуловимое, текучее — повернулось к остальным.

— Ну что, ребята, как вам первый день в нашем новом доме?

Никто не ответил. Все стеснялись друг друга и не доверяли. Слишком много незнакомых лиц. Слишком много чужих глаз.

Каэль, сидевший на верхнем ярусе, решил ответить странному парню с искажающимся лицом. Он говорил спокойно, негромко, но в тишине казармы его голос был слышен всем.

— Интересное место. Честно говоря, я даже не знал, что у меня есть магический дар.

Сарет, скрючившийся в своём углу, подал голос. Его глаза блестели в полумраке.

— Магия — это хорошо. Нам явно повезло больше, чем тем, у кого кристалл не загорелся. И они оказались не способны к магии.

В его голосе читалось чувство удовлетворения и превосходства. Он смотрел на свои руки — те самые, что не смогли удержать магию, — но сейчас это не имело значения. Он был среди избранных. Среди сильных. А остальные... остальные остались там, в общих залах для немагов.

Торн поддержал разговор. Он лежал на своей наре, закинув руки за голову, и его голос звучал ровно, без эмоций.

— Не стоит так сильно радоваться. Я здесь не первый год и знаю, что от подобной магии ученики гибнут. От того, что их тела не выдерживают. Так что эта сила может обернуться и против нас.

Его слова повисли в воздухе. На мгновение стало тихо.

Дрейвен вмешался в разговор. Он сидел, скрестив ноги, и его рыжие волосы торчали во все стороны, словно языки пламени.

— Ну так мы не они. Мы схватываем всё на лету. Один раз обожглись — сделали выводы. А вообще, скорее бы уже научили драться, а не просто медитировать и копить магию.

Он рубанул воздух кулаком, и в этом жесте было столько нетерпения, что несколько человек улыбнулись.

В казарму вошёл одноглазый надзиратель. Дверь грохнула о стену.

— Отбой!

Он обвёл казарму единственным глазом, рывкнул так, что стены дрогнули, и ушёл, закрыв за собой дверь.

Все стали разбредаться по нарам. Но Рейн продолжил — уже тише, полушёпотом.

— Согласен, магия — это круто. Хочется скорее узнать и научиться большему. Да ещё эти вечно кричащие ребята, что бьют нас непонятно за что, тоже создают это странное чувство

непредсказуемости. Никогда не знаешь, когда тебе в очередной раз прилетит по голове. Каждая секунда — как лотерея.

Из угла, где сгруппировались девочки, раздался голос. Элис — та самая, с тёмной косой на бок, — приподнялась на локте и посмотрела в сторону мальчишек.

— Ребята, давайте уже закончим на сегодня обсуждения. Все устали. Давайте спать.

В казарму, услышав лишние звуки, вновь заглянул надзиратель. Его единственный глаз сверкнул в щели двери.

— Вы чё, уроды, не слышали? Не хотите спать? Энергии дохрена? Значит, пойдёте сейчас бегать по тренировочной площадке.

Ребята быстро разлетелись по нарам. Шёпот стих. Дыхание выровнялось. Их стало заметно меньше — группу детей, способных к магии, отделили от тех, кто не был способен к ней. Теперь в казарме остались только они. Избранные. Отмеченные кристаллом.

Так закончился их первый день в Логове. Но далеко не последний.

Пот и сталь.

Утро в Логове начиналось одинаково. Тёмный каменный коридор ещё спал, но уже слышался стук тяжёлых сапог надзирателей — мерный, неумолимый, как сердцебиение этого места. Дверь в казарму распахивалась с грохотом, и крик врывался внутрь раньше, чем свет солнца.

— Подъём! Построение через две минуты! Кто опоздает — бежит штрафной круг!

Дети вскакивали с нар — дёргано, испуганно, ещё не проснувшись. Холодный камень под босыми ногами. Быстрые движения. Никто не разговаривал — утром не было сил на слова. Построение. Проверка. И бег.

Их гнали по скалам. Узкая тропа вилась между чёрных валунов, уходила вверх, срывалась в грязь. Дождь то начинался, то прекращался, и ветер швырял в лицо колючую водяную пыль. Ноги скользили по мокрому камню. Дыхание рвалось. Надзиратели бежали рядом — не отставали, не помогали, только следили. Кто падал — получал удар палкой по спине. Кто выдыхался и не мог встать — того тащили на себе другие, потому что если бросить — накажут всех.

Здесь учили не только магии. Здесь учили выживанию.

После бега — упражнения. Отжимания на кулаках, приседания с камнем, подтягивания на железных перекладинах. До изнеможения. До дрожи в мышцах. До того момента, когда тело перестаёт слушаться, а надзиратели продолжают кричать: "Ещё!" И они делали. Потому что не делать было нельзя.

А затем — спарринги. Их выводили на круг. Тот самый, выложенный тёмным камнем, что был в центре двора. Правила были простыми: драться без оружия. До первой крови. Или до тех пор, пока один не сможет подняться. Наставники не вмешивались. Седовласый Гримм, лысый маг-наставник в чёрной мантии, одноглазый и полный татуированный надзиратели стояли по краям круга и смотрели. Иногда делали пометки в свитках. Иногда — просто молча наблюдали.

Первой парой вывели Торна. Его противником стал мальчик постарше — с густыми бровями и тяжёлым, злым взглядом. Он был крупнее, шире в плечах, и смотрел на Торна так, словно тот уже проиграл. Торн не ответил на этот взгляд. Он просто встал в стойку и ждал.

Мальчик бросился первым. Попытался схватить Торна за плечо, чтобы повалить, — грубо, без техники, на одной силе. Торн ушёл в сторону — одно слитное, точное движение. И ударил. В живот. С разворота. Коротко, жёстко, вложив в удар ровно столько силы, сколько нужно.

Мальчик согнулся пополам, захрипел и рухнул на пол. Воздух вышел из него со свистом. Бой закончился.

Торн выпрямился. Подошёл к поверженному противнику и протянул руку, чтобы помочь ему подняться. Он сделал это машинально — так, как его учили. Соклановцы должны поддерживать друг друга. Они сражаются на одной стороне. Спарринг — это не вражда, это тренировка.

Мальчик поднял голову. Его глаза горели ненавистью. Он посмотрел на протянутую ладонь Торна, скривился и сплюнул на камни.

— Пошёл ты, — прохрипел он и, шатаясь, поднялся сам, отвергая помощь.

Торн опустил руку. Он не понимал. Это был обычный спарринг. Простая тренировка. Почему парень так зол? Почему он смотрит на него как на врага? Торн нахмурился, но ничего не сказал. Он просто отошёл в сторону, уступая круг следующей паре.

Следующим вышел Сарет.

Его противник был такой же комплекции — не крупнее, не сильнее. Обычный мальчишка, который явно нервничал и оглядывался на наставников. Но Сарет не стал ждать. Он налетел на него сразу — без стойки, без подготовки. Вгрызаясь зубами и ногтями в шею и лицо.

Это не было похоже на спарринг. Это было похоже на охоту. Сарет дрался отчаянно, как зверёныш, защищающий свою жизнь. Он не пытался победить — он пытался навредить. Сорвать кожу. Откусить плоть. Выбить зубы. Его пальцы скребли по лицу противника, оставляя кровавые борозды. Зубы вцепились в мочку уха и рванули. Мальчик закричал, ударил Сарета в грудь, отшвырнул. Сарет упал на спину, закашлялся. Но тут же поднялся — и бросился снова.

В его глазах горел тот самый голод. Тот, что он испытывал к крысам в переулке. Только теперь перед ним был человек. И это было в сто раз интереснее.

Надзиратель свистнул. Бой остановили. Мальчик, с которым дрался Сарет, прижимал ладонь к разорванному уху, и кровь текла по его пальцам. Он смотрел на Сарета с ужасом. Сарет смотрел на него с улыбкой.

Дошла очередь до Рейна. Ему достался противник крупнее его раза в два — массивный, медлительный, с ручищами как кувалды. Он явно полагался на свою силу и думал, что задавит странного паренька с меняющимся лицом одним ударом. Но ударить Рейна оказалось невозможно.

Он танцевал вокруг него на арене — легко, пружинисто, словно сама земля отталкивала его в нужную сторону. Противник замахивался — Рейн уже был в другом месте. Противник бросался вперёд — Рейн уходил в сторону, и его лицо в этот момент перетекало в новую форму, сбивая с толку. Он смеялся — тихо, но отчётливо.

— Ну давай, давай, — подкалывал он, уклоняясь от очередного размашистого удара. — Ты такой большой, а я такой маленький. Неужели не можешь попасть? Может, тебе нужны новые глаза, чтобы лучше видеть? Хотя с такими кривыми руками тебе и глаза не помогут.

Противник рычал от злости, но его удары рассекали только воздух. Рейн же периодически наносил чувствительные удары — короткие, точные, в корпус, в рёбра, под колено. Не чтобы свалить — чтобы разозлить ещё больше. Он играл с противником, как кошка с мышью.

Спарринг закончился, когда надзиратели остановили его сами. Парень так и не смог ни разу ударить Рейна. Тот уже сейчас двигался быстрее других и был сильнее благодаря лучшим магическим способностям и более развитой магии тела. Его тело, напитанное магией на первом же занятии, работало иначе — быстрее, резче, точнее.

Девочек было меньше, чем мальчиков, но и им приходилось спарринговаться с парнями. Против Элис вышел Дрейвен.

Наставники знали, кого ставят в пару. У Элис магические навыки были развиты лучше, чем у большинства детей в этой группе. Её тело было лучше закалено магией — она контролировала её ровно, без перепадов, и это давало преимущество. Она была старше и крупнее Дрейвена. Но ему было плевать.

Они сцепились в ожесточённой схватке. Дрейвен налетел первым — яростно, без оглядки, как берсерк. Элис встретила его жёстко: подсечка, бросок — и он покатился по камням, вылетев за пределы круга. Надзиратель свистнул. Дрейвен вскочил, рыча, и снова бросился на неё. Она снова его выкинула — на этот раз захватом, используя его же инерцию против него.

Но ярость его не знала границ. Каждый раз, когда Элис отправляла его за пределы ринга, он вскакивал и рвался обратно, словно бешеный пёс, не чувствующий боли. Его рыжие волосы растрепались, лицо покраснелось. Он скалился и тяжело дышал, но не сдавался.

Один раз ему всё-таки удалось схватить Элис. Он поймал её за руку, рванул на себя и швырнул о каменный пол. Она ударилась спиной, на мгновение потеряла ориентацию — и Дрейвен набросился сверху, нанося удары.

Надзиратели вмешались. Двое схватили Дрейвена за плечи, оттащили, прекратив сражение. Элис поднялась сама — спокойно, без злости. Она отряхнулась и посмотрела на Дрейвена так, словно ничего особенного не произошло.

— Неплохо, — бросила она ему через плечо, уходя с круга.

Дрейвен вырывался из рук надзирателей, рыча что-то неразборчивое. Но в его глазах, кроме ярости, мелькнуло что-то ещё. Уважение.

Смерти начались незаметно. Первый мальчик умер ночью. Его тело нашли в казарме на утро — мышцы выгнуты в судорогах, глаза мертво вытаращены в потолок. Лицо застыло в гримасе, словно он пытался закричать, но крик так и не вырвался. Кто-то шепнул, что он пытался впитать слишком много магии. Его тело просто не выдержало того, что он влил в себя.

Его унесли молча. Двое надзирателей подняли тело и вынесли в коридор. Никто не спросил куда. Никто не сказал ни слова. Нары остались пустыми. Нового в них не подселили. Они так и стояли — холодные, как напоминание.

Потом случилось наоборот. Во время тренировки один из юнцов — худой, бледный мальчик с вечно испуганными глазами — встал в стойку, сжал кулак и ударил, как учил наставник. Он вложил в удар всё, что мог. Но магии в его теле было недостаточно. Он не сумел накопить её. Костяшки его пальцев хрустнули. Запястье обвисло. Он закричал — коротко, пронзительно, — и упал. А через час его уже не было в группе магов.

Седовласый наставник Гримм подошёл к другим детям и произнёс без жалости, без удивления.

— Плохо, — сказал он. Его голос прозвучал сухо, как всегда. — Необходимо лучше развивать своё тело, чтобы оно могло выдержать большую концентрацию магии внутри. От этого напрямую зависит ваша жизнь.

Дети начали понимать, что "учёба" здесь — не просто слова.

Магия тела не прощала ошибок. Каждый день забирал кого-то. Иногда — во время впитывания, когда ученик пытался вобрать слишком много и его сосуды не выдерживали. Иногда — на спаррингах, когда один из учеников слишком глубоко насыщал удар магией и ломал противнику кость в грудной клетке. Несколько таких смертей вызывали лишь лёгкий взгляд наставников — не больше, чем сломанная метла в углу. Раздражающая мелочь. Не более.

Однажды умер мальчик, с которым Каэль делил еду. Они сидели рядом в столовой, иногда перебрасывались парой слов. Он был тихий, незаметный, старался не привлекать внимания. Просто не проснулся однажды утром. Лицо посинело — внутреннее кровоизлияние, такое же, как у того худого парня недель раньше. Магия разорвала его изнутри, пока он спал.

Каэль стоял над его спальным местом и смотрел. Долго. Он не произнёс ни слова. Его лицо оставалось спокойным, как всегда. Но что-то внутри него изменилось. Он сделал выводы и с тех пор ещё дольше сидел после занятий, вслушиваясь в дыхание собственного тела. Он не собирался умирать, как этот мальчик. Не так. Не сейчас.

Сарет смотрел на погибающих без особых эмоций. Смерть была ему любопытна, но не страшна. Он впитывал магию с жадностью, без страха, и каждый труп, выносимый из казармы, был для него подтверждением того, что он выбрал правильный путь. Слабые умирают. Сильные остаются. С каждым телом он чувствовал себя ближе к силе, к тайне, ради которой пришёл. Смерть в Логове не была трагедией. Она была нормой.

Так шли дни. Пот. Кровь. Сталь. Магия. И смерти — тихие, будничные, как дыхание Логова, что забирало слабых и оставляло сильных.

Мир за пределами Логова.

С утра было необычно тихо. Ни криков надзирателей, ни лязга металла, ни стонов избитых. Только тяжёлые шаги и короткие, сухие команды. В коридоре пахло пылью и маслом — так пахнет в старых архивах, куда никто не заходит годами.

Детей, едва проснувшихся после изнурительных тренировок, выгнали в узкий проход и велели идти вниз. Каменные, стёртые ногами, ступени, уходили в темноту. С каждым пролётом воздух становился холоднее, а запах крови и пота, что преследовал их повсюду, исчезал. Здесь пахло иначе — старой бумагой, плесенью, чем-то сухим и древним.

Они вошли в просторное полутёмное помещение с низким сводчатым потолком. Вдоль стен тянулись стеллажи с пыльными свитками. В центре стояли ряды длинных столов, за которыми уже сидели другие ученики — такие же юные, серыми тенями в полумраке. Никто не разговаривал. Все ждали.

— Садитесь, — бросил сопровождающий надзиратель, и тяжёлая дверь за их спинами закрылась с глухим, окончательным стуком.

На возвышении стоял человек. Сухой, жилистый, как высушенное ветром дерево. Его кожа была серой, точно старая пергаментная бумага, а волосы — тонкие, почти прозрачные, редкие, прилипшие к черепу. Он не представился. Просто стоял и смотрел на детей, и его взгляд скользил по их лицам, будто считал каждую морщинку, каждую царапину, каждый синяк. В руке он держал жезл — длинный, чёрный, отполированный до блеска. За его спиной, на стене, висела огромная карта, размеченная тёмными чернилами и выжженными линиями. Красные пятна на ней походили на капли крови, застывшие на старом холсте.

— Смотрите и слушайте внимательно, обезьяны, — произнёс он наконец.

Голос его был скрипучим, будто сама пыль заговорила. Тишина в зале стала абсолютной. Даже Рейн, что обычно не мог усидеть на месте, молчал, задрал голову к потолку и словно выискивая там вдохновение для очередной шутки. Но пока безуспешно.

— Дважды повторять я не буду.

Наставник обвёл взглядом притихших детей и продолжил.

— Сегодня вы узнаете, как устроен мир и кто в нем обитает. Это не ради вашего образования. Это для понимания. В каких местах вам предстоит выполнять приказы. Чтобы вы могли отличить человека, которого надо убить, от того, кого стоит оставить в живых. А если не отличите — не беда. Главное, чтобы выполнили приказ.

Он резко ударил жезлом по карте. Звук вышел звонкий, хлесткий. Дети вздрогнули.

— Смотрите. Запоминайте.

Наставник провёл жезлом по северо-западной части материка. Очертания земель были грубыми, но узнаваемыми — границы, города, какие-то символы.

— Империя Вечной Короны, — произнёс он. — Мощная, старая держава. Шрамы на её теле — следы прежних завоеваний, прежних ошибок... и прежних побед.

Он медленно прошёлся вдоль рядов, заложив руки за спину. Его шаги отдавались от каменных стен.

— Она строилась на чести, власти и крови. Каждый род стремится к силе, каждый сын — к превосходству. Аристократия тут не просто богата — она рождена, чтобы править. Убийство в этой стране — часть политики, а честь — маска, которую носят даже чудовища.

Он остановился и обернулся к детям.

— Наше Логово находится на территории этого государства.

По рядам пробежал тихий шёпот. Кто-то из детей впервые осознал, что они не где-то на краю мира, а в самом сердце Империи.

Каэль нахмурился. Он смотрел на карту, и в его глазах читалась работа мысли.

— Отец рассказывал мне про имперские города, — произнёс он негромко. — Переполненные одновременно и богатством, и нищетой.

Наставник не повернулся к нему, но едва заметно кивнул.

Рейн, сидевший чуть поодаль, усмехнулся — на этот раз слабо, почти беззлобно. Его лицо перетекло в новую форму и замерло.

— Поскорее бы уже нас отправили на задание в один из таких городов, — протянул он мечтательно.

Наставник пропустил его слова мимо ушей и продолжил.

— Магия в Империи ценится высоко, особенно если сочетается с происхождением. Дети знатных родов учатся в особых академиях. Вас, безродную грязь, впрочем, туда бы не взяли.

Он скользнул взглядом по собравшимся — холодным, оценивающим.

— Но те, кто добиваются успеха, становятся императорской стражей или занимают высокие посты в верхушке власти Империи.

Дрейвен фыркнул. Он сидел, скрестив руки на груди, и его лицо выражало презрение.

— И что, нашими целями будут эти богатенькие детки? — спросил он с вызовом.

Наставник повернулся к нему. На его губах появилась тонкая улыбка — сухая, как всё в этом зале.

— Вы будете убивать любого, кого вам прикажут. И да — частенько заказы приходят на убийство чьего-нибудь сына или дочери. Так в Империи любят наказывать своих политических оппонентов.

Сарет, до этого смотревший в сторону со скучающим видом, чуть подался вперёд. Его глаза сузились. Что-то в этих словах зацепило его. Убийство сыновей. Дочерей. Наказание оппонентов. Это звучало... интересно.

Наставник прошёлся дальше.

— Империя не приемлет слабость. В бедных районах выживают только те, кто сильнее и сильнее кусает. Аристократы же...

Он усмехнулся.

— Аристократы делают всё то же самое, только более изящно и не своими зубами.

Рейн хмыкнул. Каэль продолжал смотреть на карту. Торн сидел неподвижно, впитывая каждое слово.

— Важно другое, — наставник оборвал эту нить и повысил голос. — Империя — страна для свободной магии. Нет никаких законов, ограничивающих её использование. Здесь множество различных школ магии. И из этого государства выходят самые сильные маги мира.

Он дал паузу, чтобы это усвоилось. Дети молчали. Слова "самые сильные маги мира" повисли в воздухе. Каждый из них примерял их на себя.

Наставник перешёл к следующей зоне на карте. Его жезл двинулся на северо-восток.

— Железный Союз, — произнёс он, и его голос изменился. В нём появилось что-то похожее на уважение. — Держава машин, стали и удивительных механизмов. Технологически развитая страна. Страна, стремящаяся к благополучию и равенству всех граждан путём искусственного уравнивания всех.

Он обвёл взглядом притихших детей.

— Сердца граждан бьются в такт механизмам, а душу они ищут не в небе, а в шестерёнках. Их бог — Эйдос. Тот, кто был построен, но стал больше, чем создатели. Бог-машина. Мыслительно-вычислительный механизм. Символ идеального порядка.

Тишина стала глубже. Даже Рейн перестал ухмыляться. Бог-машина. Это звучало как что-то из страшной сказки. Или из пророчества.

— Магия для них — топливо. Она питает их стальные доспехи, огромные боевые платформы, оружие, способное ломать стены. Но не ищите в их искусстве красоты. Всё подчинено

цели. Эффективности. Расчёту. Там, где вы сражаетесь, чувствуя боль и страх, они нажимают рычаги и переключают тумблеры.

Торн чуть кивнул — едва заметно, машинально. Что-то в этом подходе отзывалось в нём. Простой, прямой путь к результату. Без лишних эмоций.

— Эйдос считает магию в руках людей опасной, — продолжил наставник. — И поэтому в Железном Союзе изучение и развитие магических способностей под запретом. Школы магии отсутствуют напрочь. И, как я уже сказал, используется она там исключительно как топливо.

Каэль поднял руку. Не робко — спокойно, уверенно. Наставник посмотрел на него.

— Но как они преобразуют магию в топливо?

Наставник одобрительно кивнул — впервые за весь урок.

— Они черпают её из внешнего источника, как и мы, с помощью людей, что добровольно отдают её, накапливая в специальных машинах, либо используют другие способы. Но вам это знать и не нужно.

Он сделал паузу.

— Вся их магия служит лишь для работы машин и механизмов. Им не нужен дар. Им нужен лишь расчёт и результат.

Сарет хмыкнул. Он покрутил головой, разминая шею, и произнёс задумчиво.

— Странные они. Используют магию как простое топливо, когда с её помощью можно творить такие вещи...

Он не договорил. Но в его голосе прозвучало что-то тёмное, предвкусшающее. Наставник на миг задержал взгляд на нём, но промолчал.

— Помните, — произнёс он, возвращаясь к карте. — В Железном Союзе каждый винтик знает своё место. Там не прощают тех, кто сбивается с заданной оси. И всё же...

Он постучал жезлом по карте.

— Их доспехи, их пушки и дирижабли — это сила. А сила всегда находит применение.

Жезл скользнул по карте к южному участку, где белым были очерчены земли Церкви. Границы здесь были ровными, почти геометрическими — словно их проводила не природа, а чья-то уверенная рука.

— Церковь Света, — произнёс наставник, и его голос приобрёл оттенок, которого дети раньше не слышали. Не презрение. Не уважение. Осторожность. — Теократическое государство. Управляется верховным духовенством, которое поклоняется единому Творцу — Создателю мира, по их учению.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Никто не знает, существует ли он на самом деле или же нет. Проверить это невозможно. Магию они не отвергают, но считают, что только её "чистые" формы достойны изучения — то есть магия света во всех её проявлениях. Всё остальное — "искажения".

Наставник провёл жезлом по воздуху, словно отсекая что-то невидимое.

— У них сильные жрецы, умеющие благословлять воинов, лечить смертельные раны и даровать им защиту. Но не дайте словам вроде "милость" или "прощение" ввести вас в заблуждение. Они так же способны испепелить вас тем же светом, которым только что вылечили человека. Они наказывают сурово, особенно тех, кто колдует неправильным образом.

Дрейвен, облокотившийся на лавку, хмыкнул. Его рыжие волосы, как всегда, торчали во все стороны, а на лице застыло выражение вечного скепсиса.

— Ну, хоть кто-то умеет лечить магией, а не только калечить, — протянул он.

Рейн усмехнулся. Его лицо на мгновение замерло — редкий момент определённости, — и он подался вперёд.

— Магия света такая многогранная, — произнёс он задумчиво. — С одной стороны, лечит. С другой — убивает. Интересно, нашу магию тела они считают грязной, чистой или какой?

Сарет глянул на него искоса. Его глаза блеснули в полумраке — холодные, голодные.
— Да плевать, что они считают. Будут огрызаться — перережем всех.

Он сказал это тихо, почти лениво, но в его голосе прозвучала такая спокойная, будничная уверенность, что несколько детей по соседству невольно отодвинулись.

— Вот это в точку — поддержал его Дрейвен.

Каэль, сидевший чуть поодаль, задумчиво кивнул. Его тёмные глаза были прикованы к карте.

— Они вроде как искренне верят в свою религию, — произнёс он. — Это делает их опаснее. Такие не сомневаются, когда убивают.

Торн молчал. Он сидел, скрестив руки на груди, и его лицо оставалось неподвижным, как камень. Он уже знал: во всех трёх государствах убивают. Просто разными словами прикрываются. Империя говорила о чести. Союз — о порядке. Церковь — о вере. Но кровь везде была одинаковой.

Наставник обвёл указкой нижнюю часть карты — тёмное, покрытое разрозненными пятнами, почти не обозначенное пространство. Очертания здесь были размытыми, неточными.

— Существуют и другие материки, но вам, балбесам, нет смысла знать про них. Пока что вы будете действовать только в пределах этого континента.

Он выпрямился и указал на группу островов и клякс лесных массивов, разбросанных по побережьям.

— Есть ещё... свободные земли. Места, где нет королей, нет порядка, нет законов. Только племена, живущие по своим обычаям.

Он водил указкой по россыпи островов и прибрежных участков — то в восточном океане, то у южных болот, то в зарослях, где даже контуры материка были размыты, словно сама природа сопротивлялась попыткам нанести её на карту.

— Мы называем их дикарями. Хотя это слишком просто. Среди них есть и охотники, и шаманы, и даже маги. Но живут они не в городах, а в деревнях, на сваях, в пещерах, в шалашах. Чтят духов, зверей, стихии. С каждым племенем — своя вера, свой язык, свои ритуалы.

Он сделал паузу и обвёл взглядом класс.

— Некоторые из них враждебны к чужакам. Другие... слишком дружелюбны. Особенно если вы редкость, или, скажем, — он скользнул взглядом по детям, и его губы тронула сухая усмешка, — обладаете магией. Могут убить. Могут взять в племя. А могут — принести в жертву.

Торн приподнял бровь. Единственное движение, которое он позволил себе за весь урок.

— И зачем нам знать об этих дикарях?

Наставник повернулся к нему. Его взгляд был холодным, но не враждебным.

— Потому что однажды вам могут приказать с ними договориться. Или перебить целое племя. Или доставить шамана из джунглей живым. Вам не обязательно их любить. Но вы обязаны знать, где их искать и чего от них ожидать.

Он вернулся к карте и указал на густой лес, занимавший юго-западную часть материка. Очертания здесь были почти чёрными — непролазная чаща, где не было ни дорог, ни городов.

— Некоторые племена скрываются и на самом континенте. В чащах, в болотах, под землёй. Есть те, кто даже с демонами говорил — если слухам верить.

Каэль нахмурился. Он смотрел на карту так, словно пытался запомнить каждую линию, каждое пятно.

— У них сильная магия? — спросил он.

Наставник покачал головой.

— Другая. Искажённая, дикая, древняя. Они не изучают законы стихий. Они слушают землю, кровь, ветер. Иногда — слышат больше, чем сто магов. Но и платят за это чаще жизнью.

Он повернулся к классу и упёрся жезлом в пол. Стук вышел глухой, тяжёлый.

— Если увидите татуированного дикаря с ритуальным ножом — не смейтесь. Сначала подумайте, как не умереть. Ведь его сил вполне хватит на то чтобы убить вас на месте.

Рейн усмехнулся. Его лицо перетекло в новую форму — теперь оно напоминало маску шута, что скалится над пропастью.

— А если он захочет станцевать?

По рядам пробежал тихий смешок. Даже некоторые из обычно угрюмых учеников не сдержали улыбки.

Наставник не улыбнулся. Но в его голосе появилась тень мрачного юмора.

— Тогда молитесь, чтобы этот танец не звал бурю.

Смех стих. Дети переглянулись. Никто не был уверен, шутил он или нет.

Наставник кивнул, и голос его стал чуть суше. Он слегка пригладил бороду, подошёл ближе к карте и обвёл всю Империю целиком — медленно, словно не зная, как показать местобиталище следующих, о ком он собирался говорить.

— Вампиры, — произнёс он наконец. — Не государство. Не народ. Болезнь, кровь, проклятие — называйте как хотите. Но они существуют. И их больше, чем вы думаете.

Он слегка постучал костяшкой пальца по деревянной поверхности стола.

— Большинство из них скрываются. Живут среди обычных людей. Выглядят как вы, как я. Некоторые из них даже сами уже забыли, что когда-то были людьми. Другие — прекрасно помнят и не прочь обратить в себе подобных.

Он обвёл взглядом учеников. Тишина стояла такая, что было слышно, как потрескивают масляные лампы.

— Но у них есть и своя иерархия. Слушайте внимательно, это важно.

Преподаватель повернулся к доске и начертил мелом три концентрических круга.

— Низшие вампиры, — начал он, указывая на внешний круг. — Обычные люди, укушенные вампирами. Сохраняют разум, память, внешность. Но становятся сильнее, быстрее, живут дольше. Их можно спутать с обычным человеком. Они скрываются в городах, в деревнях. Работают, торгуют, живут. Пока не начнётся голод. Тогда... — он осёкся. — Тогда они теряют контроль.

Он нарисовал внутренний круг.

— Вампиры. Люди, которых обратило уже куда более сильное существо — высший вампир. Они уже не просто усиленные люди. У них чаще всего появляются способности. Кто-то двигается быстрее звука. Кто-то управляет тенями. Кто-то может заставить вас видеть кошмары. Они обычно имеют своих низших — как слуг. Почти всегда — хищники по натуре. В отличие от низших, владеют сильной магией крови или тьмы.

Он нарисовал третий круг, самый плотный. Сделал его неровным, словно когтями.

— И наконец... Высшие вампиры. Не люди. Ими они никогда и не были. Огромные монстры с перепончатыми крыльями, изломанными конечностями, пастью на пол-лица. Огромная сила, регенерация, способности, которые нарушают даже магические законы.

Он опустил мел и стряхнул белую пыль с пальцев.

— И они разумны. Очень. Некоторые из них говорят на всех языках мира. Другие знают магию лучше придворных чародеев. Некоторые умеют колдовать так, как мы даже не представляем.

Торн нахмурился. Его голос прозвучал ровно, но в нём слышался холодный интерес.

— И где они живут?

— Где угодно. Обычные и низшие — в городах. Среди людей. Высшие... — он указал на горные цепи, на пещеры, на леса. — Где-то здесь. Там, где им никто не мешает.

Рейн хмыкнул. Его лицо, как всегда, перетекало, но ухмылка оставалась на месте.

— А мы должны их убивать?

— Если прикажут — да. Но помните: один вампир может стоять десятка воинов. Один высший — десятка магов. В лоб не всегда победишь. Нужно знать и понимать как с ними сражаться.

Каэль прищурился. Он сидел, подавшись вперёд, и его глаза были прикованы к наставнику.

— А есть способ определить вампира?

— Не всегда. Они выглядят и ведут себя как обычные люди. Учёные и маги Церкви проводят эксперименты, чтобы создать простой метод распознавания. Пока что с переменным успехом.

Дрейвен негромко усмехнулся, развалившись на лавке.

— Зато, если сразишься с таким — есть шанс научиться чему-то интересному. Ха. Или сдохнуть.

Он сказал это с тем же азартом, с каким говорил о спаррингах. Словно вампир был просто очередным противником. Просто сильнее обычного.

Каэль же слушал молча. Ему не нужно было объяснять, кто такие вампиры, — он и сам прекрасно видел этих тварей вживую, своими глазами. Он помнил ту ночь. И как они убивали. Он помнил всё. И сейчас его лицо оставалось спокойным, но внутри что-то сжалось.

Наставник продолжил.

— Вампиры — не миф. Они будут вашими врагами. А иногда — целями. И если вам повезёт... вы не встретите ни одного высшего вампира за всю жизнь.

Он повернулся к доске и стёр круги. Затем сменил карту на другую — такую же, но уже со странными отметками вдоль нижней её части. Они не были частью материков, не принадлежали государствам. Они выглядели как прорези, трещины или воронки — чёрные, неровные, нанесённые на карту словно сажей.

Наставник ткнул жезлом в одну из таких воронок.

— Преисподняя.

В классе воцарилась глубокая тишина. Даже обычно неугомонный Рейн замер и перестал ухмыляться.

— Это не место на карте. Это слой. Иной мир. Его нельзя просто пересечь на лодке или пройти пешком. О ней мало что известно. На этой карте отмечены некоторые места, которые предположительно связаны с Преисподней. Некоторые древние, другие открылись недавно — никто не знает почему.

Он прошёлся пальцем по доске, по чёрным отметкам.

— По предположению некоторых исследователей, там бушует магия. Неуправляемая. Искажённая. Живущая собственной волей. Она сводит с ума, ломает плоть, превращает существ в нечто... другое.

Он на секунду замолчал, давая словам осесть.

— Демоны — порождения Преисподней. Есть среди них глупые звери. А есть разумные твари, хитрые и коварные. Некоторые пытаются выбраться. И если им удаётся... — он не договорил, но всем было ясно: лучше бы не удавалось.

Сарет опёрся локтем на парту и нахмурился. Что-то в словах наставника зацепило его. Преисподняя. Демоны. Искажённая магия. Он скользнул взглядом по Рейну. Тот, как обычно, сидел чуть поодаль, ухмыляясь себе под нос, как будто слушал всё это в полшутки.

"Может, в этом и дело? — подумал Сарет. — Он ведь рассказывал, что видел странные надписи... В пещере. А если он взаимодействовал с Преисподней? Не был в ней, конечно, — но всё же... Может, именно из-за этого он и впитывает магию быстрее всех?"

Он смотрел на Рейна — на его плывущее лицо, на его лёгкую, безумную ухмылку, — и впервые почувствовал нечто, похожее на зависть. Рейну досталось что-то, чего не было у него. Что-то, что дало ему преимущество. Сарету такое не нравилось.

Наставник между тем заканчивал.

— Вам не стоит приближаться к этим воронкам и разломам. Пока что. Если судьба уготовит вам встречу с Преисподней — она сама найдёт способ. И, поверьте, вы это почувствуете.

Он резким, размашистым движением повернулся к ученикам.

— На сегодня всё. Завтра — строение тел различных существ, их сильные и слабые стороны.

Преступление и наказание.

Раз в неделю у будущих Палачей был так называемый разгрузочный день.

Никаких тренировок до изнеможения. Никаких спаррингов. Никаких криков и избиений от надзирателей. Только самостоятельные медитативные практики для лучшей концентрации и усвоения магии внутри тела. В этот день ученики, наставники и надзиратели по большей части отдыхали либо занимались другими делами. Воздух в Логове становился чуть менее спёртым. Каменные стены давили чуть слабее.

Именно в один из таких дней Дрейвену, Сарету и Рейну удалось провернуть то, о чём мечтали многие ученики.

Они раздобыли бутылку браги. Они стащили её с надзирательской каморки — той самой, где одноглазый и полный надзиратели, которых прозвали Циклопом и Боровом, хранили свои личные запасы. Они шли по коридору — довольные, перешучиваясь, и предвкушали, как будут пить запрещённый в Логове алкоголь.

Любой алкоголь, наркотик или вещь, которая не была выдана в Логове и которую не положено иметь ученикам, называлась на местном жаргоне "запрещенка". Почти все ученики хотели заполучить запрещенку. Это был как свежий глоток воздуха в душных, тёмных стенах Логова, где запрещено практически всё.

Ребята шли в укромное место — маленькую каморку, где хранился уборочный инвентарь и куда редко кто заглядывал, — чтобы втихоря на троих распить заполученную награду. Для них эта бутылка некачественного алкоголя была невероятно ценной вещью. Достать такую крайне тяжело в условиях Логова. А наказание за её распитие — суровое. Но тем слаще был запретный плод.

Но навстречу им попались девочки.

Мара и Ила вышли из бокового коридора. Мара — бойкая, острая на язык, с вечно прищуренными глазами. Ила — тихая, незаметная, её тень. Они сразу заметили, что парни какие-то слишком весёлые. Слишком довольные. И Дрейвен как-то странно держит руку за пазухой.

— Мальчики, — протянула Мара, растягивая слово, — а что вы такие весёлые?

Дрейвен мгновенно спрятал бутылку за спину. Движение вышло дёрганым, слишком быстрым.

— Да так, просто... — он запнулся. — Рейн смешной анекдот рассказал.

Он пихнул Рейна плечом.

— Расскажи, Рейн, свою шутку.

Рейн задумался. Что ещё за шутку он рассказывал? Он же вроде ничего не говорил. Он вообще последнее время молчал, размышляя о природе запретов и о том, почему людям всегда хочется именно того, что нельзя. Но тут до него дошло: это просто предлог. Дрейвен хотел отмазаться от девчонок. Нужна была шутка. Срочно.

— Ах да, вспомнил, — произнёс Рейн, с самодельной маской скрывающей лицо. — К алхимику на работу выстроилась очередь из людей. Ведь пошла молва, что он берёт любого человека на работу. Заходит мужичок к нему в кабинет. Алхимик спрашивает: "Варить зелья умеешь?" Мужик отвечает: "Нет". "Разбираешься в травах, сможешь их отличить друг от друга?" Мужик: "Нет". Алхимик: "Читать-писать умеешь?" Мужик: "Нет". Алхимик: "Ну, может, ты хотя бы мести метлой умеешь?" Мужик: "Нет". Алхимик: "Ну ладно, тогда у меня осталась только одна должность. Вон, видишь флакончик?" Мужик: "Да, вижу". Алхимик: "Выпей". Мужик выпивает, хватается за горло и умирает. Алхимик записывает: "Яд номер тридцать один. Смерть наступает через пять секунд. Следующий".

Ила рассмеялась. Прикрыла рот ладошкой, но смех вырвался — тихий, звонкий. Ей понравилось.

Но Маре было не до глупых шуток. Она видела, как Дрейвен прячет что-то за спиной. Видела, как он пихнул Рейна. Видела, как напрягся Сарет. Она поняла: они что-то раздобыли. Что-то запрещённое.

— Дрейв, может, хватит уже? — произнесла она, и её голос стал жёстче. — Ты что-то прячешь. Я вижу.

Сарет влез в разговор. Его глаза потемнели — тот самый, опасный блеск, от которого другим детям становилось не по себе.

— Допустим, это и так. Тебе-то какая нахрен разница, что он прячет? Иди куда шла.

Он смотрел на Мару в упор, и в этом взгляде не было ни страха, ни дружелюбия. Только холод. Только предупреждение.

Маре и Иле стало не по себе. Ила невольно отступила на полшага. Но Мара была не из тех, кто сдаётся. Она знала, как добиться своего. Она улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у Дрейвена всегда портилось настроение.

— Ну ладно, — протянула она. — Пойдём, Ила. Нам здесь не рады. Может, сходим к надзирательской? Чтобы уточнить кое-что у Циклопа и Борова.

Она развернулась, взяла Илу за руку и сделала шаг.

Этот намёк Дрейвен понял сразу. Она может сдать их надзирателям. Просто так. Из вредности. Или ради выгоды — надзиратели поощряли стукачество. Надо было что-то делать.

— Ладно! — выпалил он. — Мы стащили бутылку браги у них. Хотели распить на троих.

Мара остановилась. Медленно повернулась. Её глаза загорелись азартом.

Ила тоже оживилась. Они переглянулись.

— О-о-о, — протянула Мара. — А можно с вами? Пожа-а-алуйста. Мы тоже хотим попробовать.

— Почему бы и нет, в принципе, — пожал плечами Рейн. — Чем больше, тем веселее.

Сарет подошёл к Дрейвену вплотную. Его голос был тихим и недовольным.

— Пусть катятся куда подальше. Мы рисковали, когда пытались её достать. А они хотят на всё готовое прийти. Охреневшие.

Дрейвен поморщился. Сарет был прав. Он сам это понимал. Они втроём провернули опасное дело — стащили бутылку прямо из-под носа у надзирателей. А теперь являются эти две и хотят просто так получить свою долю. Это было несправедливо.

Но выбора не было.

— Мне самому это не нравится, — тихо ответил он Сарету. — Но если не возьмём их, они сдадут нас Циклопу и Борову. И тогда нам хана. — Он положил руку Сарету на плечо и сжал. — Пусть лучше нам придётся разделить бутылку на пятерых, чем боль на троих.

Он похлопал Сарета по плечу — тяжело, но ободряюще. Сарет ничего не ответил, но его глаза продолжали сверлить спины девочек. Он запомнит это.

Дрейвен повернулся обратно к Маре и Иле. Нацепил на лицо ухмылку.

— Ладно, девчонки. Пойдёмте с нами. Только уговор: никому ни слова. Вообще никому. Поняли?

— Поняли! — хором ответили девочки, и их лица осветились радостью.

Девочки обрадовались. Ила захлопала в ладоши. Мара улыбнулась — на этот раз искренне, без подвоха. И они все вместе, ускоряя шаг, помчались по коридору — туда, где в маленькой каморке среди швабр и вёдер их ждала запретная, опасная, сладкая добыча.

В каморке было тесно и темно. Пахло старой пылью, плесенью и чем-то кислым — не то уксусом, не то гниющим деревом. Единственный источник света, который ребята принесли с собой, бросал дрожащий свет на стены, заставленные вёдрами и швабрами. Пятеро сидели прямо на каменном полу, на куче старого тряпья, передавая бутылку по кругу.

Дрейвен отхлебнул первым — брага обожгла горло, но он не поморщился. Он вообще редко показывал слабость. Передал бутылку Маре.

— Я слышал, у девочек есть какие-то дополнительные занятия, — произнёс он, вытирая губы рукавом. — Чему вас там обучают?

Мара взяла бутылку, сделала глоток — и тут же сморщилась. Крепкое. Гадкое. Но она не показала, что ей плохо. Просто выдохнула и передала бутылку дальше, Иле.

— Они называются уроки выведывания и манипуляций, — ответила она. — Нам рассказывают про техники сбора информации и способы влияния на людей.

— О, прикольно, — оживился Дрейвен. — А почему у нас таких занятий нет?

Мара усмехнулась.

— Наш наставник говорит, что мы будем выступать больше в роли шпионов и скрытных убийц. Как она говорит, у девушек более невинный вид, и им проще влиять на мужчин. А вы — это просто грубая сила, у которой только одна задача: убить того, кого приказали, без всяких ухищрений. Вам ни к чему такие знания.

Дрейвен фыркнул. Его рыжие волосы, как всегда, торчали во все стороны.

— Ха! Да глупости всё это. Меня бы вы всё равно не раскололи, сколько бы ни старались.

Мара повернулась к нему. Её глаза прищурились.

— Это правда Дрейв. Ты очень умный. Это же ты придумал как достать эту запрещенку?

— Ха! Ясен хрен я. А ты думала кто? — Горделиво ответил Дрейвен.

— Слушай, Дрейв, — продолжила она задумчиво, — а как вы вообще эту бутылку достали? Это же коморка надзирателей. Туда даже старшие ученики боятся соваться.

Дрейвен усмехнулся. Его грудь едва заметно расширилась от гордости.

— Да там делов-то. Циклоп и Боров — они ж ленивые. Дверь запирают на простой засов, не на замок, когда отходят не надолго.

— Подожди, — Мара нахмурилась. — Как это — на засов? Там же вроде замок висит.

— Висит. Но они его не запирают. Ленятся, поэтому просто набрасывают его сверху для вида. Думают что никто не полезет проверять. — Дрейвен хохотнул. — А я вот проверил.

Мара присвистнула.

— Ничего себе. А ты не боишься, что они узнают? Ну, пропажу заметят?

— Не заметят. У них там этих бутылок — целый ящик. Я взял из заднего ряда. Они туда вообще не заглядывают.

Мара покачала головой, изображая восхищение.

— Ты просто безумный. А если бы попался?

— Не попался бы. Я высчитал на сколько они отходят, плюс ребята стояли на шухере. Дело было плёвое.

Мара откинулась назад и медленно кивнула. Она ничего больше не спрашивала. Зачем? Она уже знала всё: что замок не запирается, что ребята воспользовались временным окном когда надзирателей не было в коморке. Этого хватит, чтобы в следующий раз пойти туда самой. Или послать кого-то. Или — если понадобится — сдать Дрейвена и остальных надзирателям, с подробностями, от которых те взбесятся.

Ила тем временем сидела рядом с Рейном. Она отхлебнула из бутылки — осторожно, маленькими глотками, — и передала её ему. Рейн взял бутылку, приподнял самодельную маску и тоже отхлебнул. Брага была отвратительной. Горькая, мутная, пахнувшая дрожжами. Он так и не понял, в чём смысл пить эту странную невкусную жидкость. Но остальным, кажется, нравилось. Или они просто притворялись.

Ила сидела, обхватив колени руками. Она долго не решалась заговорить. Потом всё-таки набралась смелости.

— Рейн... — начала она тихо, почти шёпотом. — Прости за вопрос, но... что случилось с твоим лицом?

Она тут же смутилась. Её щёки покраснели.

— Если тебе неудобно, можешь не говорить, я пойму. Просто... мне интересно. Извини, это глупый вопрос...

Рейн усмехнулся. Его лицо — то, что от него осталось, — перетекло в новую форму. Он передал бутылку Сарету и откинулся на тряпки.

— Да могу рассказать, почему бы и нет.

Он задумался на мгновение, потирая подбородок, словно вспоминая что-то важное.

— Однажды ко мне ночью пришёл злой демон. У-у-у, — он потряс пальцами, изображая что-то ужасное.

Ила подалась вперёд. Её глаза расширились. Она слушала внимательно, затаив дыхание.

— Так вот, — продолжил Рейн, понизив голос до драматического шёпота, — этот демон достал свой острый, проклятый коготь, подошёл ко мне... — он сделал паузу, — и... ХЩЩЩ!!!

Он резко махнул пальцем перед своим лицом, изображая удар когтем. Ила вздрогнула.

— И срезал моё прекрасное лицо с моего черепа, — закончил Рейн с глубокой печалью в голосе. — Вот так, Ила. Поэтому я сделал себе эту маску. Теперь она моё новое лицо.

Ила смотрела на него в ужасе. Она верила. Она правда верила в этот бред, который Рейн нёс с невозмутимым лицом. Её глаза наполнились сочувствием и стыдом — ей казалось, что она заставила его рассказать о чём-то очень болезненном, о чём-то, о чём он не хотел говорить. А она своими глупыми вопросами вынудила его.

— Прости... — прошептала она. — Я не хотела...

Рейн пожал плечами. Ему было плевать. Он просто веселился, как обычно. Ила этого не понимала — и оттого чувствовала себя ещё хуже.

Сарет сидел чуть поодаль. Бутылка дошла до него. Он отхлебнул — жадно, много, — но даже не поморщился. Алкоголь не расслаблял его. Не веселил. Он просто заставлял кровь быстрее бежать по венам.

Он смотрел. То на Мару — на то, как она двигается, как говорит, как смотрит на Дрейвена. То на Илу — на её тонкую шею, на то, как пульсирует жилка, когда она смеётся или пугается. Его глаза блестели в полумраке — расширенные, почти чёрные.

Одна его рука была спрятана за спину. Он нервно дёргал ею, что-то нащупывая. Пальцы сжимались и разжимались.

Что-то внутри него не давало ему покоя. Может, вся эта ситуация — тесная каморка, смех, глупые разговоры ни о чём. Может, то, как Мара смотрела на Дрейвена, а Ила — на Рейна. Может, алкоголь, который не притуплял, а только обострял то, что он так долго пытался держать внутри. А может — что-то ещё. Что-то, чего он и сам не мог объяснить. Что-то, что требовало выхода.

Его пальцы сомкнулись на чём-то холодном. Он не вытащил это из-за спины. Пока нет.

Мара встала на ноги, покачнувшись — брага всё-таки дала о себе знать, — и отряхнула одежду.

— Оставьте мне пару глотков, сейчас вернусь, — бросила она через плечо и вышла из каморки.

Сарет проводил её взглядом. Его пальцы, лежавшие на колене, дрогнули. Он выждал несколько секунд — ровно столько, чтобы её шаги стихли за поворотом, — и поднялся. Никто не обратил внимания. Сарет вышел в коридор бесшумно, как тень.

Мара шла впереди. Её силуэт покачивался в свете редких масляных ламп — она ступала не спеша, уверенная, что никто за ней не идёт. Сарет следовал в десяти шагах позади. Его глаза вцепились в её спину холодной, мёртвой хваткой.

Мир вокруг него растворялся. Не было стен. Не было каменного пола под ногами. Не было ламп. Только он и Мара, что шла впереди, — её затылок, её тёмные волосы, её плечи, что двигались в такт шагам. Что-то внутри него кипело, поднималось из самой глубины, не давало покоя. Он не мог это остановить. Он и не хотел.

Мара свернула в уборную — тесную каморку с дырой в полу. Сарет вошёл следом. Дверь за ним закрылась с тихим скрипом.

Мара слышала шаги. Обернулась. Она увидела Сарета. Он стоял в дверном проёме, загорая выход. Одна рука была спрятана за спиной. Его глаза — расширенные, почти чёрные — смотрели на неё не мигая. Мара напряглась.

— Сарет? — её голос прозвучал ровно, но она инстинктивно попятилась. — Ты чего-то хотел?

Он не ответил. Просто смотрел.

Мара бросила быстрый взгляд на дверь за его спиной. Выход был рядом, но Сарет преграждал путь. Она понимала: нужно уйти отсюда. Срочно. В людное место. Обратно в коморку, к ребятам. Или хотя бы в коридор, где кто-нибудь может пройти.

— Я, кажется, забыла кое-что, — произнесла она, стараясь говорить спокойно. — Надо вернуться.

Она осторожно пошла к выходу, обходя Сарета по дуге. Он не двигался.

— Говоришь, что вас учат каким-то особенным техникам манипуляций? — произнёс он. Его голос был тихим, почти шёпотом. — Может, покажешь мне какую-нибудь?

Мара замедлила шаг. Выход был почти рядом. Ещё два шага. Она мило улыбнулась — та самая улыбка, которой она обезоруживала остальных.

— Да конечно. Пошли обратно к ребятам, и там я покажу техники всем. И не одну.

Она снова направилась к выходу и уже протянула руку к дверной ручке, как вдруг позади раздался голос Сарета — грубый, низкий, полный холодной ярости.

— Ну, раз не хочешь мне ничего показывать... давай я покажу тебе, чему учат нас.

Первый удар пришёлся в шею. Лезвие вошло глубоко, но неумело. Кровь хлынула толчками, заливая грудь Мары, её одежду, пол. Она захрипела, схватилась за горло, но крик всё же вырвался — пронзительный, отчаянный.

— А-А-А-А-А!!!

Второй удар — в грудь. Лезвие скрежетнуло по ребру, соскользнуло и вошло в мягкую плоть между костей. Мара закричала снова — теперь тише, сдавленно, булькаяще. Кровь пошла горлом, залила подбородок, потекла по шее.

Сарет наносил удары. Раз за разом. Его рука двигалась сама — он не думал, не целился, просто бил. Плечо. Бок. Живот. Снова грудь. Нож входил и выходил с влажным, чавкающим звуком. Кровь была повсюду: на стенах, на полу, на его одежде, на его лице. Горячая. липкая. Живая.

Мара уже не кричала. Она лежала на спине, раскинув руки, и её пальцы слабо подрагивали. Глаза были открыты — расширенные, остекленевшие, устремлённые в потолок. Из множества ран всё ещё текла кровь, собираясь в лужу под телом. Её коса пропиталась алым и прилипла к щеке. На губах пузырилась кровавая пена.

Сарет стоял над ней. Тяжело дышал. Его глаза были широко распахнуты, зрачки расширены до предела. Нож в руке дрожал. Он смотрел на дело своих рук, и на его лице не было ни ужаса, ни раскаяния. Только странное, почти благоговейное спокойствие.

Дверь распахнулась. В проёме стояли Дрейвен, Рейн и Ила, полупьяные, ещё не понимающие, что случилось. Они слышали крик и бежали на звук.

То, что они увидели, повергло в шок даже детей, уже видевших смерть других людей. Мара лежала на полу, распластанная, как сломанная кукла. Её лицо было залито кровью. Одежда превратилась в кровавое месиво. Вокруг неё растеклась тёмная лужа, в которой отражался дрожащий свет. И над всем этим возвышался Сарет — с ножом в руке, забрызганный кровью с головы до ног.

— Что ты, нахрен, сделал?! — выдохнул Дрейвен.

Сарет вздрогнул. Он очнулся, словно от глубокого сна. Только сейчас он заметил, что в дверях стоят люди. Его взгляд заметался по сторонам — он пытался придумать, что сказать в своё оправдание. Но слов не было.

Ила попятилась назад. Её спина упёрлась в холодную стену. По щекам потекли слёзы, и она зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Мара была её подругой. Единственной, кто с ней разговаривал, кто её защищал, кто был рядом. Теперь она лежала на полу — мёртвая, изрезанная, как тренировочный манекен.

Рейн стоял, прислонившись к дверному косяку. Его лицо под маской не выражало ни ужаса, ни гнева. Только оценивающий интерес.

— Ну вот, — произнёс он задумчиво, — вроде так хорошо сидели, и на тебе — жмур. Или ещё нет?

Дрейвен ринулся к телу Мары. Он упал на колени прямо в лужу крови, оторвал зубами лоскут от своей рубахи и попытался прижать его к шее — туда, где зияла самая глубокая рана. Но раны были повсюду. Кровь шла отовсюду — из горла, из груди, из живота. Его пальцы скользили, не могли зажать, не могли остановить. Он пытался вспомнить хоть что-то про первую помощь. Но он никогда не слушал, когда про это рассказывали. Зачем уметь оказывать первую помощь тому, кто должен убивать?

— Давай, давай... — бормотал он, прижимая тряпку. — Не умирай.

Но Мара уже не дышала. Её глаза смотрели в потолок, и в них не было ничего.

Рейн, единственный, кого не сильно впечатлило увиденное, перевёл взгляд на Сарета.

— Ну так что, Сарет? Мы дождёмся каких-то объяснений сегодня?

Сарет стоял, прижимая окровавленный нож к бедру. Его лицо дёрнулось. Он пытался собрать мысли в кучу, но они разбегались, как крысы.

— Да она меня сама спровоцировала, — выпалил он. — Своим высокомерием. Она ненавидела всех нас. Она бы сдала нас надзирателям, если бы я не остановил её.

Слова звучали жалко, даже для него самого. Сарет и сам не знал, как объяснить, что произошло. Он не планировал. Он просто почувствовал — и сделал. Но что-то сказать всё же нужно было.

Дрейвен поднял голову. Его руки, по локоть в крови, сжались в кулаки.

— Идиот! Сука! Что ты несёшь, грёбанный псих?! Блять!

Он снова склонился над Марой. Прижал вторую тряпку к ране на груди. Но кровь уже почти не текла. Нечему было течь. Всё вытекло.

Все старания Дрейвена не давали результата. Мара была мертва. Это стало очевидно всем.

Он поднялся. Медленно. Тяжело. Его руки — красные, липкие — дрожали. Он посмотрел на Сарета. В его глазах горела та самая ярость, что делала его страшнее любого. Ярость берсерка. Ярость зверя.

— Ты... — прохрипел он. — Ты убил её.

Дрейвен стоял над телом Мары. Кровь, ещё тёплая, пропитала его штаны на коленях. В ушах звенело. Перед глазами — её остекленевший взгляд. А напротив, у стены, тяжело дыша, стоял Сарет. Всё ещё сжимая нож. Всё ещё забрызганный её кровью.

И Дрейвен сорвался.

Он бросился на Сарета без предупреждения. Просто врезался всем телом, сбил с ног, и они покатались по полу, залитому кровью. Кулаки месили мокрый камень, скользили, промахивались. Дрейвен бил — раз, другой, третий, — целясь в лицо, в грудь, куда попало. Сарет рычал, вырывался и бил в ответ. Они катались по луже крови, смешивая её с пылью, и глухие удары отдавались от каменных стен.

Рейн стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел. Ила прижалась к стене, закрыв лицо руками. Рейн скрестил руки на груди и наблюдал, как двое его товарищей мутузят друг друга. Его лицо под маской выражало лёгкую скуку.

Прошло полминуты. Драка не прекращалась. Рейн вздохнул.

— Ладно, — произнёс он.

Он шагнул вперёд, схватил Дрейвена за шиворот и одним резким движением швырнул его в сторону. Дрейвен пролетел метра два и врезался спиной в стену. Сарет, воспользовавшись моментом, вскочил на ноги и бросился на Дрейвена — но тут же получил удар в грудь от Рейна. Рейн даже не замахивался, но Сарет отлетел в противоположную стену. Удар вышиб из него воздух, и он сполз на пол, хватая ртом воздух.

— Парни, — произнёс Рейн буднично, — ваша драка скучная, если честно. Давайте лучше думать над тем, что делать с трупом, а не пытаться создать ещё один.

Ила, воспользовавшись тем, что все отвлеклись, выскользнула из туалета. Никто не заметил, как она исчезла. Все смотрели на Рейна.

Дрейвен, тяжело дыша, поднялся на ноги. Его ярость постепенно угасала, уступая место разуму. Он огляделся.

— Где Ила?

Он обернулся. Её не было. Дрейвен выглянул в коридор и увидел удаляющуюся фигуру — она бежала прочь, в слезах, спотыкаясь.

Разум Дрейвена, ещё мгновение назад затуманенный яростью, стал стремительно проясняться. Ила бежит к надзирателям. Она расскажет всё. А за убийство в Логове будет жестокая кара. Причём накажут всех — не только Сарета. Всех, кто был там. Всех, кто пил запрещёнку. Всех, кто не остановил.

Нужно её остановить.

— Вы двое! — бросил он через плечо. — Заверните тело в тряпки. Я остановлю Илу.

И он выбежал. В крови, с безумными глазами, тяжело дыша. Он нёсся по коридору, и шаги гулко отдавались от каменных сводов.

— Ила! Стой!

Она была уже в конце коридора. Дрейвен догнал её, схватил за плечо. Ила вырвалась, отшатнулась.

— Не трогай меня!

— Да послушай ты, дура! — Дрейвен тяжело дышал. — Ты понимаешь, что если ты расскажешь надзирателям — накажут нас всех? Мы вместе украли запрещёнку. Мы её вместе распивали. Ты думаешь, они там будут разбираться, кто конкретно нанёс смертельные ранения? Да они нас всех расхреначат! За то, что нарушили порядок в Логове. За то, что не остановили Сарета.

Ила смотрела на него. Её глаза были красными от слёз. Она была растеряна, разбита, она не хотела никого слушать. Но Дрейвен понимал: накажут их или нет — зависит только от неё.

— Ила, — он понизил голос, — давай договоримся. Все последствия сделанные этим дебилом мы берём на себя. Мы сами всё решим. От тебя только требуется молчать. Не говорить никому о том, что произошло. Мне самому жаль Мару. Но её уже не вернуть. Это не изменить.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— А вот на то, отхреначат ли нас всех надзиратели или нет, — на это ещё можно повлиять. Пожалуйста. Просто не говори никому.

Ила вырвала свою руку. Ничего не сказала. Просто пошла прочь — в темноту коридора, опустив голову.

Дрейвен остался один. Он смотрел ей вслед и не понимал, смог ли он её убедить. Или сейчас, в эту самую минуту, она уже стучит в дверь надзирательской? Он не знал. И это незнание было хуже всего.

Нужно было возвращаться.

Он зашёл обратно в туалет. Тело Мары уже было завернуто в тряпки — старые, пыльные, которыми здесь вытирали пол. Сарет и Рейн стояли над ним.

Сарет поднял голову.

— Ну что? Ты убедил её не рассказывать?

Дрейвен злобно посмотрел на него. Взгляд был тяжёлым.

— Если бы ты, сука, не убил её, вообще бы не пришлось никого уговаривать.

Сарет отвёл глаза. Он всё ещё сжимал нож — отмытый, но всё ещё липкий.

— Я сам не понял, как это получилось, — пробормотал он. — Думаю, сейчас главное — избавиться от тела, пока нас не спалили.

Рейн переступил с ноги на ногу.

— И куда его денем?

Сарет задумался. Потом поднял глаза.

— Может, в телегу для мусора. Она отбудет из Логова утром. В мусоре всё равно никто копать не будет. Его просто выгрузят вместе с телом за пределами замка.

Дрейвен задумался. Идея была отвратительной. Но другого варианта он всё равно не мог придумать. Спрятать тело в замке было нельзя — оно начнёт разлагаться и вонять. Единственный выход — вывезти его на каком-то транспорте за пределы замка и надеяться, что работники не заметят, что вместе с мусором выкинули и тело.

— Ладно, — выдохнул он. — Идите оба вперёд, смотрите обстановку и открывайте двери.

Он наклонился, подхватил тело — тяжёлое, обмякшее, всё ещё тёплое, — и взвалил на плечо. Тряпки, в которые они завернули Мару, уже пропитались кровью насквозь.

Все трое пошли прочь из казармы. Сарет двигался первым, выглядывая из-за углов. Рейн шёл сзади, прислушиваясь. Дрейвен тащил тело, стараясь не качаться. Коридоры были пусты. В разгрузочный день надзиратели не слишком усердствовали с обходами.

Они вышли на улицу. Ночь встретила их холодным ветром и запахом гари. Телега для мусора стояла у стены — старая, деревянная, доверху набитая отходами. Дрейвен быстро, насколько мог, запихнул тело поглубже, под кухонные очистки, обрывки тряпок, золу. Толкал, засовывал, стараясь, чтобы ни край одежды, ни рука, ни нога не высывались наружу.

Когда всё было кончено, они стремительно вернулись в казарму — молча, стараясь не смотреть друг на друга. Вроде их не заметили.

Они стояли в тёмном углу коридора. Трое.

— Всё, — выдохнул Дрейвен. — Молчим. Ни слова никому вообще. Если спросят, куда она пропала, — не знаем. Мы весь вечер были втроём, занимались медитацией. Поняли?

Сарет кивнул. Рейн кивнул. Они все понимали тяжесть наказания, которое может последовать за убийство. За нарушение порядка. За сокрытие тела.

Навстречу троице по коридору шли Каэль и Торн. Они возвращались с вечерней медитации — уставшие, молчаливые. Каэль что-то негромко говорил Торну, а тот кивал в ответ. Обычный вечер. Обычный разговор.

Из-за угла выбежала Элис. Её лицо было перекошено от страха, дыхание сбито, тёмная коса растрепалась и хлестала по плечам. Она заметила парней и бросилась к ним.

— Парни! Помогите, пожалуйста! Скорее!

Дрейвен и Сарет, шедшие впереди, переглянулись. Одна и та же мысль пронзила обоих одновременно: она нашла тело. Или следы. Или уже знает. Надо валить. Сейчас же. Они ускорили шаг, делая вид, что не слышали Элис, и поспешили прочь по коридору, растворившись в темноте.

Рейн же остался. Он стоял и смотрел на Элис так как смотрит на всё, — лёгкое любопытство, смешанное с праздностью.

— Что случилось? — спросил Торн. Его голос был ровным, но в нём слышалась готовность действовать.

Элис схватила его за руку. Её пальцы дрожали — или она очень хорошо это изображала.

— Ребята, срочно нужна помощь! Старшие из соседней казармы зажали Киру и хотят над ней надругаться. Пойдёмте, поможете! Скорее! Мне одной их не остановить!

Каэль нахмурился. Что-то в её словах не складывалось. Прийти в чужую казарму, чтобы изнасиловать девочку, зная, что за это последует неминуемое и жестокое наказание? В Логове за такое карали строго. Без вариантов. Ни один ученик в здравом уме на такое бы не пошёл. Но Элис была настойчива. Она тянула их за собой, и её голос срывался от мнимого отчаяния. Каэль, Рейн и Торн пошли за ней.

Они вбежали в один из тренировочных залов — тот самый, где обычно проводили спарринги. Картина, открывшаяся им, была именно такой, как описывала Элис: старший парень из соседней казармы придавил Киру к полу. Его ладонь была зажата у неё на плече, он что-то говорил ей — тихо, но зло. Двое других стояли рядом и смотрели. Кира вырывалась, но без крика — скорее испуганно, чем отчаянно.

Каэль попытался быстро оценить обстановку. Парень не срывал с неё одежду. Не бил. Он просто держал её и что-то говорил. Двое других не смеялись, не подбадривали — они стояли с напряжёнными лицами. Что-то тут было не так.

Но Торн, в отличие от него, не стал разбираться. Он увидел ученицу, своего соклановца, прижатую к полу, — и этого было достаточно. Он сорвался с места и налетел на старшего парня, сбив его с Киры одним мощным ударом в плечо. Они покатались по полу, сцепившись в драке.

Каэль не бросился следом. Он подошёл к двум другим парням, что пришли вместе со старшим. Его голос был спокоен, но в нём звенел холод.

— Что происходит, парни?

Один из них — коренастый, с коротким ёжиком волос — ответил, не скрывая злобы.

— Не ваше дело, салаги.

Другой — повыше, с длинными руками — процедил.

— Девчонка — воровка. Она сама виновата.

Элис тут же выступила вперёд. Её голос дрожал.

— Не слушайте их! Они сказали, что изнасилуют её! Я сама слышала!

Длиннорукий аж поперхнулся.

— Да чё ты несёшь, дура?! Мы пришли забрать своё! Больше ничего!

Со всех сторон разносились крики, вопли и обвинения. Кира поднялась с пола и теперь стояла, прижавшись к стене, и её лицо было бледнее мела. Торн и старший парень катались по полу, нанося друг другу глухие удары. Коренастый что-то орал Элис. Длиннорукий пытался протиснуться к Кире. Элис кричала, что они врут.

Каэль понимал: ситуация крайне сложная. Драка уже идёт. Слова не работают. Нужно остановить это, пока не случилось непоправимое.

— Давайте остановим драку, сядем и поговорим, — произнёс он, стараясь перекрыть шум.

Но один из парней — коренастый — выставил руку, преграждая ему путь.

— Нет. Ваш парень сам налетел. Пусть теперь получает.

Каэль посмотрел на старшего парня и принял решение. Он повернулся к Рейну, который всё это время стоял позади, наблюдая за происходящим с отстранённым интересом.

— Рейн, сбегай за Боровом и Циклопом. А то ребята, видимо, по-хорошему не хотят.

Один из парней — длиннорукий — побледнел. Он понимал: если надзиратели узнают — им всем конец. Не важно, кто прав, кто виноват. Драка без разрешения запрещена.

Рейн пожал плечами и развернулся к выходу. Но длиннорукий метнулся к нему и схватил за плечо.

— Нет! Ты никуда не пойдёшь!

Рейн посмотрел на его руку. Затем, без видимого усилия, перехватил его запястье, рванул на себя и швырнул об пол. Длиннорукий рухнул на пол с глухим стуком.

Каэль, понимая, что конфликт уже неизбежен, налетел на последнего — коренастого — и завязалась потасовка. Все дрались со всеми. Кулаки, локти, захваты. Крики, ругань, звуки ударов. Полная неразбериха.

Как вдруг дверь распахнулась. В зал влетели двое надзирателей — Циклоп и Боров. Циклоп, высокий и жилистый, со своим единственным глазом, горящим яростью. Боров, упитанный, с руками, сплошь забитыми татуировками, что змеились по коже до самых плеч. Он поднял свои ручищи, и между пальцами заискрились молнии — синие, потрескивающие, пахнущие озоном.

— ПРЕКРАТИТЬ НАХРЕН!!!

Он испустил разряд. Молнии сорвались с его пальцев и поразили всех учеников сразу. Тела задёргались, заискрили, и яркие молнии раскидали дерущихся в разные стороны. Каэля впечатало спиной в стену. Рейна отбросило к двери. Торна и старшего парня разметало в противоположные углы. Кира и Элис, стоявшие в стороне, тоже попали под разряд — их тряхнуло и отшвырнуло друг от друга.

Циклоп прошёл в центр зала. Его единственный глаз горел бешенством. Он оглядел помещение — разбросанные тела, кровь на полу, тяжело дышащих учеников.

— Вы чё, паскуды, охренели?! Вам кто разрешал тут драться?! А, суки?! Чё молчите?!

Он подошёл к Торну, которого отбросило от старшего ученика, и поднял его за шею одной рукой. Пальцы сомкнулись на горле, как стальные клещи. Циклоп сам владел магией тела — его сила была чудовищна. Он поднял Торна над полом.

— Чё молчишь, тварь? Кто разрешил драться?

Торн захрипел. Его лицо покраснело, но голос остался ровным.

— Никто. Мы пытались остановить их.

Он указал на старшего парня, с которым дрался.

— Они хотели изнасиловать ученицу.

Кира и Элис в это время стояли в стороне. Кира прижимала руки к груди и дрожала. Элис обнимала её за плечи, и её лицо выражало испуг и сочувствие — идеальная картина невинной свидетельницы.

Боров тем временем подошёл к старшему парню, что лежал на полу. Тот не двигался. Боров наклонился, перевернул его на спину. Проверил пульс. Выпрямился.

— Слышь, — произнёс он, и его голос был мрачен. — А этот, походу, мёртв.

Тишина ударила по залу, как кулак. Торн, всё ещё висевший в хватке Циклопа, замер. Он не мог поверить. Как? Он дрался с ним. Бил. Но он не пытался его убить. Он даже не заметил, в какой момент парень перестал отвечать. В пылу битвы это было невозможно заметить.

Циклоп разжал пальцы, и Торн рухнул на пол, хватая ртом воздух. Надзиратель посмотрел на тело, потом на Торна, потом на всех остальных.

— Давай этого к лекарю, — бросил он Борову, кивая на тело старшего парня. — А всех остальных — к наставникам. Пусть решают, что с ними делать.

Боров кивнул. Его молнии всё ещё потрескивали на кончиках пальцев. Он обвёл взглядом зал — запомнил каждое лицо.

Всех, кто тогда был в зале, отправили к наставникам. Те собирались в главном зале — мрачные, молчаливые. Им предстояло решить, кого и как наказать за преступление.

Старший ученик погиб. И наказания за его убийство уже не получится избежать.

Каэль шёл в колонне, потирая ушибленное плечо. Его лицо было спокойным, но внутри крутились мысли. Он прокручивал события вечера — крик Элис, слова парней, драку. Что-то не складывалось.

Торн шёл молча. Его шея болела после хватки Циклопа. Он смотрел прямо перед собой. Он убил своего соклановца, хоть и не желал этого.

Рейн шёл позади всех. Его лицо под маской перетекало, менялось. Он думал о том, что вечер получился богатым на события. Сначала Мара. Теперь этот старший парень. Два трупа за одну ночь. Интересная статистика.

А Дрейвен и Сарет в это время уже лежали на своих нарах в казарме, притворяясь спящими. Они не знали, что произошло в тренировочном зале. Они думали только об одном — найдут ли тело Мары до того, как телега уедет. И что скажет Ила завтра утром.

Эта ночь ещё не закончилась. И каждый из них чувствовал: утро принесёт расплату.

Утро наступило не так, как обычно.

Ни гонга. Ни топота надзирателей в коридоре. Ни привычного крика "Подъём!". Первое, что почувствовали Дрейвен и Сарет, не успев открыть глаза, — это свободное падение на каменный пол. Их сдёрнули с нар, даже не дав проснуться, и швырнули вниз. Тела ударились о холодный камень, и на мгновение в глазах потемнело.

— ПОДЪЁМ, БЛЯТЬ!!!

Громкий, неприятный голос пророкотал над ними, разносясь эхом под сводами казармы. Циклоп и Боров стояли над ними, возвышаясь, как две башни. Единственный глаз Циклопа горел холодной яростью. Боров поигрывал пальцами, и между ними пробегали крошечные искры молний.

Дрейвен и Сарет оклемались от падения, но уже через секунду поняли: надзиратели здесь не просто так. Похоже что они узнали про тело Мары.

Циклоп наклонился ниже, и его лицо исказилось в жёсткой, презрительной усмешке.

— Чё, уроды, думали, мокруха вам с рук сойдёт? Спрятали тело в мусоре? Хана вам, козлы.

Дрейвен открыл рот, чтобы возразить, но Боров уже рванул его за шкуру вверх. Сарета подняли следом. Их повели. Через коридоры. Через двор, залитый серым утренним светом. В главный зал, где уже были наставники.

Их ждали.

Наставники, разбиравшиеся уже со вторым трупом за сутки, знали всё. Будто в подробностях. Им даже не пришлось выслушивать оправдания Дрейвена и Сарета — хотя те пытались. Дрейвен, как только понял что про их преступление всё известно, сразу начал кричать:

— Я вообще никого не убивал! Это несчастный случай! Я пытался её спасти! Я не...

Циклоп ударил его по голове рукой, как кувалдой. Дрейвен пошатнулся и замолчал, в ушах зазвенело. За слишком громкую и дерзкую речь здесь били не раздумывая.

Сарет же не мог ничего придумать. Да и что говорить? Наставники знали всё в подробностях. Отмазываться было невозможно. Он стоял, опустив голову, и лишь повторял.

— Я сам не понял, как это произошло...

Но это никак не избавляло его. Не оправдывало. Слова падали в тишину, как камни в пустой колодец.

Как они узнали? Их сдала Ила? Или кто-то из других учеников видел, как они несли тело? А может, работники нашли труп в мусоре, и расследование вышло на них? Уже было не важно. Сейчас решался вопрос не о том, виноваты они или нет, а о том, какое наказание они понесут.

Гримм поднялся со своего места. Его седые волосы были зачёсаны назад, шрам через всё лицо казался глубже обычного. Он обвёл взглядом собравшихся — наставников, надзирателей, провинившихся учеников, — и заговорил.

— Итак. Что мы имеем.

Его голос был сух и спокоен — и от этого ещё страшнее.

— Два дебила, которые украли запрещёнку и распивали её. После чего совершили убийство ученика и пытались скрыть следы своего преступления.

Он покосился на другую группу, сидевшую в стороне.

— Пятеро же других устроили драку, в которой также погиб один ученик.

Дрейвен проследил за его взглядом. В углу зала, на каменной скамье, уже сидели Торн, Рейн и Каэль. Их руки были скованы цепями. Рядом с ними — двое старших учеников, с которыми они дрались. Все молчали. Все ждали.

Гримм продолжил, и в его голосе появилась мрачная усмешка.

— А один баран вообще умудрился поучаствовать сразу в двух преступлениях.

Он посмотрел на Рейна. Рейн, услышав это, слегка поклонился, словно принимая комплимент.

Гримм отвёл глаза.

— В Логове наказание за преступление неотвратимо. И должно быть показательным — чтобы отбить охоту у остальных совершать подобное.

Он развернулся к надзирателям.

— Вывести всех учеников в общий двор.

Провинившихся сковали цепями. Дрейвена и Сарета — за убийство и сокрытие. Каэля, Торна и Рейна — за драку со смертельным исходом. Двоих старших парней — за то же. Цепи были холодными, тяжёлыми, они впивались в запястья и лязгали при каждом шаге. Преступников повели через коридоры, через внутренние ворота, в общий двор Логова.

Там уже собирались остальные ученики. Их выстроили полукругом — маги и немаги, девочки и мальчики, младшие и старшие. Всех учеников Логова.

Виновных поставили в центре. Семь человек в цепях. Двое старших заметно нервничали — они уже видели, что бывает за нарушение правил Логова, и это зрелище им не нравилось. Их пальцы дрожали, один из них беззвучно шевелил губами — то ли молился, то ли проклинал всё на свете.

Каэль нервничал тоже. Но он очень хорошо скрывал это. Его лицо было спокойным, дыхание ровным, и только желваки на скулах едва заметно играли. Он смотрел прямо перед собой и ни о чём не спрашивал. Уже поздно.

Сарет стоял спокойно. На его тёмном лице не отражалось ни страха, ни раскаяния. Он ждал наказания, которого уже не мог избежать, но не сожалел о содеянном. Он сожалел лишь о том, что труп нашли. В следующий раз нужно действовать по-другому. Или — и эта мысль грела его сильнее всего — нужно быть настолько сильным, чтобы его вообще никто не смог судить.

Торн, напротив, сожалел о содеянном искренне. Он всегда старался соблюдать правила Логова. Он родился здесь. Он знал: порядок — это то, на чём держится клан. И он же сам этот порядок нарушил. Пытался остановить тех, кто нарушал его. Ирония. Он стоял спокойно, с прямой спиной, и считал своё наказание абсолютно оправданным. Заслуженным. Он убил — он ответит.

Рейн же слегка пританцовывал на месте и насвистывал какую-то мелодию. Цепи позвякивали в такт его движениям. Он всю ночь просидел на допросах и разбирательствах, и ему было скучно. Он не до конца понимал, что происходит. Или понимал, но не воспринимал происходящее как что-то плохое. Невозможно было понять, о чём он думает. Возможно, он и сам не знал.

Дрейвен же пытался разорвать цепи, что сковывали его. Он рвался, дёргал руками, и металл впивался в запястья.

— Я никого не убивал, мужики! — кричал он, обращаясь то к надзирателям. — За что меня карают?! За сраную брагу?!

Боров шагнул к нему. Его лицо было мрачно.

— А ну заткнись!

Он поднял руку, и с его пальцев сорвался мощный разряд молний. Дрейвена пронзило током, он рухнул в грязь, дёргаясь в судорогах. Мышцы сводило, зубы выбивали дробь.

— Сука!!! — выдохнул он, когда разряд прекратился.

Боров добавил ещё. Без предупреждения. Новый разряд ударил в тело, и Дрейвен закричал.

— А-А-А-А!!!

Их наказание ещё не началось, но Дрейвену уже было несладко. Он лежал в грязи, тяжело дыша, и от его мокрой одежды поднимался пар. Цепи всё ещё звенели.

Гримм стоял на возвышении и смотрел. Он ждал, пока все соберутся. Пока каждый ученик Логова займёт своё место. Наказание должно быть показательным. И оно будет.

Ученики выстроились вокруг, осуждённых.

Гримм стоял на возвышении. Его лицо, изрезанное шрамом, было суровым и неподвижным. Он поднял руку, призывая к тишине, хотя и так никто не смел издать ни звука.

— Эти ученики нарушили правила Логова! — его голос разнёсся над двором. — И сейчас они понесут своё заслуженное наказание!

Он опустил руку.

— Начинайте!

Ребята напряглись. Дрейвен сжал зубы, ожидая, что Циклоп или Боров сейчас шагнут вперёд и начнут избивать их.

Но надзиратели не двинулись с места. Циклоп скрестил руки на груди. Боров поигрывал молниями на пальцах, но не атаковал. Они ждали. Ждали чего-то или кого-то.

Кожа и мышцы детей, занимающихся магией тела, были порядком укреплены. Чтобы их наказать, пришлось бы прикладывать большие усилия — простое избивание они выдержали бы без особого труда. Но если перестараться, можно было искалечить их, сделав инвалидами. Этого не хотели. Дети и без того умирали и калечились в большом количестве, а людей клану всегда не хватало. Поэтому в Логове использовались особые методы наказания.

Из помещения позади осуждённых вышла фигура.

Тёмное одеяние, как у всех Палачей, но исписанное странными символами — они вились по ткани. Фигура была худощавой — казалось, что это женщина или просто очень худой мужчина. Понять было невозможно: лицо скрывала ритуальная маска из настоящих костей. Пожелтевших, старых, с трещинами, заполненными чем-то тёмным.

На плече у человека сидела большая крыса. Она не пыталась сбежать. Она сидела спокойно, умывая мордочку лапками, словно доверяла человеку полностью. В руках он нёс что-то большое — деревянный ящик с металлическими уголками.

Человек в костяной маске прошёл в центр круга и поставил ящик на грубый деревянный стол, который вынесли специально для него. Затем он обернулся и коротко осмотрел осуждённых. Его взгляд скользнул по лицам — не оценивающе, а скорее равнодушно, как смотрят на инструменты перед работой.

От него веяло странным запахом — сухим, пряным, как старые травы и пыль. И его окружала странная аура, вызывающая дискомфорт и чувство опасности. Хотя внешне он не внушал угрозы — худой, невысокий, в мешковатом одеянии, — что-то внутри каждого из семерых сжалось при его приближении.

Человек открыл ящик и достал оттуда семь маленьких фигурок. Грубые куклы, сшитые из тёмной ткани, с непропорциональными конечностями и пустыми лицами без черт. Они были размером с ладонь, не больше. Он разложил их на столе в ряд, одну за другой.

Затем он подошёл к каждому из учеников по очереди. Его движения были медленными. Он останавливался перед каждым, заглядывал в глаза — и резким движением вырывал по волосу из головы. Один волос от каждого.

Каждый волос человек в маске поместил в отдельную куклу. Зашил внутрь, грубо, кривыми стежками. Затем отошёл обратно к столу и достал из ящика нож — с коротким, чёрным как смоль лезвием, которое не отражало света.

Он выставил руку вперёд. Крыса на его плече встрепенулась, пробежала по руке и уселась на ладонь — спокойно, словно дрессированная. Человек в костяной маске посмотрел на неё. Погладил. Крыса прильнула к его пальцам, закрыла глаза.

А затем он резко ударил её ножом.

Лезвие пронзило тушку насквозь, выйдя с другой стороны. Крыса пискнула — коротко, пронзительно, — и затихла. Тёмные потоки, едва видимые глазу, окутали руки человека. Они струились, как дым, как чернила в воде, обвивая пальцы, запястья, лезвие ножа. Кровь крысы потекла по рукоятке ножа и его рукам. Он окропил этой кровью все куклы, что лежали перед ним, — каждую, по очереди, методично. И начал что-то бормотать себе под нос. Непонятные слова на каком-то неизвестном языке. Гортанные, низкие, они звучали не как речь — как заклинание.

Ребята напряглись. Дрейвен сжал зубы. Каэль затаил дыхание. Сарет смотрел, не отрываясь, и в его глазах был не страх — интерес.

Но, на удивление, они ничего не чувствовали. Абсолютно ничего. Человек в маске закончил свой кровавый ритуал, и воздух вокруг него перестал дрожать. Ребята переглянулись. Может, что-то пошло не так? Может, они отделаются как обычно — тумакami от надзирателей?

Их сомнения были рассеяны в ту же секунду.

Человек в маске взял одну куклу в руку, достал из ящичка небольшой молоток и, положив куклу на стол, ударил по ней.

Старший ученик, что стоял с самого краю, рухнул на землю, пришибленный невидимой силой. Его ноги подкосились, тело с грохотом впечаталось в каменные плиты. Он закричал — громко, отчаянно, — хотя внешне никаких повреждений не получил. Ни синяка. Ни царапины. Ни капли крови. Только боль. Чистая, незамутнённая, невыносимая боль.

Ребята поняли: худшее только началось. Человек в костяной маске продолжал наносить удары по кукле. Молоток поднимался и опускался — раз, другой, третий. И каждый удар отдавался адской болью в том ученике, чей волос был в этой кукле. Магия связала их тела таким образом, что палач мог воздействовать на тело человека через куклу. Последствия были не критичными — кости не ломались, кожа не рассекалась. Но ощущения... ощущения были сильнее реальных.

Удар. Ещё удар. Парень кричал и вопил от боли, дёргаясь на земле. Его глаза были вытаращены, рот раззявлен в беззвучном крике, когда голос сорвался. Его тело, не выдержав такого, самопроизвольно опорожнилось. Запах ударил в ноздри.

Ученики, что стояли вокруг — те, кто видел смерть своими глазами, те, кто уже знал и умел сами причинять боль, — были в шоке от этого зрелища. Парень катался по земле в агонии. Он кричал, чтобы это прекратили, вопил, что больше он так не поступит, что он всё осознал, что он никогда больше не нарушит ни одного правила. Но удары продолжались. Методичные. Равнодушные. Один за другим.

Пока парень не потерял сознание от боли и не остался лежать в собственных испражнениях на земле. Его тело подёргивалось в последних судорогах, но он уже не кричал.

Гримм смотрел на это с холодным удовлетворением. Его лицо, изуродованное шрамом, не выражало ни радости, ни отвращения. Только деловую сосредоточенность.

— Следующий! — приказал он.

Человек в маске отложил молоток и взял другую куклу. Следующая пошла в оборот.

Он схватил её за шею двумя пальцами — и второй старший парень, стоявший в центре, внезапно перестал дышать. Его рот открылся, но воздух не шёл. Он схватился за горло, его

глаза расширились от ужаса. Человек в маске, не отпуская куклу, взял свой чёрный ритуальный нож и вонзил его в куклу, разрезав ей живот.

Парень завопил.

Это был не человеческий крик. Так кричит раненое животное — пронзительно, дико, на одной ноте. Он сразу упал на землю и забился в судорогах, хватаясь за живот и одновременно пытаясь глотнуть хоть глоток воздуха, которого жутко не хватало.

Человек в маске отложил нож в сторону и просунул пальцы внутрь куклы — прямо в живот, где была вырезана рана. Парень не выдержал этого. Его вырвало прямо на землю. Рвота перемешалась с грязью, и он затих, лишь слабо подёргиваясь. Каратель провёл пальцами ещё раз внутри куклы, чтобы убедиться, что парень не симулирует. Но тот уже явно помутнел раскуском и слабо реагировал на боль, периодически то приходя в себя, то теряя сознание.

Человек в маске достал следующую куклу. Ту, в которой был волос Каэля.

Каэль смотрел, как бледные пальцы тянутся к его кукле. Его сердце колотилось где-то в горле. Но лицо оставалось спокойным. Он готовился к боли. Готовился не закричать. Готовился выдержать.

Человек в костяной маске отложил куклу второго старшего парня. Тот всё ещё лежал в собственной рвоте, подёргиваясь и не понимая, где находится. Каратель вытер пальцы о тряпку и достал из ящика длинную иглу.

Человек в маске поднял куклу Каэля, повертел её в пальцах и одним резким движением вонзил иглу прямо в грудь — туда, где у человека находится сердце.

Каэль почувствовал резкую, острую боль. Такую, словно огромное лезвие пробило грудную клетку насквозь, раздвинуло рёбра, пронзило лёгкое и вышло с другой стороны. Он попытался вдохнуть — и не смог. Воздух застрял где-то в горле. Ноги подкосились, и он рухнул на каменные плиты. Боль жгла грудь. Не тупая, не ноющая — острая, пронзительная, как раскалённый штырь, вбитый в тело. Его глаза были вытаращены в ужасе. Он видел, как человек в маске медленно вытаскивает иглу из куклы — и с каждым миллиметром ему казалось, что из его собственной груди вытягивают позвоночник.

Каратель вытащил иглу. Каэль успел сделать один судорожный вдох — а затем игла вошла в живот. Он согнулся пополам, хватая ртом воздух. Ощущение было такое, будто его внутренности наматывают на раскалённый вертел. Потом — в руку. Боль прострелила от плеча до кончиков пальцев, мышцы свело судорогой, и рука безвольно повисла, хотя внешне с ней ничего не случилось. Потом — в ногу. Бедро пронзило до самой кости, и Каэль закричал.

Этот крик вырвался из него, как дикий зверь из клетки. Он больше не контролировал себя. Каждый прокол куклы отдавался невероятной, невыносимой болью, которая накатывала волнами и не утихала, когда игла выходила. Она оставалась. Копилась. Наслаивалась. Корчась на земле, впиваясь пальцами в землю, он мечтал только об одном — чтобы это закончилось. Неважно как. Пусть даже смертью. Только бы прекратилось. Только бы...

Человек в костяной маске вновь вытащил иглу. Каэль, хрипя, попытался подняться, но руки не слушались. И тогда каратель вонзил иглу в голову кукле — прямо в лоб.

Боль была такой, что перед глазами вспыхнул белый свет. Ослепительный. Всепоглощающий. Каэль не выдержал. Его тело выгнулось дугой, пальцы скребли камень, из горла вырвался последний, сдавленный хрип — и он потерял сознание. Голова безвольно упала на каменные плиты. Он лежал неподвижно, и только слабое подёргивание век говорило о том, что он ещё жив.

Толпа молчала. Даже те, кто привык к виду боли, отводили глаза.

Человек в маске отложил иглу. Следующим был Рейн.

Каратель достал из ящика банку — мутное стекло, внутри которого что-то шевелилось. Что-то влажное, склизкое, копошащееся. Затем он взял свой чёрный ритуальный нож и вспорол кукле Рейна живот — грубо, одним движением, так что из разреза торчали нитки.

Рейн чудом устоял на ногах. Его лицо под маской дрогнуло, но он удержался.

— Это было больно, — произнёс он, и в его голосе звучало скорее любопытство, чем страдание. — А можно не засовывать в мою куклу пальцы, как в куклу того парня?

Он мотнул головой в сторону старшего ученика, что лежал в своей рвоте.

— Сегодня просто так вкусно покормили. Не хочется сблёвывать такую вкусную баланду.

Человек в маске ничего не ответил. Он открыл банку. Оттуда пахло гнилью и чем-то сладким, приторным. Внутри копошились черви — жирные, белые, покрытые слизью. Они извивались, переплетались, сползали по стеклу. Каратель запустил пальцы в банку, достал горсть этих тварей и начал засовывать их прямо в разрез на кукле.

Рейн почувствовал сразу.

Словно множество огромных червей поползло по его телу — прямо внутри органов. Они двигались, извивались, прогрызали себе путь сквозь мышцы и сухожилия. Ощущение было ужасным, сводящим с ума. Не просто боль — что-то иное. Что-то более глубокое, более отвратительное. Чувство вторжения. Чувство, что твоё тело больше тебе не принадлежит.

Рейн не выдержал. Он упал на землю и забился в конвульсиях. Но вместо криков из-под его маски вырвался смех. Истерический, безумный, лающий смех. Он катался по каменным плитам, и его тело выгибалось под невозможными углами, а изо рта вырывался этот жуткий, нечеловеческий хохот. Толпа отшатнулась. Даже надзиратели переглянулись. Этот смех был страшнее любых криков.

Черви ползли всё выше. Через живот. Через грудь. Через горло. К голове. И когда они добрались до мозга — даже Рейн не выдержал. Его смех перешёл в хрип, тело забилося в судорогах, пальцы заскребли камень. Он всё ещё смеялся — или это был уже не смех, а просто спазм горла, — и звук этот резал уши, заставляя морщиться даже старых Палачей.

— Да закрой ты пасть этому клоуну! — рявкнул Циклоп, и его голос дрогнул.

Каратель взял нож и вонзил его в горло кукле. Затем повёл лезвие в сторону — медленно, прорезая ткань насквозь, — и отсёк кукле голову. Тряпичный шарик покатился по столу и упал на землю.

Рейн замер. Его тело обмякло. Смех оборвался. Он потерял сознание и наконец-то замолчал.

Тишина, наступившая после, была хуже крика.

Настала очередь Торна.

Он стоял как камень. Неподвижно. Сурово. Его лицо не выражало ни страха, ни мольбы. Он смотрел прямо перед собой, и его глаза были спокойны. Его можно было даже не сковывать цепями — он не собирался бежать от наказания.

Человек в маске взял небольшую железную ёмкость, поставил её на стол и разжёл в ней огонь. Пламя вспыхнуло — жадное, яркое, пожирающее воздух. Каратель не стал изощряться. Он просто взял куклу Торна и бросил её прямо в огонь.

Торн мгновенно почувствовал адскую боль.

Словно его тело вспыхнуло изнутри. Словно каждая клетка, каждая мышца, каждая кость загорелась одновременно. Пламя охватило его целиком. Оно текло по венам, как расплавленный металл. Оно выжигало органы. Оно пожирало его изнутри, а снаружи — ничего. Ни ожога. Ни дыма. Ни следа. Только боль.

Он стоял. Стоял так долго, сколько могло выдержать его тело и разум. Его кулаки были сжаты до побеления. Зубы стиснуты до скрежета. Мышцы на шее вздулись, на лбу выступил пот, и капли катились по лицу, как слёзы. Но он не издал ни звука.

Кукла горела. Огонь пожирал ткань, скручивал её в чёрные лохмотья, обращал в пепел. И Торн чувствовал каждую секунду этого горения. В голове была только одна мысль: "Я заслужил это. Я заслужил это. Я заслужил это". Она пульсировала в такт боли, в такт пламени, в такт ударам его собственного сердца.

Кукла догорела. Пламя лизнуло последние клочки ткани и угасло. Сознание Торна померкло. Он рухнул на каменные плиты — тяжело, как падает подрубленное дерево. Его тело ещё дёргалось в остаточных судорогах, но он уже ничего не чувствовал.

Настала очередь Дрейвена. Он стоял, расправив плечи насколько позволяли цепи. Его рыжие волосы, мокрые от пота, прилипли ко лбу. Глаза горели. Он не считал себя виноватым хоть в чём-то, заслуживающем такого наказания. Он никого не убивал. Он просто украл бутылку браги. Просто хотел расслабиться. Просто хотел побыть человеком хотя бы один вечер. И за это его сейчас будут пытаться?

Он злобно смотрел на карателя, и его взгляд был полон ярости. Что придумает этот изверг для него? Что ещё можно придумать после того, что они уже видели?

Человек в костяной маске не заставил долго ждать. Он достал очередную склянку — на этот раз с мутной, зеленоватой жидкостью, которая маслянисто переливалась в стекле. От неё поднимался едва заметный парок, и пахло чем-то кислым, химическим, разъедающим.

Каратель налил немного жидкости в неглубокую металлическую тару. Жидкость запузырилась, коснувшись металла. Затем он взял куклу Дрейвена — ту самую, с его волосом внутри, — и медленно, опустил её руку в жидкость.

Дрейвен всегда легко переносил боль. На спаррингах его били до крови — он вставал и шёл вперёд. Его било током от Борова — он орал, но держался. Он думал, что знает боль. Он ошибался.

То, что он почувствовал сейчас, было за гранью человеческого восприятия.

Рука куклы, погружившись в жидкость, начала растворяться. Ткань пошла пузырями, разползлась, обнажив грубую набивку, которая тут же стала чернеть и исчезать. И рука самого Дрейвена — его настоящая, живая рука — почувствовала то же самое. Словно её саму погрузили в кислоту. Кожа слезала лоскутами. Мышцы разъедало до кости. Нервы вспыхивали один за другим, как перегорающие фитили.

Дрейвен взревел.

— СУКА!!! ТВАРЬ!!! Я УБЬЮ ТЕБЯ!!! А-А-А-А!!!

Он рухнул на землю, дёргаясь всем телом, и его правая рука — здоровая, целая снаружи — тряслась так, словно через неё пропускали ток. Он катался по земле и грязи. Боль была везде. Она заполнила всё его существо, вытеснила всё — мысли, страх, гордость. Осталась только она.

— Грёбанные выродки! Я вам всем глотки перережу! А-а-а! Суки! Твари!

Его мат разносился по всему Логову, эхом отражаясь от каменных стен. Ученики в толпе переглядывались. Некоторые отводили глаза. Другие, наоборот, смотрели с жадным, пугающим интересом — так смотрят на казнь.

Каратель, не обращая внимания на крики, бросил куклу целиком в жидкость. Всю. И боль пронзила всё тело Дрейвена разом. Он горел — одновременно от ярости, злобы и невыносимой, всепоглощающей агонии. Его кожа, его мышцы, его внутренности — всё растворялось, плавилось, исчезало. Он кричал так, что голос сорвался на хрип, а затем снова взвился до визга. Его тело извивалось на камнях, пальцы скребли грунт.

Каратель взял молоток. Примерился. И нанёс удар по голове куклы — резкий, короткий, чтобы заткнуть крикуна.

Но Дрейвен не заткнулся. Он стал кричать ещё громче. Удар только добавил боли — словно череп треснул изнутри, и мозг залило чем-то горячим. Он завыл, захлёбываясь собственной слюной.

Удар. Ещё удар. Кукла пошла пузырями, растворяясь в зелёной жиже. Дрейвен дёрнулся в последний раз — и затих. Его тело обмякло. Глаза закатились. Сознание погасло, не выдержав перегрузки.

Кукла полностью растворилась в жидкости, оставив после себя лишь мутный осадок.

Остался только Сарет. Он стоял последним. Единственный, кто всё ещё был в сознании. Его глаза, расширенные и блестящие, смотрели на карателя с холодным, изучающим интересом. Он видел, что сделали с остальными. Он знал, что сейчас сделают с ним. Но в его сердце не было страха. Было что-то другое. Что-то, похожее на восхищение.

Каратель достал из ящика несколько длинных гвоздей с крупными шляпками. Он поднёс их к металлической ёмкости, где ещё догорал огонь после куклы Торна. Пламя лизнуло металл, и гвозди начали накаляться. Медленно. От серого — к тёмно-вишнёвому. От вишнёвого — к ярко-оранжевому. Раскалённые до предела, они светились в полумраке, как адские светляки.

Каратель положил куклу Сарета на стол. Взял молоток. Взял первый гвоздь щипцами — раскалённый добела, пышущий жаром, — и приставил его к груди куклы.

Удар. Гвоздь вошёл в ткань с отвратительным шипением. Запахло палёным.

Сарет рухнул на землю мгновенно, словно невидимая рука сбила его с ног. Он испытал боль такого уровня, о существовании которой даже не подозревал. Словно раскалённый штырь пронзил его грудь насквозь, раздвинул рёбра, прожёл лёгкое и вышел из спины. Он захрипел. Из горла вырвался сдавленный, булькающий стон.

Удар. Второй гвоздь — в живот. Сарет выгнулся дугой, его рот открылся в беззвучном крике. Голос пропал — связки не выдержали. Он только хватал воздух, как выброшенная на берег рыба.

Мысли в его голове неслись бешеным потоком.

Он думал об убийстве этого карателя. О том, как он сам будет пытать этого урода, когда станет достаточно сильным. Он представлял, как вонзит нож в его горло — не быстро, не насмерть. Медленно. Чтобы тот чувствовал. Чтобы тот понял, что такое настоящая боль. Чтобы молил о смерти.

Удар. Третий гвоздь — в плечо. Сарет забился в судорогах, его спина выгнулась так, что позвонки затрещали. Пена выступила на губах.

Удар. Четвёртый гвоздь — в бедро. Он уже не кричал. Он не мог. Только хрипел, пуская кровавые пузыри из прокушенного языка.

Каратель взял последний гвоздь — самый длинный. Раскалённый до ярко-белого свечения. Примерился. Приставил его к голове куклы — туда, где у человека лоб. И начал вбивать.

Сарет почувствовал, будто его череп и мозг пробило что-то насквозь. Раскалённый металл вошёл в голову, прожигая кость, проходя через мозговую ткань, выходя из затылка. Перед глазами вспыхнул ослепительный белый свет. Боль была такой силы, что мир перестал существовать. Не было ни Логова, ни наказания, ни карателя. Была только она — чистая, всепоглощающая, абсолютная.

Ужасающий крик разнёсся по округе. Последний крик Сарета перед тем, как его сознание погасло. Его тело обмякло, цепи звякнули. Он лежал на каменных плитах и только слабое, едва заметное дыхание говорило о том, что он ещё жив.

Человек в костяной маске закончил свою работу. Он отложил молоток. Вытер руки о тряпку. Собрал инструменты обратно в ящик — неспешно, методично, словно не он только что пытал семерых детей.

Гримм удовлетворённо смотрел на семерых ребят, лежащих без сознания на земле. Грязь, кровь, рвота, моча — всё смешалось на каменных плитах. Он обвёл взглядом толпу учеников, что стояли вокруг. Их лица были бледными. Многие отводили глаза. Кто-то дрожал.

— Запомните, — произнёс Гримм, и его голос разнёсся над двором. — Если вы не хотите оказаться на их месте, не смейте нарушать правила Логова. Свободны.

Ученики начали расходиться. Медленно. Молча. Никто не сказал ни слова. Только тихий шорох шагов по каменным плитам.

Тела тех, кого покарали, подняли надзиратели. Каждого — за руки и за ноги, как мешки с мусором. Их потащили прочь из двора. Вниз. В подземные карцеры. Холодные, тёмные, про-

питанные вековой сыростью. Их бросили туда и тяжёлые двери закрылись с глухим стуком. Двухнедельный срок. Четырнадцать дней во тьме. На хлебе и воде. С болью, которая ещё долго будет пульсировать в каждой клетке тела.

Ночь опустилась на Логово. В карцерах было темно — ни факелов, ни окон. Только холодный камень, жёсткие нары и запах сырости, что проникал в самую душу. Но ребята уже пришли в себя. Боль от наказания всё ещё пульсировала в теле — глухая, ноющая, — но сознание вернулось.

Двое старших сидели в одном карцере. Торн и Каэль — в другом. Дрейвен, Сарет и Рейн — в третьем. Толстые каменные стены разделяли их, но не настолько, чтобы не слышать друг друга.

Сарет сидел в углу, привалившись спиной к холодной стене. Его глаза, как всегда, блестели в темноте. Он смотрел в пустоту и о чём-то думал. О чём-то тёмном. О чём-то, что не давало ему покоя.

— Эй, Рейн, — позвал он негромко. — А как наставники узнали про труп Мары? Мы точно никому не рассказывали. Нас сдала Ила?

Рейн, сидевший на нарах, скрестив ноги, пожал плечами.

— Скорее всего. Но я ничего не говорил им про труп.

Он посидел ещё немного, поболтал ногами. Скучно. Темно. Холодно. Он не любил скучать.

— Эй, парни, — оживился он вдруг, — может, во что-то сыграем, пока нечего делать?

Тишина. Дрейвен лежал на нарах лицом к стене и не реагировал. Сарет продолжал смотреть в пустоту. Рейн не отчаялся.

— О! Давайте в "Данетку". Я начинаю.

Он сел, скрестив ноги, и начал.

— Великий волшебник годами пытался создать идеальное существо, которое никогда не будет грустить, испытывать боль, завидовать или страдать от одиночества. Наконец, после многих попыток, ему это удалось. Существо было создано. Но когда волшебник увидел это существо, он горько заплакал, уничтожил все свои свитки и зарёкся больше никогда не возвращаться к этой идее. Почему он так поступил?

Тишина. Никто не хотел играть. Каждый думал о своём. Дрейвен лежал лицом к стене, пытаясь уснуть. Сарет переваривал мысль о том, что их сдала Ила, и его пальцы едва заметно подрагивали. Двое старших в своём карцере молчали, погружённые в собственные страхи.

Но в соседней камере Торн, уже уставший корить себя за убийство соклановца, решил отвлечься от этих мыслей. Он поднял голову и посмотрел в сторону решётки.

— Может, он создал безмозглое чудовище?

Рейн оживился. Кто-то поддержал его игру.

— Нет.

Торн думал дальше. Он лежал на нарах, закинув руки за голову, и глядел в тёмный потолок.

— Может, существо получилось слишком идеальным, и оно превзошло волшебника во всём, и он стал ему завидовать?

— Нет.

Торн задумался глубже. Что же волшебник мог такого создать, что оно его разочаровало? Хотя он пытался создать, наоборот, что-то хорошее. Идеальное. Совершенство без изъянов. Что-то, что не будет страдать так, как они страдали сегодня утром. Что-то, что не будет...

— Кажется, я понял, что он создал, — произнёс Торн медленно. — Что-то, что не может страдать, грустить, испытывать боль, завидовать или страдать от одиночества. Это может быть только неживой предмет. Думаю, он создал что-то вроде камня.

Рейн хлопнул в ладоши.

— Да, правильно, Торн. Только какой-нибудь камень ничего не может чувствовать. А мы с вами — можем. Значит, мы ещё живы, парни.

Он помолчал, а затем продолжил — уже без игрового задора, а с той странной, философской задумчивостью, которая накатывала на него в самые неожиданные моменты.

— Только вот проблема: какой смысл вообще в жизни как таковой? В бесконечном размножении? Тогда для чего нам размножаться — чтобы что? Какова конечная цель? Или цель в том, чтобы испытывать чувства и познавать мир? Или в чём-то другом? И зачем вообще это нашему мирозданию? Зачем делить существ на живых и неживых? Каково наше предназначение и смысл? Или мы просто нелепая случайность?

Дрейвен, лежавший на нарах, начал ворочаться. Его нервы, и без того натянутые до предела после сегодняшнего, не выдержали.

— Ты, блин, философ хренов, дай поспать! Ты задрал уже своим трепом!

Рейн ничуть не обиделся.

— Ну, я не хочу спать. Мне скучно. Что мне — сидеть молча? Давай вместе с нами сыграешь.

Дрейвен резко повернулся к нему лицом. Даже в темноте было видно, как блеснули его глаза.

— Нахрен твою игру, понял? Спать ложись.

Он снова отвернулся к стене и пробормотал в камень.

— Сука, почему меня не закрыли в отдельную камеру? Хоть бы поспал нормально.

Рейн вздохнул. Но спорить не стал. Вместо этого он уставился в потолок и начал насвистывать какую-то мелодию.

Торн тем временем перевёл взгляд на Каэля. Тот лежал на нарах, уставившись в потолок. Его лицо было спокойным, но глаза — слишком сосредоточенными для человека, который просто отдыхает. Он смотрел в одну точку и не двигался.

— О чём думаешь, Каэль? — спросил Торн.

Каэль очнулся от размышлений. Помолчал. Затем ответил.

— Думаю над тем, как нас поймали.

Торн нахмурился.

— Ты о чём?

— Я про вчерашнюю ситуацию. С якобы попыткой изнасилования.

— А что не так? — Торн приподнялся на локте. — Мы не дали старшим ребятам изнасиловать Киру. Да, конечно, произошёл несчастный случай. Но мы не хотели этого. Мы сделали то, что от нас требовали правила Логова. Мы предотвратили насилие над нашими же сокамерниками.

Каэль медленно покачал головой.

— На первый взгляд — да. Но на самом деле, я думаю, всё немного сложнее. Мы стали просто фигурами на игровом поле. Мы стали инструментом в чужих руках.

Торн сел, свесив ноги с нар. Теперь он смотрел на Каэля в упор.

— Объясни.

Каэль перевёл взгляд с потолка на Торна.

Его голос звучал тихо, но в нём слышалась та особая, холодная ясность, которая появлялась у него всегда, когда он распутывал сложный узел.

— Помнишь, когда к нам подбежала Элис в коридоре и сказала, что Киру хотят изнасиловать?

Торн сидел на краю своих нар.

— Да.

— Мне ещё тогда показалось странным: зачем старшим насиловать девушку, если они лучше нас знают про наказание, которое за это последует?

Торн почесал голову. Он помнил тот момент. Элис, запыхавшаяся, с расширенными глазами. Её дрожащий голос.

— Ну, может, их желание было на тот момент сильнее, и они думали, что никто не узнает.

— Ага, ну как же, — Каэль хмыкнул. — Дальше. Следующая странность. Почему она побежала к нам, а не сразу к надзирателям?

— Мы были ближе.

— Да нет. Я думаю, мы и были изначальной целью. — Каэль повернул голову, хотя в темноте всё равно не мог видеть лица Торна. — Элис же является лидером у девочек. Так почему она не позвала их на помощь?

У Торна не было ответа на этот вопрос. Он молчал.

— Только мы нужны были ей, — закончил Каэль.

Торн медленно кивнул в темноте.

— Продолжай.

— Когда мы забежали в зал, помнишь картину, как всё выглядело?

— Ну, тот парень придавил её к полу и хотел что-то с ней сделать.

— Да, он придавил её к полу. Но он не пытался её изнасиловать. Не срывал одежду. Он что-то говорил ей. — Каэль сделал паузу. — Тебе не кажется странным, что Кира — девушка, которая на спаррингах швыряет даже парней об пол, — тут выглядела неестественно слабой? Будто нарочно. Она не кричала и толком не сопротивлялась.

Торн задумался. Он вспомнил тренировочный зал, полумрак, фигуры на полу. Кира действительно почти не двигалась. Просто лежала и смотрела на старшего с этим странным выражением лица.

— Ну, старшие парни тоже были магами. Они тоже тренировались, как и мы, только больше. Естественно, они лучше нас в бою.

— А вот я думаю, Кира сама спровоцировала его нападением. Или, может, даже ударила первой.

Торн нахмурился.

— Что за бред? Зачем это ей?

— Вот это правильный вопрос, — голос Каэля стал твёрже. — Когда ты налетел на парня, я спросил у ребят, что тут происходит. Они мне ответили, что они пришли забрать своё. Я только сейчас стал понимать масштаб картины.

Торн подался вперёд.

— Каэль, давай уже ближе к делу.

Каэль сел, свесив ноги с нар. Теперь он говорил медленно, методично, словно зачитывал приговор.

— Ну, в общем, когда старшие парни пришли в сознание, я успел задать им пару вопросов. И выяснилось, что у них в казарме, так же как и у нас, есть разделение на мужское и женское сообщество со своими негласными лидерами. Так вот, тот, кого ты случайно убил, был лидером парней. А лидером девушек у них является некая Вайс.

Торн потёр переносицу. Он не понимал, при чём здесь вообще они и Кира с Элис.

Каэль продолжил.

— Так вот, группы старших учеников иногда посылают на какие-нибудь лёгкие задания, чтобы они привыкали к работе за пределами Логова. Они, естественно, выбравшись из Логова, первым делом чем займутся?

Торн подумал.

— Попробуют раздобыть запрещёнку?

— В точку. Всё под запретом, а тут у ребят есть возможность достать то, что им очень хочется. Ну грех же этим не воспользоваться. — Каэль помолчал. — Как я понял из рассказов старших, лидер девушек Вайс была недовольна очередной делёжкой запрещёнки с тем парнем,

с которым ты сцепился. И она, естественно, решила его подставить, тем самым избавившись от лидера конкурирующей группы парней.

— Не понимаю, — Торн покачал головой. — При чём здесь Кира и Элис? Они же из совсем другой казармы. Мы почти не пересекаемся со старшими.

— А вот тут самое интересное. — Каэль поднял палец. — Как избавиться от конкурента чужими руками, да так, чтобы на тебя не было подозрений?

— Каэль, хватит наводящих вопросов. Говори как есть.

— Эх, ладно. — Каэль вздохнул. — Я думаю, было так. Вайс знала, где тайник с запрещённой этого парня. Она выкрала часть его запасов и оставила какой-нибудь след, намекающий на то, что украли девочки из нашей группы. После чего она подговорила наших девочек помочь ей разыграть сценку с якобы несчастными жертвами — Кирой и Элис, которых хотят просто так изнасиловать злые парни.

Он перевёл дыхание.

— Тем самым она подставила тех парней, наказала их и избавилась от них на время, что позволило укрепить Вайс своё влияние внутри группы. По её плану, я полагаю, мы должны были выступить в роли жертв — тех, кого или сильно избыют, или убьют, и старшие парни понесут наказание. Но всё вышло даже лучше, чем предполагала Вайс.

Торн сидел, переваривая услышанное. Затем нахмурился.

— Что-то тут не сходится, Каэль. А как она смогла подговорить Элис и Киру участвовать в её плане?

Каэль кивнул — он ждал этого вопроса.

— Это тоже легко объясняется. Ты и сам знаешь, что Элис — лидер у наших девушек. Так вот, Вайс, как лидер более старшей группы, обладает определённым авторитетом и влиянием. Как ты думаешь, она смогла бы подкупить Элис, пообещав ей часть запрещёнки, которую добудет в следующем задании? Или замолвить слово перед наставниками за Элис, чтобы взять её с собой за пределы Логова?

Он сделал паузу, чтобы слова улеглись.

— Да, я думаю, сама Элис понимает, что чем меньше неподконтрольных ей людей в казарме, тем лучше. Таким образом она убивает сразу двух зайцев. Получает доступ к запрещёнке, связи со старшими учениками и возможность ходить с ними за пределы Логова — и избавляется от нас как от нежелательных, неподконтрольных людей.

Торн был в шоке от того, что услышал. Слова Каэля звучали как невозможно хитроумное действие для детей и подростков. Но в то же время всё это звучало логично. Слишком логично. Каждый шаг был просчитан. Каждая деталь становилась на своё место, как кусок мозаики, который он раньше не мог найти.

— Ты понимаешь, что это значит? — тихо спросил он.

— Понимаю, — ответил Каэль. — Мы не просто нарушили правила. Мы не просто убили. Мы стали разменной монетой в чужой игре. Нас использовали. Как инструмент.

Торн сжал кулаки. Ему было тяжело поверить, что сёстры по оружию могли так поступить с ними. Что Элис — та самая, что стояла рядом на построении, что делила с ними еду и холод казармы, — могла вот так, хладнокровно, подставить их под удар. Но аргументы Каэля были слишком убедительны.

Торн сидел, уперев локти в колени. Его лицо было мрачным.

— Когда выберемся отсюда, нужно будет доложить об этом сговоре наставникам.

Каэль покачал головой.

— Не думаю, что это поможет. Они все будут отрицать. Да и доказать это будет крайне сложно. Всё подстроено так грамотно, что, не зная всех деталей, распутать этот коварный план не получится.

Он помолчал, глядя в темноту.

— Женщины от природы неплохие манипуляторы. А здесь, в Логове, их умения оттачивают до предела.

— И что ты предлагаешь делать?

— Для начала мы поговорим с Элис. И если всё подтвердится — тогда будем думать.

Торн поднял голову.

— Ты хочешь разобраться с ней в обход наставников?

— Если всё подтвердится — да. — Голос Каэля стал жёстче. — Потому что здесь уже будет стоять вопрос следующим образом: либо она нас, либо мы её.

Из соседней камеры раздался голос Сарета. Он, оказывается, всё это время слушал.

— Слушай, Каэль, так, может, она и Илу заставила рассказать про труп Мары? Может, она нас и там подставила?

Каэль помолчал.

— Не знаю. Но труп, как я понял, вы сами организовали.

— Это был несчастный случай, — быстро ответил Сарет.

Каэль ничего не сказал. Он не поверил Сарету. Но сейчас это было неважно. Разговор с Элис всё равно предстоял.

Две недели спустя их выпустили.

Тяжёлые двери карцера отворились, и холодный воздух подземелий сменился спёртым теплом казарм. Ребята вернулись в общую казарму — исхудавшие, бледные, с тёмными кругами под глазами. И сразу заметили перемены.

Элис, Кира и прочие девочки уже заняли лучшие места на нарах. Верхние ярусы, те, что у самых стен, откуда открывался обзор на всю казарму. Те самые места, которые раньше занимали Каэль, Торн и остальные. Теперь там лежали чужие вещи, сидели чужие люди.

Было видно, что они не слишком-то и огорчились наказанию ребят. Скорее наоборот. Возвращение парней ни у кого не вызвало ничего, кроме разочарования и косых взглядов. Ила, сидевшая в углу, при виде Сарета побледнела и отвернулась. Кира демонстративно не смотрела в их сторону. Остальные девочки перешёптывались.

Каэль переглянулся с остальными и кивнул в сторону Элис. Они подошли к ней впятером — Каэль, Торн, Дрейвен, Сарет и Рейн. Элис сидела на верхних нарах, свесив ноги, и что-то обсуждала с Кирой. Заметив их, она замолчала.

— Элис, давай отойдём, поговорим, — произнёс Каэль ровно.

Элис спрыгнула с нар. Она улыбалась — спокойно, приветливо, как будто ничего не произошло. Они отошли в дальний угол казармы, подальше от лишних ушей. Кира проводила их взглядом, но не пошла следом.

— Приятно вас видеть, ребят, — произнесла Элис, и её голос был мягким, почти ласковым.

— И нам очень приятно видеть тебя, Элис, — ответил Каэль. Его тон был таким же ровным, но в нём слышался холод. — Скажи, как там Кира? С ней всё в порядке?

— Да, конечно. Она первое время пребывала в шоке от того, что парни хотели с ней сделать. Но спасибо вам. Вы просто наши спасители. Мне очень жаль, что вас тоже наказали за то, что вы пытались нас защитить.

— Это правда, — кивнул Каэль. — Слушай, а как старшие ребята вообще проникли к нам в тренировочный зал?

Элис слегка пожала плечами.

— Думаю, они влезли в незакрытое окно. Или зашли через дверь — может, её забыли закрыть?

— Так они зашли в зал и как раз застали вас с Кирой во время медитации?

— Да, всё верно.

Каэль чуть склонил голову набок. Его глаза, тёмные и внимательные, не отпускали лицо Элис.

— Так получается, что старшие парни видели вас обеих?

Элис напряглась. Её улыбка стала чуть менее уверенной.

— Ну да.

— Тогда как же тебе удалось сбежать из зала? И при этом они не стали тебя останавливать? И сами не остановились, зная, что ты приведёшь надзирателей?

Элис нервно улыбнулась. Каэль прижал её аргументами, и его логические вопросы загнали её в угол.

— Что ты хочешь сказать, Каэль?

Каэль выдержал паузу.

— Я думаю, тебя не было в том зале. Там была только Кира. И она ждала парней. Она знала, что они придут. И вы разыграли эту сценку с якобы попыткой изнасилования. Ты стояла около двери и ждала, когда Кира спровоцирует парней, а сама в это время побежишь и позовёшь на помощь — не надзирателей, а нас. Чтобы завязалась потасовка и нас всех наказали.

Элис засмеялась — нервно, слишком высоко.

— Ты что, бредишь, Каэль? Зачем мне это?

— О, у этого действия очень много выгод для тебя. Например, лояльность некой Вайс.

По лицу Элис было видно, что она знает, о ком говорит Каэль. Её улыбка дрогнула.

— Через которую ты сможешь получать запрещёнку и другие выгоды. Ну и заодно избавишься от нас.

— Глупости всё это. Сдались вы мне. Много о себе думаете.

Дрейвен, стоявший чуть позади, не выдержал.

— Поэтому вы позанимали наши нары, да?

Элис перевела взгляд на него. Её улыбка исчезла. Теперь она смотрела холодно, оценивающе.

— На твоём месте, рыжий, я вообще бы молчала. Вы убили Мару. Вы понесли заслуженное наказание.

Дрейвен злобно посмотрел на неё и уже хотел броситься вперёд, но Торн придержал его за плечо.

— Закрой свой рот. Я никого не убивал.

— Закрывать рот — или что? — Элис приподняла бровь.

Сарет, стоявший в стороне, произнёс тихо.

— Или может произойти несчастье.

Элис повернулась к нему. Она подошла близко — почти вплотную, — и посмотрела Сарету прямо в глаза. Её лицо было спокойным, но в глубине зрачков плескался лёд.

— Лучше следи за тем, с кем ты разговариваешь. А то вновь будешь лежать на земле и визжать от боли, как маленькая девочка.

Сарет улыбнулся. Это был ужасный, хищный, предвкушающий оскал. Он уже представлял, как убивает Элис. Медленно. Очень медленно.

Торн шагнул вперёд. Его голос был тяжёлым.

— Как ты могла так поступить с нами? Ты подставила нас, своих соклановцев. Из-за тебя погиб человек.

Элис повернулась к нему, и её лицо стало жёстким.

— Не нужно меня в чём-то обвинять, Торн. Это ты убил того парня. А не я.

Она ухмыльнулась и обвела взглядом всех парней.

— Ладно, мальчики. Не обижайтесь. Давайте забудем всё и будем жить как прежде.

— Как прежде уже вряд ли получится, — произнёс Торн.

Элис пожала плечами. Её улыбка вернулась — милая, почти невинная.

— Ладно, мне надо идти. Потом ещё поболтаем.

Она развернулась и пошла прочь — спокойно, неторопливо, словно ничто в мире не могло ей угрожать.

Дрейвен смотрел ей вслед, сжимая кулаки.

— Нужно что-то делать с этой стервой. Иначе она нас со свету сживёт.

Каэль проводил Элис взглядом и медленно кивнул.

— Торн, как я уже сказал: либо мы её, либо она нас. Теперь, когда она понимает, что мы знаем — что она нас подставила, — мы для неё стали ещё более опасны. Нужно что-то делать. Иначе мы станем её жертвами.

Торн не хотел решать вопрос с соклановцами таким способом. Всё его существо противилось этому. Но он понимал: по вине этого человека уже погиб один ученик. А сколько ещё может погибнуть? В том числе они сами.

Он тяжело вздохнул.

— Ладно. Что ты предлагаешь, Каэль?

Каэль обвёл взглядом остальных. Дрейвен, всё ещё кипящий от ярости. Сарет, с его хищной улыбкой. Рейн, задумчиво потирающий подбородок под маской. Торн, мрачный и решительный.

— Что ж. Мы постараемся сделать всё грамотно...

Спустя несколько недель казарма проснулась как обычно — под грохот гонга, под крики надзирателей, под топот босых ног по холодному камню. Но в это утро на одного человека в ней стало меньше.

Элис не было.

Её нары пустовали. Одежда, аккуратно сложенная с вечера, осталась нетронутой. Никто не видел, как она уходила. Никто не слышал ни звука. Она словно растворилась в ночи — бесследно, беззвучно, как тень, что исчезает с первым лучом солнца.

Логово снова встало на уши. Надзиратели прочесали каждый коридор, каждую каморку, каждый тёмный угол. Перевернули казармы, склады, тренировочные залы. Обыскали мусорные телеги перед вывозом. Заглянули даже в старые, давно заброшенные подземелья, куда не спускались годами. Ничего. Ни тела. Ни следов борьбы. Ни капли крови.

Словно её никогда и не было.

Торна, Каэля, Рейна, Сарета и Дрейвена заподозрили первыми. Это было очевидно: у них был мотив. Все знали о конфликте с Элис и о их взаимных обвинениях. Надзиратели допрашивали их — сначала по одному, потом вместе. С пристрастием. Снова и снова. Их даже пытали. Но все усилия были тщетны.

У пятёрки было железное алиби. В ночь исчезновения Элис их видели в казарме. Они спали на своих нарах — свидетелей хватало. Их руки были чисты. Их одежда — без следов крови. Никаких улик. Никаких доказательств. Никто не мог связать их с пропажей.

В конце концов их оставили в покое. Не потому, что поверили. А потому, что не смогли найти ни единой зацепки.

Девочки и другие ученики стали ещё больше опасаться пятёрку. Когда они шли по коридору, разговоры стихали. Когда они садились за стол, соседи отодвигались. На них смотрели с подозрением, со страхом, с тихим, липким ужасом. Все знали: Элис исчезла. И все догадывались, чьих это рук дело. Но прямых доказательств не было.

Элис так и не нашли. Она пропала — и уже никто никогда не узнает, что же произошло с ней на самом деле. Эта тайна осталась погребённой за стенами Логова. Может быть, её тело замуровали где-то в стене. Может быть, порубили на куски и куда-то дели. Может быть, растворили в кислоте, как куклу Дрейвена. А может, она просто ушла — сбежала, подкупила стражу, исчезла в ночи. Никто не знал. И уже не узнает.

Иногда по ночам, когда кто-то из пятёрки просыпался он смотрел в темноту. И думал о том, что справедливость в Логове вершится не наставниками. И никогда не вершилась.

Тайна исчезновения Элис осталась нераскрытой. Но ответ на неё знали пятеро. И они унесут его с собой — каждый в свою могилу.

Десять лет спустя.

Утро в монастыре Палачей начиналось с тумана. Он поднимался с горных склонов и стелился по внутреннему двору, точно клубы пара из пасти спящего зверя. Каменные стены почернели от времени, и лишь звон стали, доносившийся с тренировочной площадки, разрушал гробовую тишину этого места.

Тренировочный зал наполнялся гулким эхом шагов, дыхания и ударов. Гул металла о металл, скольжение ног по шершавому полу. Запах пота и магии — терпкий, чужеродный, но уже привычный для каждого из выживших. Здесь не было места сочувствию — только расчёт, выдержка и постоянное напряжение. Уже взрослые. Почти мужчины. Почти палачи.

Торн стоял на тренировочной площадке, разминая плечи. За десять лет его тело стало подобием огромной, живой скалы — не только из-за природной силы, но и благодаря упорству, с которым он подходил к каждому занятию. Он никогда не размахивал руками зря, не тратил сил на бессмысленные рывки — каждый его шаг, каждый удар был выверен и точен, словно заранее просчитан.

Трое подростков стояли напротив. Не из магов — те, кто не прошёл испытание с кристаллами, те в ком не было магического дара. Их готовили иначе: стражи, разведчики, шпионы. Выносливые, ловкие, упорные. В любой другой ситуации они были бы опасны. Но не здесь. Не против него.

Старший тренер — сухой, жилистый, с вечно недовольным лицом — бросил коротко.
— Начинайте.

Первый кинулся сразу. Выпад был хорош — резкий, с хорошо поставленной техникой. Клинок пошёл в голову. Торн почти не сдвинулся с места. Лёгкий уклон, едва заметный поворот бедра — и его кулак, тяжёлый, как кузнечный молот, врезался противнику в грудь. Хрустнуло. Воздух вылетел из лёгких парня со свистом, он согнулся пополам и рухнул на колени, хватая ртом пустоту.

Второй бросился следом — и это было ошибкой. Он не стал ждать, не стал оценивать. Его клинок скользнул по предплечью Торна, но даже не рассёк кожу — магия тела сделала её плотной, как поверхность железного доспеха. Торн шагнул вперёд и ударил плечом в челюсть — коротко, без замаха. Парень отлетел к стене, выронив оружие, и сполз на пол. Не встал.

Третий не бросился. Он пятился, удерживая дистанцию, и в его глазах плескался открытый страх. Он знал, что бесполезно. Знал, что проиграет. И всё равно не атаковал.

— Сражайся! — рявкнул тренер. — Или я сам тебя отхреначу!

Парень закричал — то ли от страха, то ли от отчаяния, — и рванулся вперёд. Торн поймал его руку, заломил за спину и уронил на пол. Не сломал. Просто прижал к камню с такой силой, что тот закричал. А потом затих.

Торн отпустил. Выпрямился. Дышал он ровно — не от усталости, а от сдержанности. Внутри него бурлила сила. Не дикая — управляемая. Он мог бы убить всех троих. Мог бы переломать кости, разорвать сухожилия, впечатать в камень так, что не собрали бы. Но правила Логова врезались в него глубже, чем любая магия: убивать без приказа нельзя.

Наставник долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Неплохо.

Торн не ответил. Только взглянул на упавших. Не с жалостью. Не с презрением. С пониманием. Так смотрят на неизбежность.

День клонился к вечеру. Тёплый, тусклый свет масляных ламп заливал тренировочные залы, и по стенам метались длинные тени. В воздухе стоял всё тот же запах — пота, пыли, старого дерева и металла. Запах дома.

Торн сидел в стороне от арены, опершись спиной о деревянную колонну. Дыхание давно выровнялось, но мышцы ещё помнили утренний спарринг — приятная, глубокая усталость. Он смотрел, как другие ученики вяло отрабатывают связки. Некоторые двигались через силу, едва скрывая изнеможение. Некоторые дрались так, будто от исхода боя зависела их жизнь.

Торн запоминал. Каждое слабое колено. Каждый неровный шаг. Каждый взгляд — испуганный, злой, пустой. Это была старая привычка, въевшаяся в кровь. Он всегда оценивал. Кто сильнее, кто слабее. Кто прячет страх за уверенностью. Кто станет союзником, а кто будет путаться под ногами.

Внутри клана всегда кипела конкуренция — тихая, скрытая, но оттого не менее жестокая. Торн принял это как закон. Он родился здесь. Он был частью этого мира. И он знал, как в нём выжить.

Позади него, в тени колоннады, стояли двое наставников. Они не шумели. Просто смотрели. Один — тот самый, со шрамом через всё лицо, Гримм. Второй — лысый маг в чёрном балахоне, что когда-то вёл их первый урок магии тела.

— Что думаешь про него? — спросил Гримм.

Лысый наставник помолчал, глядя на Торна.

— Хороший боец. Сильный. Стойкий. Ответственный. И самое главное — преданный клану. Такому можно доверить командовать отрядом. Он не сбунтуется, — добавил маг задумчиво. — Он — один из нас. В его крови нет памяти другого мира. Нет сомнений.

Гримм кивнул.

— Что ж. Дадим ему отряд. Посмотрим, как он проявит себя, когда начнётся их посвящение.

Наставники всё чаще упоминали его имя в разговорах. Не открыто, не на построениях. Но с оттенком ожидания. Возможно, когда придёт время, именно он встанет впереди других.

Торн открыл глаза. Поднялся. Кто-то позвал его на спарринг. Он кивнул и шагнул в круг. Снова сосредоточенность. Снова сила. Снова выверенный, точный удар. Он не был самым быстрым. Но каждый его выпад достигал цели. Простой. Тяжёлый. Безжалостный. Как молот. Как сама судьба.

Под сводами тренировочной залы воздух был густой, как мёд, — от жара тел, расплавленной магии и старых чар, впитавшихся в камень. Свет струился сквозь узкие бойницы, ложась полосами на круг арены. Там стояли трое: Рейн, Сарет и Дрейвен — все уже подростки, почти юноши, с телами, выточенными годами тренировок и переплавленными магией.

Сарет первым сделал шаг внутрь круга — вольный, неторопливый, будто всё происходящее уже проиграно им заранее в голове. Его тёмные глаза не мигая обвели соперников и остановились на Дрейвене. Он чуть склонил голову, и на его лице мелькнула тень улыбки — той самой, от которой даже спустя десять лет окружающим становилось не по себе.

Рейн стоял напротив. Его лицо скрывала маска — самодельная, из тёмного дерева, с узкими прорезями для глаз и изогнутой нижней частью, что напоминала насмешливую ухмылку. Под ней по-прежнему скрывалась искажённая плоть, которую он давно перестал кому-либо показывать. Маска стала частью его самого — символом, отражающим его натуру: холодную, насмешливую, непредсказуемую.

Дрейвен молча занял третью сторону круга. Он не разогревался, не прыгал на месте — стоял как камень, но внутри уже кипела сила. Его мускулы, туго натянутые под кожей, напоминали плети. На лбу блестели капли пота, что испарялись, едва выступив, — от его тела исходил жар, как от печи, готовой взорваться.

— Готовы? — бросил Рейн сквозь маску, и голос его эхом прошёлся по стенам.

Ответа не потребовалось.

Сарет двинулся первым. Его шаг был быстрым, почти смазанным — в один миг он стоял на месте, в другой уже оказался возле Дрейвена. Прямой удар в солнечное сплетение, резкий, хлесткий, почти неуловимый. Рука мелькнула — и тут же локоть пошёл в висок.

Но Дрейвен даже не пошатнулся. Он будто пропустил удар сквозь себя, а затем всем телом толкнул вперёд, отбрасывая Сарета назад. Пыль взметнулась. Каменные плиты под ногами треснули от удара его пятки — движения Дрейвена были резкие, массивные, пропитанные магией тела, утяжелённые до абсурда. Он не уворачивался — он шёл вперёд, как таран.

— Ты стал сильнее, — усмехнулся Сарет, поднимаясь с пола.

— А ты всё такой же мягкий, — прорычал Дрейвен, и его голос был низким, как гул земли перед обвалом.

Рейн не вмешивался. Он стоял в тени круга, голова чуть наклонена, наблюдая, как двое сражаются. Когда Сарет снова рванулся вперёд, уходя в рывок, — Рейн сдвинулся. Тень дрогнула.

Пинок в колено Сарету — сбоку, откуда никто не ждал. Локоть под рёбра Дрейвену — коротко, сухо, почти беззвучно. Как скольжение ножа. Рейн двигался так быстро, что даже эти двое, с их реакцией обострённой магией тела, не всегда успевали заметить его перемещение.

— Падла, — процедил Дрейвен, поворачиваясь. — Иди сюда и сражайся как нормальный человек.

Голос раздался из-за спины — почти шёпот, почти в самое ухо.

— А кто сказал, что я человек?

Дрейвен среагировал мгновенно — удар локтем назад, мощный, прямой, способный проломить каменную кладку. Но воздух лишь дрогнул. Рейна уже не было.

— Ух, как грубо. А я всего-то хотел обнять, — донёсся насмешливый голос из другого конца зала.

Он стоял на краю круга, покачиваясь на пятках, руки за спиной. Лёгкий, почти беззаботный. Как будто не участвовал в бою, а смотрел спектакль.

Сарет усмехнулся. Не обидно, не зло — в его глазах загорелся огонёк азарта. Он рванул вперёд, но в последний момент ушёл вбок, скользнув по плитам. Его движение напоминало воду — размытое, гибкое, неудобное для восприятия. Он ударил Рейна снизу — из тени, словно укус змеи, короткий, быстрый.

Рейн отпрыгнул, но не полностью. Ладонь Сарета вспыхнула горстью пыли, и он швырнул её прямо в прорези маски.

— Ты серьёзно? Песочек? — кашлянул Рейн, уворачиваясь и протирая глазницы. — Что дальше? Камнями в меня кидаться начнёшь?

Пока он говорил, Сарет исчез. Зашёл сбоку, метнулся за спину, пытаясь схватить за шею. Только Рейн не был таким уж лёгким.

Он не стал уворачиваться. Он провалился вниз, скользнул под рукой Сарета, и в следующую секунду уже оказался у него под ногами, вытягивая опору.

— Опа, скользко тут. Кто-то забыл убрать амбиции с пола.

Сарет рухнул, но пружинисто оттолкнулся и в воздухе, перекрутившись, приземлился на руки, а затем снова на ноги. В его глазах промелькнуло лёгкое раздражение.

— Когда-нибудь, Рейн, ты схлопочешь прямо по своей дурацкой маске.

— О, прошу, только не по маске. Я её сам вырезал. Искусство, между прочим.

Он поклонился — шутовской, издевательский поклон, — и круг снова пришёл в движение.

Бум! Оба обернулись. Дрейвен врезался кулаком в каменный пол, и плита под его костяшками раскололась — осколки брызнули в стороны, пыль взметнулась столбом. Глаза его горели. Но не гневом. Он просто хотел, чтобы на него наконец обратили внимание.

— Закончили болтать? — прорычал он, и голос его прокатился по залу низким гулом. — Сражайтесь. Или идите нахрен отсюда, балаболы.

— Неплохая идея, кстати, — отозвался Рейн, даже не запыхавшись. — Но одно другому не мешает.

Сарет не стал ждать. Он рванул к Дрейвену, используя всё, что попадалось на пути, — колонны, стены, даже трещины в полу, — как укрытие. Он не нападал в лоб: бил из слепых зон, резко, точно, будто яд входил в тело. Удар в живот — исчез. Удар в плечо — снова исчез. Его движения были дёргаными, рваными, и уследить за ним мог далеко не каждый.

Но Дрейвен держался. Удары приходились — в бок, в рёбра, по почкам, — но он не падал, не отступал, даже не шатался. Только молчал, стиснув зубы, и шёл вперёд. Его тело, усиленное магией, принимало удары, как скала принимает дождь.

Один раз он всё же вцепился в руку Сарета — пальцы сомкнулись на запястье, как капкан. Но Сарет вырвался, понимая: малейшее промедление — и Дрейвен вышвырнул бы его с арены одним движением. Он отскочил, растворился в тенях, и только частое дыхание выдавало его присутствие.

Рейн же прыгал вокруг, словно не был частью боя, а наблюдал за происходящим откуда-то сверху. Его маска — с этой вечной, насмешливой ухмылкой — поворачивалась то к одному, то к другому. Он то возникал за спиной Дрейвена, то проносился мимо Сарета, и каждый раз с его губ слетала очередная колкость.

Они кружили друг друга уже несколько минут, как хищники, оценивающие добычу. Или других хищников. Воздух в зале был насыщен потом, жаром тел и искрами магии, что пробежали под кожей бойцов.

— Ты бы идеально подошёл для охраны сортира, — лениво бросил Рейн, отбивая удар Дрейвена локтем. — Грозный, тупой и всегда на своём месте.

— Я тебя на этом месте закопаю, — прорычал Дрейвен и пошёл в лобовую — прямо, грубо, с полной самоотдачей. Он знал, что Рейн провоцирует. Знал, что это ловушка. Но ему было плевать.

Сарет появился словно из тени — удар сзади, в рёбра. Рейн едва успел уклониться и, хохоча, сделал кувырок назад, мгновенно поднявшись на ноги.

— Ай-ай-ай, меня змея укусила, — усмехнулся он. — Или это ты, Сарет? Я уж не различаю, где тени, отбрасываемые предметами, а где ты.

Сарет ничего не ответил. Его удары были точными, стремительными — как жалящие укусы, приходящие из ниоткуда. Он перемещался тихо, стремясь обойти, зайти за спину, ослепить, запутать. Его глаза, не мигая, следили за каждым движением Рейна.

Дрейвен тем временем медленно, но верно сокращал дистанцию. Он не был быстрым, но держался — выносливый, устойчивый, с тяжёлой поступью. Его кулаки были как каменные гири, и даже одно попадание могло выбить Рейна из боя. Но Рейн продолжал играть — дразня, ускользая, кося словами и движениями, словно напрашиваясь на удар, чтобы потом снова исчезнуть.

Тренировочный круг уже был изрядно истоптан. Пыль висела в воздухе, как лёгкий туман, сквозь который едва виднелись силуэты бойцов. Рейн скользил, крутился, петлял между соперниками, словно его тело было сделано не из плоти, а из дыма. Его маска, с этой застывшей злобной ухмылкой, будто дразнила противников — и тех это злило.

— Ну давайте, — насмешливо бросил он, делая очередной кувырок и прячась за учебным столбом. — Налетайте вместе. Хотя бы шанс будет меня поцарапать.

Он вынырнул из-за укрытия и подпрыгнул, швыряя в сторону Сарета горсть мелких камешков. Те рассыпались веером, не причинив вреда, но сам жест был унижительным.

— Сарет, ну ты же вроде умный. Представь: я — надоедливая муха, Дрейвен — яростный булыжник, ты — злобный слизняк. У вас отличная команда. Но чего вы ждёте? Чтобы я сам полез под ваши удары?

Дрейвен сжал кулаки. Каждая мышца на его теле ходила ходуном, но дыхание оставалось ровным. Сарет молча скользнул ближе, едва шевелясь, как призрак. Они обменялись коротким взглядом — и этого хватило.

В следующий миг оба рванули к Рейну одновременно.

— Вот это я понимаю! — засмеялся тот, резко уходя в сторону. — Вперёд, мои зверюги, станцуем напоследок!

Первым налетел Дрейвен. Его удар был предельно прямолинеен — и потому Рейн вовремя ушёл вниз, скользя прямо под предплечьем. Но в то же мгновение из тени метнулся Сарет. Его руки двигались, как клыки змеи, — быстрые, точные.

Рейн едва успевал ускользать. Пятился, падал, крутился, не давая себя зажать. Один удар всё же прошёл вскользь по боку — острый, обжигающий, — но ничего серьёзного. Он сделал подсечку, ушёл в пережат и снова оказался на ногах.

Сбоку послышался громкий, ленивый хлопок.

— Хватит.

Лысый наставник шагнул вперёд из тени. Его голос, как всегда, звучал без эмоций, но в нём чувствовался хребет стали — такой, что не гнётся.

— Вы показали, что умеете. Не переусердствуйте. Мы не растим болванов, которые калечат друг друга без приказа.

Дрейвен не остановился сразу — довёл ещё один удар до конца, разметав пыль, — и только после этого отступил. Его грудь тяжело вздымалась.

Сарет выпрямился, глядя на Рейна тяжёлым, немигающим взглядом.

— Он издевается, но не дерётся. Не сражается по-настоящему. Слишком скользкий.

Рейн остановился, отряхнулся от пыли, поправил маску.

— Называется "эффективная трата вашей ярости", — фыркнул он. — А если серьёзно — вы классные. Реально. Я бы вас нанял, будь я каким-нибудь лордом. Только не для охраны. Для устрашения. Заходите такие в таверну — и все уже под столом.

Ни Сарет, ни Дрейвен не ответили. Просто молча разошлись в разные стороны. Пыль понемногу оседала. Тренировка подошла к концу.

Рейн остался стоять один посреди круга. Он поправил маску — привычным, почти машинным жестом — и усмехнулся.

— Интересно, кто бы победил, если бы нас не остановили, — пробормотал он себе под нос.

Он покачал головой и медленно пошёл прочь, уже строя в голове план для следующей тренировки. Или новой выходки. Или и того, и другого сразу.

Дождь не унимался. Потоки воды стекали по каменным стенам замка — сплошные, серые, бесконечные, — словно пытались стереть с камня следы прожитых лет. Но камень помнил всё. Камень не забывал.

Каэль стоял в тренировочном дворе один. Как и всегда. Дождь барабанил по его плечам, по натянутому капюшону, по деревянному настилу под ногами, но он не замечал его. Его движения были точны, спокойны, почти медитативны — будто он не стрелял, а выводил тонкие каллиграфические строки на пустом холсте мира. Стрела за стрелой уходили в цель, и каждая ложилась точно в яблочко, туда, где уже торчали три предыдущие. Ни одного промаха. Ни одного лишнего движения.

Он любил тишину. Любил, когда ничто не мешает — ни шум, ни слова, ни чужие шаги за спиной. Только ветер, дождь и натянутая тетива.

Шарф закрывал нижнюю часть его лица, прятал скулы, подбородок, линию рта. Лишь глаза оставались открытыми — холодные, внимательные, как лезвие клинка, что блестит в сумраке. Он выдохнул, прицелился — и вдруг услышал голоса. Чёткие, звонкие, непривычные для этого места.

— Я же говорила, эту настойку нельзя трясти! Она станет горькой и бесполезной!

Девушка спешила через двор под дождём, придерживая у груди плетёную корзину, полную флаконов, повязок и пучков сушёных трав. Тёмный плащ с выцветшим капюшоном хлопал по ветру, волосы выбились наружу — светлые, почти пшеничные, мокрые и тяжёлые от дождя. Она была года на два старше него, и в её походке чувствовалась уверенность человека, который знает, куда идёт. За ней семенил младший помощник — парнишка лет десяти, растерянный, с корзиной поменьше.

Каэль отвёл взгляд от мишени и наблюдал исподтишка.

Она прошла мимо, даже не замедлив шага. Только мельком взглянула на него — спокойно, без тени страха, будто знала, кто он такой. Её глаза задержались на нём на мгновение: ясные, зелёные, внимательные. И в этот короткий миг он уловил нечто странное. Не страх, не почтение — интерес. Она не смотрела на него как на оружие. Она смотрела на него как на человека.

Каэль чуть приподнял бровь. Странное тепло прокатилось по затылку, и он резко отвернулся, снова натянув тетиву. Но рука дрогнула — на одну, едва заметную долю секунды.

Стрела ушла в сторону и с глухим стуком вонзилась в деревянный столб в паре пальцев от мишени.

Он опустил лук. Посмотрел на дрожащее древко.

— Что это было?.. — прошептал он, ни к кому не обращаясь.

Не дождь. Не усталость. Не ветер.

Тренировка закончилась. Плечи налились привычной тяжестью, но он чувствовал не усталость — скорее странную, непривычную сосредоточенность на чём-то постороннем. Мысли ещё витали вокруг последних выстрелов: траектория, дыхание, угол наклона. Но где-то на краю сознания застряло что-то ещё.

Он шёл через внутренний двор, когда снова увидел её. За старым деревянным столом, придвинутым к стене под навесом, сидела та самая девушка. Она перебирала травы, раскладывая их по холщовым мешочкам, и что-то тихо бормотала себе под нос — не песню, не молитву, а какой-то рабочий речитатив, понятный только ей одной. Светлые волосы были собраны в небрежный узел на затылке, и несколько прядей выбились, прилипнув к влажному лбу.

Каэль остановился. Сам не зная зачем.

Она подняла голову. Зелёные глаза встретились с его глазами — ясные, спокойные, без тени испуга.

— Ты долго будешь стоять? — спросила она с лёгкой усмешкой. — Или всё же подойдёшь?

Он подошёл. Медленно. Остановился напротив, по другую сторону стола.

— Что ты делаешь?

— Разбираю травы. — Она кивнула на груды зелени перед собой. — Эти сушу, те пойдут в отвар, а из этих сделаю мазь. Целительская работа.

Она вытерла руки о передник и подняла на него глаза уже без усмешки — просто, открыто.

— Меня Лианна зовут.

— Каэль, — ответил он и, поколебавшись мгновение, сел напротив. Сам не понимая, зачем. — Ты из деревни?

— Я родилась здесь. Не в Логове, конечно, но недалеко. Когда мать умерла, меня забрали в монастырь. А потом уже сюда. — Она пожала плечами. — Целители нужны везде. Даже вам.

Он молча кивнул, оценивая её слова.

— Ты стрелок, да? — она кивнула на его наручи, тёмные от пота.

— Да.

— И тебе не страшно?

— Чего?

— Жить так. Стрелять. Убивать.

Он посмотрел на неё так, словно она задала странный вопрос. Потому что вопрос и правда был странным. Его никто никогда не спрашивал о таком.

— Это же наша работа. Ты лечишь — я убиваю.

— Ну, звучит так, будто ты при этом не чувствуешь ничего.

Каэль помолчал. Потом ответил — медленно, тщательно подбирая слова.

— Я чувствую. Просто стараюсь воспринимать это как порой неприятную, но необходимую работу.

Лианна прищурилась. Её пальцы, перебиравшие травы, на мгновение замерли.

— Ты говоришь, как старик.

— А выгляжу?

Она усмехнулась — открыто, без тени насмешки.

— Как тот, кто тренируется слишком много и спит слишком мало.

Потом наклонилась к корзине и достала небольшой свёрток — грубую ткань, перевязанную бечёвкой.

— На, вот. Это для мышц. Снимет боль, если всё болит. — Она протянула ему свёрток.

— Но не думай, что я раздаю снадобья всем, кто мимо проходит.

Каэль взял. Их пальцы на мгновение соприкоснулись — тёплое, короткое касание, почти искра.

— А я особенный? — спросил он.

— Ты единственный, кто не уставился мне на грудь при первой встрече. — Она хмыкнула. — Это уже достижение.

Каэль не ответил, только сжал свёрток в ладони.

— Спасибо.

— Приходи ещё. У меня много трав. Может, и ты найдёшь что-то своё.

— Я не разбираюсь в травах.

— Тогда будешь разбираться во мне, — сказала она легко, без заигрывания, просто — как будто это само собой разумелось.

Каэль посмотрел на неё чуть дольше обычного. А потом, не говоря больше ни слова, встал и ушёл. Но его шаги, всегда такие ровные, выверенные, теперь звучали чуть иначе.

Дождь продолжал стучать по камням. Лианна проводила его взглядом и снова склонилась над травами. Её губы тронула едва заметная улыбка — тёплая, как та искра, что проскочила между пальцами.

Каэль шёл через двор, сжимая в руке свёрток с мазью, и не мог вспомнить, когда в последний раз кто-то смотрел на него так. Не как на оружие. Не как на убийцу. А просто — как на человека.

Посвящение.

В подземельях Логова царила тишина — такая густая, что, казалось, она давила на уши. Старые каменные стены были покрыты копотью и плесенью. Воздух стоял холодный, пах горелыми травами и железом, а тусклый свет масляных ламп отбрасывал на пол дрожащие, неверные тени.

Пятеро стояли молча. Без слов, без лишних взглядов — как учили все эти годы.

Каэль — высокий, темноволосый, коротко стриженный, словно вытесанный из ночи. Шарф плотно обвивал нижнюю часть его лица, скрывая черты, оставляя на виду лишь глаза — тяжёлые, задумчивые, будто несшие на себе груз невысказанных мыслей. Он стоял неподвижно, как тень, забытая светом.

Рядом — Дрейвен. Рыжеволосый, жилистый, будто сплетённый из корней и молний. Его борода казалась опалённой огнём, а лицо пересекала боевая раскраска — кровавые полосы и чёрные штрихи, делавшие его похожим на дикого зверя, что лишь на время прикинулся человеком.

Сарет — темнокожий, гладко выбритый, с кожей, отливающей матовым блеском, будто отполированной самой тьмой. Его безумный взгляд сверкал из-под капюшона, а тканевая маска, плотно прилегающая к лицу, делала его скорее призраком, чем живым существом. Он почти не моргал.

Рейн — с небольшой косой на голове, обнажённый по пояс, демонстрируя шрамы, словно сама война оставила на нём свои автографы. Маска на его лице была всё той же — деревянной, с прорезями для глаз и изогнутой нижней частью, что напоминала насмешливую ухмылку. Казалось, он улыбался даже сейчас. Возможно, так и было.

Торн — крупный, накачанный, его тело — груда мышц, выкованных в горне бесконечных тренировок. Железная маска, закрывающая нижнюю часть лица, придавала ему вид древнего воина из мифов. Капюшон довершал образ — казалось, этот человек не ходил, а двигался, как живые доспехи.

Их лица, освещённые сполохами пламени, были спокойны. Почти равнодушны. Кто-то из них был спокоен по природе, кто-то — нет. Но под масками этого не было видно. Все понимали, куда пришли. Все понимали, зачем.

Перед ними возвышались тяжёлые двери — массивные, окованные почерневшим металлом. Из-за них доносилось тихое, едва уловимое шипение — не то пламени, не то голосов, не то самого воздуха, что сочился сквозь щели. За этими дверями заседал Совет Мастеров. Те, кто не имел имён в устах учеников. Их никто не видел вне этих стен, никто не знал, как они выглядят без капюшонов, и, возможно, уже никто не знал, сколько им лет.

Двери открылись бесшумно.

Внутри царил полумрак. Алые лампы в нишах под потолком давали слабое багровое свечение — будто кровь сочилась сквозь камень. По кругу, в глубокой тени, сидели силуэты. Они не двигались. Только один — в центре, напротив входа, — чуть наклонил голову.

— Вы закончили своё обучение.

Голос был низким, как гул в пещере. Он не звучал громко, но проникал в самую глубь, отдавался в костях.

— И теперь настало время показать, чему вы смогли научиться. Доказать, что вы не простые головорезы, а Палачи.

Никто из пятёрки не ответил. Это был не диалог.

— Сегодня вы получите задание, равное посвящению. Его успех — допуск в элиту. Его провал — не допустим.

Голос обволакивал, словно яд в тёплом вине. Медленный. Тягучий. Смертельный.

— Объект: Вальтес Ренкард. Один из уважаемых лордов Империи. Богат. Влиятелен. Приближён к верхушке. Обитает в своём поместье.

Один из силуэтов подал вперёд свиток. Кожаный, с тёмной печатью. Его положили на каменный постамент перед входом.

— Задача: устранение. Тихо. Чисто. Без огласки и свидетелей. Но...

Голос стал тише, и пятёрка неосознанно подалась вперёд.

— ...в доме цели может находиться нечто более ценное, чем его жизнь. Документы. Компромат. Записи. Что бы это ни было — забрать. Мы решим, что с этим делать.

Пауза. Долгая. Затем.

— После выполнения задания вы получите то, что заслужили. Магическое оружие. Личное. Связанное с вами. И станете элитой Клана Палачей.

Торн слегка выпрямился. Рейн усмехнулся краем губ. Остальные молчали, как и прежде.

— Связной встретит вас в Империи. Отправная точка — портовая таверна. Имя, пароль, командир отряда — всё указано в свитке, что перед вами.

Один из силуэтов поднял руку. Двери позади вновь зашкрипели, приглашая к выходу.

— Да падёт тень на того, кто вас увидит, — завершил голос.

Пятеро забрали свиток с постамента и молча ушли в темноту коридора.

Шаги пятерых эхом отдавались по каменным плитам коридора, когда массивные двери зала Совета захлопнулись за их спинами. Тишина, наполнившая воздух, давила сильнее, чем слова мастеров. Каждый шаг вперёд казался тяжелее предыдущего — не от страха. От осознания: теперь всё по-настоящему.

Сарет первым нарушил молчание. Хрустнул пальцами, размял шею.

— Ну вот и всё. Наконец-то убийство высокопоставленного ушлёпка.

Он хмыкнул, не скрывая предвкушения. Глаза горели — тот самый, знакомый огонь, что всегда загорался в них при мысли о крови.

— Интересно, вернёмся ли мы все живыми с этого задания, или кто-нибудь из нас сдохнет? — протянул Рейн, запрокидывая голову к потолку, будто разговаривал с невидимым собеседником. — Делайте ставки, господа. Я ставлю на тебя, Дрейвен. Ты ведь вечно лезешь в самую гушу.

— Ну, ты, Рейн, точно первым не умрёшь, — лениво бросил Каэль. — Во всей Империи не найдётся человека, способного заставить тебя замолчать.

Рейн отвесил шутовской поклон.

Торн шёл молча, как обычно. Только сжатая челюсть говорила о том, что он внимательно слушает. Каждое слово. Каждую интонацию.

Дрейвен фыркнул и сплюнул на каменный пол.

— Надо будет раздобыть запрещёнки.

Они свернули в сторону оружейной. Гримм уже ждал их там — широкоплечий, с мрачным, ничего не выражающим взглядом и длинным шрамом, что перерезал лицо от виска до подбородка. Один из старших наставников, ветеран клана, человек, который учил их с первого дня. Он стоял у стола, скрестив руки на груди, и при виде пятёрки лишь коротко кивнул.

— Подходите.

Голос его, как всегда, звучал глухо — ни приветствия, ни лишних слов. Когда они обступили стол, он протянул руку и взял с него пять браслетов. Тонкие, тёмного металла, без единого украшения.

— Эти браслеты созданы мехамантами Союза. Работают на вложенной магии. Позволяют держать связь — только на короткой дистанции. До пятисот шагов.

Он бросил взгляд на каждого по очереди — тяжёлый, испытующий.

— Никакой связи с базой. Только вы. Только задача.

Браслеты пошли по рукам. Металл холодил кожу, мягко сжимался на запястье, подстраиваясь под владельца. Ни кнопок, ничего — лишь тусклое, едва заметное свечение в момент активации, которое тут же гасло, оставляя на руке простое чёрное кольцо.

— Совету известно, что это задание — не просто зачистка, — продолжил Гримм, и его голос стал чуть тише. — В округе уже пропадали разведчики. Без следа. Никто не вернулся. — Он выдержал паузу, и в его глазах скользнула тень. — Поэтому Совет решил: это не просто контракт. Это ваше посвящение. В элиту.

Он обвёл их взглядом — медленно, по очереди.

— Или станете убийцами — или погибнете, как и остальные, так и не став никем.

— Прекрасно, — прошептал Рейн, прикладывая руку к груди. — Я всегда мечтал стать никем.

— Наконец-то нам дали шанс проявить себя, — негромко произнёс Торн, и в его голосе прозвучало что-то, чего раньше не было. Не радость — скорее мрачное удовлетворение.

В дальнем углу оружейной их ждали столы, заставленные оружием. Ничего выдающегося: короткие мечи, кинжалы, арбалеты, топоры, кунаи. Простая сталь. Без магии. Без украшений.

— Возьмите, что хотите, — бросил Гримм. — Это не ваши основные орудия. Просто то, что может пригодиться. Основное оружие вы получите позже. Когда заслужите.

Гримм вытянул руку и указал Торну на плотно свёрнутый свиток, запечатанный тёмно-красным воском.

— Распечатайте свиток и прочтите, что в нём, — обязательно. Только вместе.

Они вышли в узкий коридор, где горели тусклые лампы, и опустились на грубые деревянные скамьи. Торн аккуратно сломал печать, развернул пергамент. Глаза пробежали по строкам. Затем он начал читать вслух — ровно, без эмоций, как привык.

— Задание №47-Э. Цель: Вальтес Ренкард. Статус: аристократ Империи, подозревается в шантаже высших чинов, причастен к пропаже информаторов. Местоположение: поместье Ренкарда, город Кайн. Связной: Мерий, трактир "Гремящий котёл". Пароль: "Куда идут ваши пчёлы?" Ответ: "Улетели на юг". Особые условия: устранить цель без привлечения внимания. Забрать бумаги. Главный в операции: Торн.

На секунду воцарилась тишина. Рейн перестал насвистывать. Сарет медленно поднял глаза на Торна.

— Значит, ты за главного, — усмехнулся он. — Интересный выбор командира.

Торн не поднял взгляда. Он всё ещё смотрел на свиток, хотя строчки уже давно были прочитаны.

— Я не командир, — буркнул он. — Я тот, с кого спросят Мастера, если мы провалим задание.

— Тогда не подведи нас, — сказал Каэль спокойно. — Не хочется видеть, как тебя снова пытаются.

Рейн встал, потянулся, хрустнул шеей.

— Бал, аристократия, тонкие словечки. Прекрасно. Я надену свой лучший костюм.

Дрейвен рассмеялся — низко, раскатисто.

— Заявимся на их праздник жизни, — бросил он и первым направился к выходу. — И расхреначим им черепа.

Пятёрка вышла из оружейной. Дверь за ними закрылась с глухим стуком. Стало тихо. Так тихо, как бывает только перед бурей.

В глубине Министерского комплекса Империи, скрытая от глаз и ушей, находилась малая комната для тайных совещаний. Без окон. Без гербов. Без символов власти. Только голые каменные стены, что помнили шёпот сотен заговоров, да тусклый свет, льющийся с одинокого фонаря над массивным дубовым столом.

Там, в полумраке, сидел Таддеус Варро — военный советник, приближённый к самому Императору. Его лицо редко покидало маску спокойствия. Глаза — сухие, серые, будто потускневшее серебро. На пальцах — кольца с печатями домов, что давно стёрлись с лица земли. В его голосе была сталь, в осанке — неподвижность механизма, который никогда не ошибается.

Дверь отворилась бесшумно. Из тени у входа выступила женщина. Чёрный комбинезон облегал её фигуру, на плечах — расшитая мантия с высоким воротом, что скрывала очертания тела. Селайна Нокс. Она поклонилась — ровно на столько, сколько позволяли протоколы, не больше и не меньше.

— Ты опоздала, Селайна, — произнёс Варро тихо, не поднимая взгляда от бумаг.

— Прошу прощения.

Он наконец поднял глаза.

— Докладывай.

Селайна опустилась в кресло напротив, закинув ногу на ногу. Движение было плавным, почти ленивым, но в нём чувствовалась собранность хищника, готового к прыжку.

— Как мы и предполагали, генерал Стерн незаконно сбывает новое имперское оружие, закупленное у Союза.

Варро поднял глаза. Сцепил пальцы в замок.

— Что по доказательствам?

— В порту есть склад, принадлежащий мелкому купцу. Но этот купец, как выяснилось, очень тесно сотрудничал с родным братом генерала Стерна. — Она сделала паузу, поправила манжету. — Проникнув на склад, я обнаружила, что он полон имперского оружия. Хорошее место: близко к морю, легко транспортировать. К тому же явной связи между генералом и владельцем склада нет.

Варро медленно кивнул.

— Хорошо. Я доложу имперскому фискалу, что для него появилась новая работа.

Селайна молча наблюдала, как он откладывает бумаги в сторону. Тишина в комнате стала гуще.

— У тебя новое задание. — Он откинулся на спинку кресла. — Слышала что-нибудь о Вальтесе Ренкарде?

— Да. Какая-то новая яркая фигура при имперском дворе. Внезапно появился из ниоткуда и быстро достиг высокого положения. Говорят, у него есть связи в самых неожиданных кругах.

— Всё верно. — Варро подался вперёд, и свет фонаря упал на его лицо, сделав морщины резче. — Так вот, через два дня в его поместье в Кайне состоится бал. Он давно перегибает палку, и многим людям он уже встал поперёк горла. Но теперь у нас есть подозрения, что он ведёт свою игру. Против самого Императора.

Селайна не шелохнулась. Только глаза её стали чуть острее.

— Он собирает компромат на людей, приближённых к Императору?

— Имперская политика — как змеиный клубок. — Голос Варро упал до шёпота. — Все безостановочно копают друг под друга, пытаются найти рычаг влияния. Но Ренкард в этой игре перешёл уже все границы. Я посылал в его поместье шпионов, чтобы найти на него управу. Но все они бесследно исчезли.

Он передвинул к ней через стол конверт. На нём был герб — мелкий дворянский дом, не из тех, что привлекают внимание.

— Ты должна попасть внутрь. Как приглашённая гостья.

Селайна взяла конверт. Подняла глаза на Варро.

— А цели?

— Добудь всё, что сможешь. Любой компромат. Чего он боится. Что скрывает. Всё, за что я смогу отдать его под суд. — Варро помолчал, и его голос стал жёстче. — Но главное —

не попадись ему в руки. Он не глуп. Если он схватит тебя, то, думаю, запытает до смерти. Не становись очередным пропавшим шпионом.

Селайна чуть приподняла бровь.

— Я разве когда-нибудь вас подводила?

— По этой причине я и взял тебя к себе, — ответил Варро. — Ты умеешь выкрутиться из любой ситуации. Но излишняя самоуверенность может погубить. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Не хотелось бы потерять своего лучшего агента.

Селайна чуть склонила голову — в знак принятия.

— Ступай. И без результата не возвращайся.

Она поднялась. Конверт исчез в складках мантии. Шаги — бесшумные, как всегда, — унесли её к двери. Та отворилась и закрылась, не издав ни звука.

Таддеус Варро остался один. Он проводил её взглядом, затем снова склонился над бумагами. Его пальцы вернулись к папкам, к докладкам, к бесконечным нитям имперской политики.

Имперский город, в который прибыли убийцы, в сумерках казался зыбкой тенью самого себя. Каменные стены домов покрыты налётом веков, фонари шипели и коптели, отбрасывая расплывающиеся пятна света на грязную брусчатку. Повсюду — движение, суета, рваные крики уличных торговцев, визг повозок, запах перегретого масла и мокрых сапог. Город жил, кипел, но в этом кипении не чувствовалось тепла.

С первых шагов стало ясно: это не витрина Империи, а её пульс — место, где богатство и гниль жили бок о бок.

Главная улица была мощёной и вычищенной, предназначенной для карет знати. По ней скользили экипажи с гербами, запряжённые холёными лошадьми. Изнутри на улицу глядели лица вуалированных женщин и мужчины в кафтанах, расшитых серебром. Их обувь не касалась земли. Их взгляд не касался нищих.

Чуть в стороне — ряды торговцев, что кричали о своих товарах так, будто от этого зависела их жизнь. Пряности, ткани, украшения, амулеты — всё смешивалось в лавину цвета и шума. Рядом стояли охранники в бронзовых нагрудниках, следящие, чтобы никто не пересёк черту дозволенного.

Но стоило свернуть в переулок — и город показывал своё настоящее лицо.

Грязные дети с впалыми щеками, босиком на булыжнике. Старики, сидящие у стен, протягивающие руки. Бандиты в плащах, с жёсткими глазами, глядящие исподлобья. Куртизанки, раскрашенные и уставшие, предлагающие себя тем, кто был готов заплатить хоть чем-то. Ремесленники, гнутые над столами, портные, оружейники, кожевники — работающие до крови, чтобы оплатить налоги. Их лавки теснились на второстепенных улицах, зажатые между трактирами и гнилыми домами.

Над всем этим возвышались административные здания — со знамёнами и стражей. Из окон выглядывали чиновники, следящие за порядком, а может, и просто от скуки. Именно здесь творился настоящий закон — закон, что защищал сильных и карал слабых.

Структура была проста. На вершине — знать, чиновничество, военные командиры. В середине — ремесленники, торговцы, слуги. Внизу — нищие, сироты, преступники и все, кто больше никому не нужен. Такой была Империя. Не лоск, не порядок. А жёсткая система выживания, где красота и богатство служили стенами, отгораживающими от боли.

Пятеро убийц шли по улице к месту назначенной встречи.

Когда они подошли к таверне, вывеска скрипнула на ветру. "Гремящий котёл". Название выгорело от времени, но не исчезло — как старая рана, что уже не болит, но ноет к непогоде.

— "Гремящий котёл", — фыркнул Рейн. — Прекрасное название. Прямо как моя голова после разговора с орущим наставником: шумно, непонятно что в ней и скоро взорвётся.

— Кто эти дурацкие названия вообще придумывает? — буркнул Дрейвен.

Рейн повернулся к нему.

— А ты бы как назвал?

Дрейвен задумался ровно на секунду.

— "Жратва и бухло". Нормальное название.

— Неплохо. Надо будет сказать владельцу — пусть переименует.

— Соберитесь, парни, — отозвался Торн, не оборачиваясь. — Мы здесь не для развлечения.

Он первым подошёл к двери и толкнул её.

Внутри было тепло, душно и шумно. Воздух трещал от голосов, вонял жареным луком, потом и кислым вином. Вдоль стен сидели местные — купцы, торговцы, подозрительные фигуры с глазами, полными недоверия. Где-то в углу кто-то храпел, уронив голову на стол. У стойки две девицы в потёртых платьях лениво переругивались с трактирщиком.

— Садимся у стены, — коротко бросил Торн.

Они заняли стол в углу, где спина была прикрыта каменной стеной, а обзор охватывал весь зал. Заказали немного еды, не снимая капюшонов, стараясь не привлекать внимания. Каждый понимал: ночь только начинается.

Рейн глянул на окно, где мутное стекло запотело от дыхания дождя.

— Какая уютная атмосфера... Прямо чувствую: через час кто-то будет лететь через это окно. И, надеюсь, это не я.

Дрейвен заметил, что Торну выдали немного денег, на которые тот заказал еду, и подался вперёд.

— Слышь, Торн, давай закажем какого-нибудь бухла. Когда ещё нам выпадет возможность выпить не прячась, как нормальные люди?

— Какое, к чёрту, бухло? Мы на задании.

Дрейвен был зол. Ему хотелось наконец-то выпить и отдохнуть — как нормальный человек, в его понимании. Он огляделся по сторонам и заметил соседний стол, за которым, уронив голову на руки, спал изрядно пьяный посетитель. На столе перед ним стоял кувшин с недопитым вином.

Дрейвен аккуратно встал. Подошёл к столу, спокойно взял кувшин, вылил его содержимое в свою кружку и вернулся обратно с таким видом, будто ничего не произошло. Он понимал: они на задании. И за его провал всех может постигнуть жестокая кара. Но себя он успокаивал тем, что заслужил эту небольшую радость. От одной кружки ничего не случится.

Каэль разглядывал лица вокруг, выискивая угрозу. Его взгляд скользил по залу — от стойки до тёмных углов, от пьяных моряков до подозрительных одиночек. Что-то не давало ему покоя.

Таверна "Гремящий котёл" гудела, как прокисший улей. Воздух пропитался потом, алкоголем и дымом — смесью, которую Рейн определил бы как "аромат дешёвой смерти". Пятёрка уже заканчивала трапезу, ожидая связного, когда в зал вошли шестеро.

Люди в плащах. С оружием на поясе и злобой в глазах. Они двигались целеустремлённо, не оглядываясь по сторонам, и сразу направились к столику у дальней стены. Там, в одиночестве, сидел мужчина — одетый скромно, почти бедно, но с какой-то неуловимой осанкой. Он спокойно доел тушёное мясо, вытер руки о край скатерти и закурил самодельную самокрутку, выпуская клубы дыма.

Каэль, всегда внимательный, прищурился. На руках незнакомца поблёскивали кольца.

— Смотрите, — тихо сказал он. — Десять колец на руках. И светятся необычно.

Рейн склонился вперёд.

— Может, он модник. Или женился десять раз и выжил.

Но Каэль не усмехнулся. Он изучал мужчину напряжённо, взглядом следопыта, будто что-то в нём тревожило.

Люди в плащах подошли к столу незнакомца.

— Мы знаем, кто ты, — произнёс один из них. — Поднимайся, пойдёшь с нами.

Тот не обернулся. Лишь выдохнул дым.

— Это плохая идея, — спокойно ответил он. — Вам стоит уйти. Пока ещё можете.

— Ты пойдёшь с нами сам, или мы срубим твою сраную башку и засунем её в мешок, — рявкнул другой. — Разницы нет.

Тогда мужчина поднял голову. Глаза его были пустыми. Спокойными. Словно он смотрел не на шестерых вооружённых людей, а на облака за окном.

— А если не получится? — спросил он. — Что тогда?

Секунда — и в зал врывается скрежет стали. Лезвие отрубает ему голову одним чистым движением. Она падает на пол с глухим стуком, как мячик, катится к стойке. Тело опрокидывается, разливая вино. Один из нападавших ухмыляется.

— В мешок голову. Тело — на улицу.

Он поворачивается, делает шаг — и тут всё замирает.

Отрубленная голова начинает рассыпаться.

Прямо на глазах у оцепеневших наёмников плоть теряет форму, распадается мельчайшей пылью — серой, мерцающей, как пепел на ветру. Частицы поднимаются в воздух, закручиваются вихрем и мчатся обратно — к обрубку шеи, что ещё мгновение назад фонтанировал кровью. Треск костей. Хруст шейных позвонков, вставших на место. И вот он уже цел — лежит на полу, моргает, будто только что проснулся.

В воздухе раздаётся треск. Кольца на его пальцах начинают светиться ярче, сильнее. Одно за другим они раскаляются докрасна. Тёмный металл растёт, расплзается по рукам, формируя поначалу кастеты, затем — массивные, покрытые гравировками магические пистолы. Громоподобные, но идеально сбалансированные, они будто обросли вокруг его рук, став с ними единым целым.

— Мой черёд, — хрипло произносит он.

БАХ! Первый выстрел — как удар грома в каменный колодец. Голова ближайшего наёмника просто взрывается, сожжённая энергетическим зарядом. На её месте на долю секунды вспыхивает облако пара, а затем на стену за ним оседают ошмётки мозга, перемешанные с осколками черепа. Обезглавленное тело стоит ещё мгновение, прежде чем рухнуть в лужу собственной крови.

Второй выстрел. Заряд входит в грудную клетку следующего наёмника, и та разлетается, как гнилой арбуз под ударом кувалды. Рёбра — в стороны, словно обломки дерева под топором. Внутренности выплёскиваются на пол — парящие, дымящиеся, тошнотворно-розовые. Он даже не успевает закричать.

Остальные пытаются вытащить оружие. Поздно. Незнакомец наводит ствол, и один выстрел прошивает сразу троих — разрывая тела, выбивая зубы, ломая челюсти. Осколки костей брызжут во все стороны, как шрапнель. Кровь заливает столы, стекает по ножкам, капает с потолочных балок.

Один из нападавших, успевший вскочить на стол, получает заряд в живот. Его разрывает на две половины — верхняя летит в одну сторону, нижняя в другую. Кровавый дождь оmyвает деревянные балки, заливает свечи, и в зале становится темнее.

Последнего он не убивает сразу. Магическая плазма, выпущенная из пистолей, отрывает ему обе ноги — ниже колен просто ничего не остаётся, только дымящиеся обрубки. Тот падает, ползёт, скользя в крови товарищей, захлёбываясь визгом. Его пальцы скребут по залитому полу, оставляя кровавые борозды.

— Пощади... пожалуйста... — хрипит он, и изо рта у него течёт кровавая слюна.

Незнакомец подходит ближе. Неторопливо. Его шаги гулко отдаются в мёртвой тишине таверны.

— Слишком поздно для вежливости, — отвечает он.

Щелчок. Заряд летит в голову, снося её с плеч. Она откатывается к стойке и замирает, уставившись в потолок остекленевшими глазами.

Гробовая тишина.

Вся таверна оцепенела. Хозяин спрятался за стойку, и только его трясущаяся макушка едва виднелась над краем. Певец в углу молчал, прижав лютню к груди, будто та может его защитить. Кто-то из посетителей забился под стол. Кто-то тихо, очень тихо молился.

И только Рейн вдруг выдохнул — громко, восхищённо.

— Вот это... вот это, я понимаю, шоу-программа в этом заведении.

Незнакомец прошёлся между телами, не торопясь. Похлопал одного по карманам — вытащил амулет. У другого забрал кошель, повесил на пояс. Подобрал чей-то кинжал, крутнул в руке, оценил баланс и отбросил в сторону — не понравился. Вернулся к своему столу, осушил бокал до дна, бросил на пятерых убийц короткий, хмурый взгляд — и вышел за дверь. За ним остались только кровь, шёпот и запах гари.

Каэль продолжал смотреть на дверь.

— Очень странный тип, — произнёс он.

Рейн хмыкнул.

— А мне он понравился. Поел, попил, устроил локальный геноцид — всё как мы любим.

Дрейвен откинулся назад, сложив руки за головой, словно увиденное было для него вечерним представлением.

— Ну и штуковины... — протянул он. — С виду кольца, а на деле — смертоносное оружие.

Он повертел головой, разминая шею с хрустом.

— Я бы, конечно, предпочёл всё по-старинке сделать — подойти вплотную и разорвать. Но, чёрт возьми, даже я должен признать: он убил их красиво. Спокойно. Быстро.

Он прищурился, будто пытался представить, каково это — драться с таким.

— И ведь не шумел зря. У него ни один мускул не дернулся, пока ему башку не снесли. Я бы так не смог. Я бы орал на них с первой секунды.

Сарет буквально подался вперёд. Его глаза сияли, губы растянулись в восторженной, почти болезненной улыбке.

— Кольца... — прошептал он. — Эти кольца. Они как будто живые. Видели, как они меняют форму? Кастеты, пушки... Во что ещё они способны собраться?

Он провёл рукой по столу, будто ощупывал оружие, которого здесь не было. В его голове уже крутились мысли — быстрые, тёмные, жадные. "Мне нужно это. Я должен это получить. Если такие вещи существуют в этом мире — значит, мне нужно их найти и заполучить. Даже если придётся их у кого-то отнять". Но что ещё больше поразило Сарета — это воскрешение незнакомца после того, как ему отрубили голову. Никто не мог объяснить, как такое возможно. И именно это завораживало его сильнее всего.

Каэль опёрся локтем на стол, глядя в опустевший дверной проём.

— Я заметил кольца ещё до того, как всё началось, — произнёс он негромко, скорее для своих, чем в голос. — Они слабо светились, но... как будто дремали.

Он перевёл взгляд на остальных.

— Когда ему отрубили голову, кольца не загорелись. Они не зашевелились, не засветились сильнее. Это не они его воскресили.

Каэль откинулся назад и щёлкнул пальцем по столу.

— Но вот когда он встал — тогда кольца вспыхнули. Начали превращаться в кастеты. Потом — в стрелковое оружие. Впечатляющее, кстати: он стрелял не целясь. Будто знал заранее, куда попадёт. Или будто оружие само вело его руку к цели.

Он сжал пальцы в кулак и пробормотал, почти сам себе.

— Значит, кольца — это не источник его бессмертия. Это инструмент. Артефакт. Живой, возможно, разумный. И весьма опасный.

Поднял взгляд.

— А вот что делает его бессмертным — пока остаётся вопросом. Может, какой-то вид магии, о котором мы не знаем?

Торн с лёгким напряжением следил, как тело последнего нападавшего распласталось на полу с дымящейся дырой в груди. Вокруг гулко звенела тишина. Странно, но никто из посетителей таверны не вмешался — кто-то сделал вид, что ничего не заметил, другие испарились вглубь зала, словно тени. Торн выдохнул, провёл взглядом по товарищам: все на месте, никто не сорвался.

"Хорошо. Ни одного резкого движения, ни одного лишнего слова. И главное — действия этого типа не поставили под угрозу нашу задачу. Это главное", — думал он, стараясь сохранить спокойствие.

Он уже собрался сделать шаг к выходу, как из полутени у дальней колонны отделилась фигура. Мужчина в потёртом дорожном плаще, невысокий, с немного хриплым голосом и сухим лицом. Он остановился, глядя прямо на пятёрку.

— Куда идут ваши пчёлы? — спросил он глухо, будто невзначай, будто просто говорил себе под нос.

Торн сразу повернулся к нему. Взгляд — твёрдый. Голос — спокойный.

— Улетели на юг.

Незнакомец слегка кивнул, бросил быстрый взгляд на тела, что всё ещё дымились на полу, и сказал вполголоса.

— Хорошо, что вы не вмешались. Станный тип. Но трогать — себе дороже.

Он сделал жест рукой.

— За мной. Здесь слишком много ушей. Разговор о деле — в другом месте.

Торн коротко кивнул и первым двинулся за связным, не оборачиваясь. Пятёрка поднялась из-за стола и направилась к выходу — мимо трупов, мимо крови, мимо оцепеневших посетителей. Ночь только начиналась. И где-то впереди их ждало поместье Ренкарда.

Тусклый рассвет заливал улицы туманом, как вуалью скрывая очертания величественного поместья Ренкарда. Каменные стены, высоченные кованые решётки, вооружённые стражи у ворот — всё выглядело спокойно, но отточено до мелочей. Поместье дышало золотом, властью и высокомерной уверенностью в собственной неприкосновенности.

Пятеро убийц стояли в узком переулке напротив, скрытые за пологом тени. Связной показал рукой на западное крыло.

— Здесь есть старый служебный вход в подвал. Его почти не охраняют, особенно во время бала.

Торн кивнул, окинув взглядом фасад поместья. Его голос звучал ровно, но в нём чувствовался металл.

— Надо разделиться. Вальтес не дурак. Уверен, у него есть план побега на случай опасности — нужно подстраховаться. Сарет, Рейн — идёте через подвал. Перекройте возможный путь отступления. Держите ухо востро — если что, вы ближе всех и сможете вмешаться быстро. Заодно осмотрите подвал: вдруг он хранит компромат или другие секреты в подземных помещениях.

Рейн хмыкнул, проверяя метательные лезвия, что веером рассыпались в его пальцах.

— Ну вот. А я так хотел попасть на бал. Никогда там не был.

Сарет с довольной ухмылкой поправил клинки на поясе.

— Да к чёрту все эти пляски напыщенных индюков. К тому же ты себя-то видел, Рейн? С таким видом тебя даже на порог не пустят.

Торн не обратил внимания на реплики — его взгляд был цепким, сосредоточенным.

— Нам нужен кто-то внутри, чтобы следить за Ренкардом и обстановкой в целом. Изнутри бала. Без шума, без лишнего внимания.

— Я знаю, где можно достать форму прислуги, — вмешался связной. — Я проведу. Главное — выглядеть скромно, неприметно.

Торн медленно повернулся к Каэлю.

— Ты пойдёшь. У тебя подходящее лицо. Тихий, незаметный. Войдёшь как один из слуг и будешь следить за Ренкардом. Запоминай всё, что может быть полезно. Если что — сигнализируй.

Каэль кивнул, не возражая. Его взгляд скользнул к поместью — спокойный, оценивающий.

— Понял. Я найду его. И буду следить из зала.

— Мы с Дрейвеном обобщем кабинет, хранилища — всё, что можно. Документы, схемы, связи, компромат — Клану пригодится всё. Этот лорд слишком влиятелен, не просто так его хотят устранить.

Дрейвен усмехнулся, сжимая кулаки в боевых шипастых перчатках.

— Надеюсь, хоть кто-то будет охранять эти бумажки. Иначе будет совсем скучно.

Торн бросил последний взгляд на здание и сказал глухо.

— Работаем быстро. Чисто. Никакого героизма или самодеятельности, если не требуется. Сообщайте мне всю важную информацию по связи. Пошли.

Сырой туман полз по земле, сливаясь с каменными плитами заднего двора. Туда, куда гости не зашли бы случайно, поставили троих стражников — насупленных, усталых, но всё ещё начеку. Один зевал, опираясь на алебарду, другой нетерпеливо стучал ногой, озираясь на тьму у дальней стены, третий жаловался им на свою жизнь.

— ...а я ему говорю: не буду я работать за такую плату! — раздавался негромкий голос в полутёмном проулке.

Стражник, сутулый мужчина лет сорока с изрядным животом, стоял, облокотившись на алебарду, и ковырял ногтем засохшую грязь из-под ногтя.

— Жена ноет: "Принеси рыбы", а где я тебе возьму рыбу, если всю неделю на сменах как проклятый? — продолжал он, обращаясь к товарищу, который только вздыхал в ответ. — А сын всё твердит, что хочет в гильдию вступить, стать казначеем или торговцем. Хочет шуршать золотом и соваться в счета лордов. А ты попробуй туда попади — там чужих не пускают. Я, когда в его возрасте был, тоже думал, что у меня всё ещё будет, что я стану какой-то важной шишкой. А сейчас вот стою тут за гроши. Без имени, без связей ты — никто.

Он потёр шею, сплюнул в сторону и снова заговорил, уже глуше.

— А этот наш лорд... Ренкард. Сидит себе в тепле, жрёт вино и девок меняет как перчатки, пока мы тут гниём. Скажи, вот это справедливо, а?

Другой охранник промолчал. Он как раз заметил какое-то движение в темноте впереди. Щурясь, всматривался в тень... но было уже поздно.

Сарет шагнул из мрака, как призрак из кошмара, и мгновенно оказался рядом. Его рука, усиленная магией тела, пробила стражнику горло, словно копьё. Пальцы сомкнулись на кадыке и рванули наружу с влажным, отвратительным хрустом. Трахея, мышцы, ошметки кожи — всё вышло одним кровавым комком. Стражник даже не успел понять, что умер. Он просто захрипел, закашлялся кровью, что хлынула фонтаном, забрызгивая каменную стену, и осел на землю.

Второй дёрнулся, разворачиваясь с криком, но крик тут же оборвался. Лезвие кинжала Сарета вошло ему под челюсть, пронзило нёбо, пробило глазницу и вышло наружу, увенчанное глазным яблоком. Тело задёргалось в конвульсиях, но Сарет уже не смотрел на него.

Рейн появился с другой стороны — бесшумно, как собственная тень. Его клинок рас­сёк горло третьему, зевающему, не дав тому даже вскрикнуть. Кровь залила ворот, стражник захрипел, схватился за шею, из-под пальцев запузырилась алая пена, и он рухнул навзничь, уставившись в туманное небо.

Сарет не торопился. Он наслаждался. Схватив ещё живое тело — то, с пробитой гла­з­ни­цей, — он медленно опустил его на каменные плиты. Стражник бился в конвульсиях, захлёбываясь собственной кровью, разодранное лицо дёргалось в последних, бессмысленных попытках вдохнуть. Сарет наклонился ниже, почти касаясь лицом лица умирающего, и смотрел. Его глаза горели, губы дрожали в неясной полуулыбке. Он вдыхал их смерть, как аромат свежесваренного чая, — медленно, смакуя.

Рейн остановился над телом первого стражника — того, что жаловался на жену и мечтал о лучшей доле для сына. Секунду он молчал, глядя на перекошенное от ужаса лицо, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом пробормотал, почти задумчиво.

— Мечты... Один хотел, чтобы сын вырос и стал кем-то важным. А теперь лежит мёртвым в грязи. Забавно.

Он вытер клинок о плащ убитого и добавил, уже тише.

— В Империи мечты наследуются вместе с нищетой — как проклятие по крови. Надеюсь, судьба его сынишки будет лучше, чем у папаша.

Сарет распахнул узкую деревянную дверь, ведущую в подвал. Изнутри пахло затхло­стью и сырым камнем. Он обернулся через плечо и бросил Рейну — с той же жуткой, застыв­шей ухмылкой.

— Радуйся, что мы не на их месте.

Каменные ступени уходили вниз, вглубь, туда, где полутьма прятала тайны этого замка. Рейн шагнул следом, и дверь за ними закрылась, отсекая туман, кровь и три остывающих тела во дворе.

Тем временем связной провёл Каэля через боковой вход, скрытый за разросшимся плю­щом. Несколько коридоров — и они оказались возле помещения прислуги. Связной показал на деревянную дверь с тусклой лампой над ней.

— Там хранят форму. Дальше — сам.

Каэль кивнул и бесшумно скользнул внутрь.

В помещении было душно. Одежда, развешанная по стойкам, блёклые зеркала, запотевшие окна... и один человек. Молодой работник, одетый в халат, лениво развалился на скамье, потягивая из фляги и разглядывая паутину на потолке.

Каэль замер в дверях, затем начал двигаться — как вода, мягко, без звука. Один шаг. Второй.

Работник вздрогнул, услышав едва различимый скрип половицы, но не успел повернуть головы. Каэль метнулся вперёд, перехватил его за горло и заломил руку за спину — быстро, точно, без единого лишнего движения. Тот попытался вырваться, но потерял сознание быстрее, чем понял, что происходит.

Минутой позже работник был связан, рот заткнут тканью, тело аккуратно уложено в тени между ящиками. Никаких следов борьбы. Никакого шума.

Каэль снял с вешалки подходящий комплект: жилет, чёрные брюки, белую рубашку — скромно, но опрятно. Примерив и убедившись, что вид соответствует общепринятым нормам, он поправил волосы, сунул за пояс скрытый кинжал, вышел в коридор... и растворился в потоке слуг, сновавших по залу.

Он шагнул из полутёмного коридора в главный зал, будто пересёк границу между мирами. Мирами, где один — это тень и тишина, а другой — блеск, маски и смех. Он вошёл уверенно, не торопясь, сохраняя ту особую манеру движения, которой обучали в Клане: слиться с толпой, быть фоном, быть никем.

Огромное помещение утопало в роскоши. Потолки терялись в высоте, и хрустальные люстры преломляли свет сотен свечей в тысячах блестящих осколков, отчего весь зал казался залитым мягким золотом. Мраморный пол, инкрустированный редкими породами дерева, отражал силуэты танцующих пар. По кругу, как в театре, стояли колонны, обвитые тканями и гирляндами из живых белых цветов. Вино лилось рекой, музыка разливалась в воздухе, как аромат, а смех и гул голосов звенели, будто часть какого-то грандиозного спектакля.

Знать Империи — вычурная, одетая в дорогие ткани — кружилась в танцах и беседах. Маски, перья, украшения: здесь каждый стремился выглядеть величественнее соседа. Каэль не отвёл взгляда, но и не позволил эмоциям вырваться наружу. Он был тенью.

Незаметно коснувшись браслета, спрятанного под рукавом, он включил передачу и, будто вздыхая себе под нос, тихо произнёс.

— Зал вижу. Богачи блещут сильнее люстр. Шесть охранников в обычной форме по периметру. Трое других — стоят ближе к центру. Одеты иначе. Броня тёмная, эмблемы нет — личная охрана лорда, похоже. Пока всё спокойно.

Он сделал крюк, чтобы подойти ближе к краю зала, где начинался балкон. Мимоходом прошёл рядом с мужчиной, чья форма походила на охранную, но была облегчённой — почти как у дуэлянта. Перчатка на руке с символом магической академии, незаметное мерцание гравировки на ткани, иной, более цепкий взгляд.

Каэль тихо добавил.

— Есть и маг в охране. Один, по крайней мере. Одежка облегчённая, но боевая. Слишком внимательно смотрит.

Он медленно скользил вдоль колонн, ловя обрывки бесед. Один столик, уставленный бокалами и позолоченными фруктами, собрал особенно красноречивую группу.

— Говорю вам, влияние Церкви Света растёт слишком быстро, — произнёс лорд с сединой у висков. — Уже не только в провинциях, но и в самом сердце Империи. Сенаторы, военные, даже некоторые префекты — все шепчутся о Создателе.

— А вы слышали про их знаменитое Святое Дитя? — ответила женщина в узком тёмно-бордовом платье. — Ребёнок, что творит чудеса, как будто дышит ими. Толпа в восторге. Армия в смятении. Аристократия в растерянности.

— В этом и опасность, — вмешался третий. — Народ хочет верить. А когда вера сильнее логики — рушатся державы. Мы это уже проходили.

— А теперь взгляните на Железный Союз, — бросил первый с лёгкой насмешкой. — Ни религии, ни сословий, ни даже личной собственности. Всё распределяется Эйдосом.

— Эйдос, — повторила женщина задумчиво. — Сверхмеханизм, которого они почитают как божество... но не в мистическом смысле. Они верят в его расчёт, в его волю как абсолютную логику.

— И он, как говорят, управляет ими напрямую. Распределяет ресурсы, назначает роли, формирует цели. Всё рационально, без эмоций. Неживой механизм-правитель.

— Это не государство. Это огромная тюрьма, — усмехнулся третий. — Общество без элиты. Без бедных. Без богатых. Только винтики и шестерни. Всё на службе системы.

— В их Союзе, — заметил один лорд, не отрывая взгляда от танцующих, — все трудятся ради всех, блага делят поровну.

— Поровну? — переспросил другой с ленивой усмешкой. — И зачем тогда вообще напрягаться? Стараться, расти, рисковать — если твой хлеб одинаков с хлебом того, кто едва шевелится?

— Они называют это справедливостью, — вставила женщина в серебристом платье.

— Справедливость, — усмехнулся первый, — когда твои усилия стоят не больше, чем леньность соседа. Забавно.

— И в этом их сила, — тихо сказал седой лорд. — Ни предательства, ни коррупции, ни ревности. Только исполнение функции.

— Вопрос в том, — добавила женщина, — когда этот механизм решит, что Империя — угроза его равновесию. Что тогда?

Каэль, проходя мимо, мельком глянул в их сторону. Люди в шелках, обсасывающие государственные катастрофы, как виноград на серебряной вилке. Он ничего не сказал — только запомнил.

Сделав несколько шагов к дальнему краю зала, где за аркой начинался небольшой балкон с видом на танцующих, он заметил её. Там, словно часть самого вечера, стояла она — Селайна Нокс.

Высокая, грациозная, в вечернем платье из чёрного атласа с алыми вставками, она напоминала хищницу, замаскированную под благородную даму. Лицо прикрывала утончённая маска, но глаза — острые, внимательные — ничто не могло скрыть.

Когда шум бала чуть стих, а оркестр замер после очередного пафосного вальса, слуга вошёл на небольшое возвышение в конце зала и трижды ударил в серебряный гонг.

Голоса затихли.

Все повернулись к лестнице, где показался лорд Вальтес Ренкард. Он спускался неспешно, с лёгкой, почти танцующей походкой, и каждый шаг будто отдавался в сердцах гостей лёгким напряжением. Он остановился у перил, позволив всем насладиться паузой, а затем заговорил.

Голос его был глубок, бархатист и странно ровен — будто он не говорил, а читал давно написанный текст, выверенный до последнего слова.

— Друзья, союзники... соперники. — Он позволил себе мягкую усмешку. — Сегодняшний вечер — это не просто праздник роскоши и красоты. Это напоминание. О нашей силе. О нашей ответственности. О хрупкости порядка, в котором мы все существуем.

Он сделал небольшой шаг вперёд.

— В мире, где боги уходят в молчание, а железо начинает думать за человека, где храмы Света проникают в самое сердце Империи, а народы отдалённых границ тянутся к старым пророчествам, — именно нам, наследникам благородной крови и власти, суждено сохранить равновесие.

Каэль, стоя у стены с подносом в руках, чувствовал, как в зале нарастает напряжение. Слова Ренкарда были сказаны как комплимент, но в них звучал вызов.

— Некоторые верят, что в равенстве — спасение. Другие — что в вере. А я верю в стабильность. Сильные должны держать мир от распада. Именно мы. Здесь. Сегодня.

Он поднял бокал, который уже каким-то образом оказался в его руке — то ли передали, то ли возник сам собой.

— За Империю. Пусть же никто и ничто не посмеет затмить величие Империи Вечной Короны и нашего Императора.

Он выпил.

В зале раздались аплодисменты — осторожные, но бурные. Кто-то переглянулся. Кто-то улыбался слишком натянуто. Несколько человек, наоборот, смотрели с восхищением — искренним или хорошо разыгранным.

Селайна Нокс стояла у мраморной колонны, небрежно держа бокал вина, когда лорд Ренкард закончил свою речь.

"Хищник среди скота", — мелькнуло у неё в голове, когда она вновь взглянула на него. Его голос, движения, выражение лица — всё казалось безукоризненным. Он говорил уверенно, размеренно, как человек, который знает: его слушают не потому, что обязаны, а потому, что боятся не услышать.

Слова были правильными. Торжественными. Даже вдохновляющими.

Но Селайна не слышала в них сердца.

"Власть в его голосе, но не в его словах. Он не обещает. Он предупреждает".

Она чуть наклонила голову, наблюдая, как он неспешно отходит от перил, будто выполнив формальность. Рядом кланялись, льстили, улыбались.

"Он не ищет поддержки — он напоминает, кто здесь хозяин. Напоминает, что Империя не делится. Не советуется. Она диктует свою волю".

Глаза Селайны на миг прищурились.

— В чём же твой секрет, Вальтес Ренкард?

Сама она играла в эти игры давно. Знала цену притворству и цену молчания. Но в лорде Ренкарде было что-то иное. Не просто надменность — что-то глубже. Тяжесть. Сила, которую трудно было описать, но невозможно не почувствовать.

Она сделала глоток вина, не сводя с него взгляда. И улыбнулась. Не себе — Ренкарду. Хотя он, вероятно, даже не заметил.

Пока в зале продолжались разговоры под звуки вальса и бокалы наполнялись вновь и вновь, далеко от света хрустальных люстр двое убийц уже растворялись в тени. Торн и Дрейвен не слышали фанфар и речей — им была отведена своя сцена, лишённая зрителей, но полная смысла.

Тишина в коридоре нарушалась только приглушёнными звуками музыки с нижнего этажа. Где-то далеко доносились голоса — вино лилось рекой, благородные танцевали, думали о престиже, интригах и выгодных браках. А здесь, на верхних уровнях поместья, начиналась настоящая работа.

Торн и Дрейвен скользили по полутёмному коридору, как два призрака — один тяжёлый, как молот, другой опасный и бесстрашный, словно стихийное бедствие. Они остановились у поворота, где впереди, у двери, дежурили двое охранников. Один прислонился к стене, с явной скукой разглядывая позолоченные детали интерьера. Второй, более собранный, держал руки за спиной и явно относился к делу серьёзнее.

Торн ударил. Обычный прямой удар — но с такой мощностью, что шлем охранника вогнулся внутрь. Хрустнул череп, кровь брызнула из прорезей забрала, тело рухнуло мешком, даже не дёрнувшись.

Второй успел повернуться. Увидел лишь мимолётную тень — Дрейвен обошёл его сбоку, скользнул за спину, коротко и уверенно дёрнул. Шея хрустнула под руками.

— Спи спокойно, герой, — прошептал Дрейвен, подхватывая умирающее тело, чтобы оно не грохнулось на пол. — Не стоило тебе сегодня выходить на смену.

Когда второй стражник осел на пол, Торн уже налёг на дверь. Один мощный толчок плечом — дерево затрещало. Второй — и створка вылетела внутрь с оглушительным треском.

В покоях было тихо. Ни одного дыхания, кроме их собственных. Золото, красное дерево, стекло. Пространство выстроено как ловушка: красиво, бездушно, рационально. Всё слишком идеально — как будто здесь не живут, а играют роль человека.

Они двинулись внутрь. Торн — к столу, к шкафам, к потайным нишам. Дрейвен — к комоду, вытаскивая ящики с лёгкостью человека, которому плевать на тонкую отделку. Бумаги, документы — всё летело на пол.

— А вот это интересно, — протянул Дрейвен, разглядывая отчёты. — Поставка вин — тридцать две штуки, партия отправлена. Штуки? — он фыркнул. — Такой знатный и богатый лорд торгует вином поштучно? Получатель — какой-то Шааргул. И оплата не указана, будто поставки были бесплатными.

Дрейвен продолжал рыться в бумагах, пока Торн обшаривал ящики под письменным столом. Они уже нашли достаточно, чтобы понять: лорд — не просто чиновник. Он — узел власти, чья паутина уходит глубже, чем можно представить. Имя Шааргула, повторявшееся в накладных и письмах, висело в воздухе, как предчувствие чего-то древнего и голодного.

Внезапно браслет связи затрещал, и сквозь шум пробился голос Сарета — приглушённый, напряжённый.

— Мы внизу. Подвал под основным крылом. Тут камеры. Целые ряды. Внутри много людей.

За Саретом послышался голос Рейна — насмешливый, но с ледяной ноткой.

— Некоторые ещё шевелятся. Дети, взрослые, вонючие, как месяц в выгребной яме. Сюрприз: бездомные, нищие, пара наших разведчиков. Очень... разношёрстная коллекция.

Пауза.

— У некоторых на руках татуировки... следы пыток. Кто-то мёртв, кто-то почти. Похоже, наш лорд любил тишину — особенно ту, что доносится из закрытой клетки.

Торн задумался, сопоставляя полученную информацию. Винные поставки. Камеры с людьми.

— Это не вино, — сказал он спокойно. — Это люди.

Он взглянул на Дрейвена, и тот кивнул.

— Вытаскивайте наших разведчиков и детей. Отведите их к связному, пусть ждут нас за поместьем. Остальных — зачистить. Не должно остаться лишних глаз. Мы заканчиваем здесь.

Браслет снова вспыхнул, и на этот раз раздался спокойный голос Каэля.

— Ренкард покинул бал. Без объявлений и церемоний. Вышел через северную арку. Идёт быстро... прямо к вам. Будьте готовы. Такое чувство, будто он что-то учуял.

Дрейвен усмехнулся и глянул на дверь.

— Пора готовиться к приёму. Как думаешь, он любит сюрпризы?

Торн встал, сжимая найденные бумаги в кулаке.

— Это будет последний сюрприз в его жизни. Кончаем его — и уходим.

Раздавшийся снизу глухой топот оборвался внезапно — будто кто-то прыгнул вверх, минуя лестницу. Торн резко поднял взгляд к пустому дверному проёму. Ни стука, ни шагов — только резкий порыв ветра.

В комнату вошёл Ренкард.

Он шёл неторопливо, будто не замечал трупов охранников у стен, бумаги, разбросанные по полу, и двоих незваных гостей. Его сапоги хлопнули по крови у входа, но он даже не опустил взгляда.

— Я умею слышать. И чувствовать. Особенно запах чужаков в моих покоях.

Он остановился в паре шагов от Торна, глядя с ледяным спокойствием.

— Вижу, вам удалось пройти мимо моих людей. Неприятно. Но я не злопамятен.

Он развёл руками — широкий, почти радушный жест.

— Предлагаю сделку. Назовите, тех кто вас послал, — и я дам вам уйти. Тихо и даже с деньгами.

Торн не ответил сразу. Он шагнул вперёд, убирая бумаги под броню.

— Нам не нужны твои деньги, лорд Ренкард. — Голос его был ровным. — Нас устроит только твоя смерть.

Дрейвен усмехнулся.

— Да и уходить тихо мы не любим. Короче, хана тебе, напыщенный петух.

В следующий миг он рванулся вперёд — быстрый, как хищник, вся ярость в одном рывке. Удар кулаком в челюсть — но...

Рука Ренкарда взметнулась и перехватила Дрейвена за горло с такой силой, будто тот был ребёнком. Он поднял его, с лёгкостью прижимая к стене. Дрейвен зашипел — не от боли, от злости.

Лицо Ренкарда изменилось. С него исчезла вся вежливость. Глаза вспыхнули алым, клыки блеснули в полумраке.

— Тупые псы. Вы не представляете, с кем связались.

Он сдавил сильнее. В глазах вампира сверкнул голод.
Др

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.